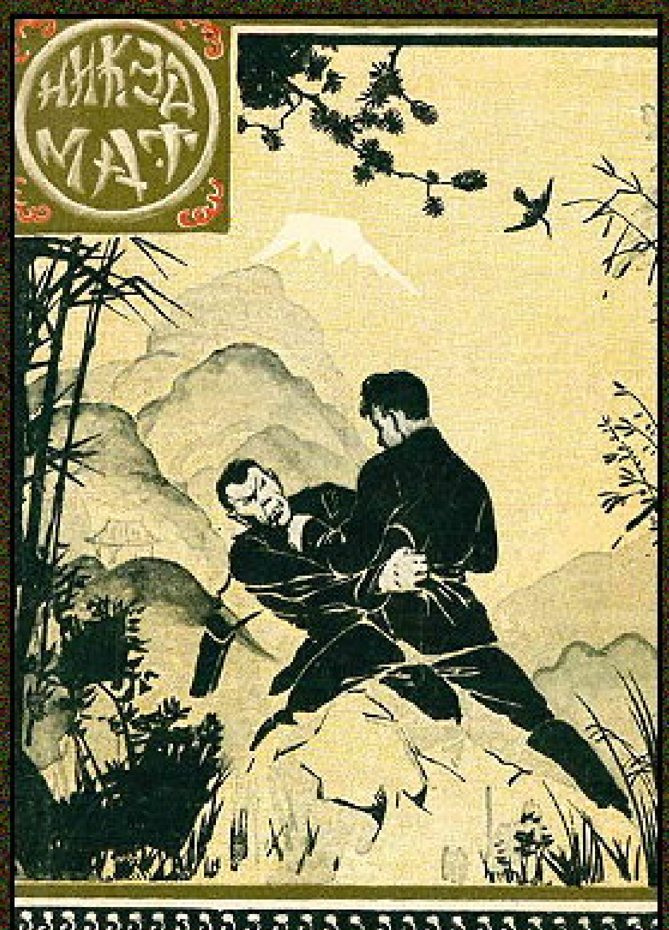
[Polaris]

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Том 2

ЗУБЫ ЖЕЛТОГО: 1919 ГОД

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXCI

Salamandra P.V.V.

Никэд
МАТ

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

Том 2

ЗУБЫ ЖЕЛТОГО
1919 год

Salamandra P.V.V.

Мат Н. (Костарев Н. К., Март В. М.)

Желтый дьявол. Т. 2: Зубы желтого. 1919 год. Илл. И. Колесникова. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 335 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXCI).

«Желтый дьявол» — гремучая трехтомная смесь авангарда, агитки, детектива, шпионского и авантюрно-приключенческого романа, призванная дать широкую панораму Гражданской войны на Дальнем Востоке. Помимо вымышленных лиц, в нем выведены и вполне реальные персонажи, от барона Унгерна и атамана Семенова до американского командующего Гревса и японского генерала Оой, красных командиров С. Лазо и Я. Тряпицына и др., а действие с головокружительной быстротой разворачивается на огромном пространстве от Сибири до Китая и Японии. Этот примечательный роман многие десятилетия оставался недоступным для читателей. Авторы, составившие писательский дуэт «Никэд Мат», поэт-футурист В. Март (1896-1937) и прозаик, поэт, очеркист и бывший «красный партизан» Н. Костарев (1893-1941?), сгинули в сталинских застенках, а «Желтый дьявол» оказался под запретом. Но и в «перестроечные», и в постсоветские годы роман так и не удостоился переиздания...

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

НИКЭД МАТ

ПРИБОЙ

НИКЭД МАТ

ПОВСТАНЧЕСТВО

1919 ГОД

ГЛАВА 1-ая

ЗАРЕВО С ВОСТОКА

1. Взрыв

Тревожно спит Тетюхэ.

Внизу, в пропасти бухты, холодный ветер свистит в скалах. Там, за ними — поет и рокочет январский океан, северный, зимний...

С Японского моря от Цусимы идет тайфун[1].

Маленькие хаты, раскиданные, как гнезда, по скалам бухты — глазами светящихся окон в тьму океана смотрят, насторожились...

Мигает на южном мысу маяк, воет сирена.

Начинается шторм.

В маленькой бухте Тетюхэ никто не хочет спать.

Ждут... Все знают и ждут...

. . . .

В глубину шахты с поясной лампочкой спускается шахтер. Быстро и уверенно, цепкими ногами, по штольням двигается он. Вот дошел. По горизонтальному коридору, направо в нишу и в свет — молодой, гибкий, здоровый, кудрявый, через шум мотора и шелест ремней и тросов под'емника к человеку в глубине у регулятора:

— Здравствуй, Серов! Есть — вот! — и передает ему клочок бумаги, на котором написано только:

---

[1] Шторм.

Начальнику Горного округа
г. П. И. Бринеру.

.. Затягивайте, держитесь. — Вышел карательной экспедицией в бухты Ольгу и Тетюхе на посыльном судне „Дыдымов“ и миноносце „Лейтенант Малеев“. Ждите, встречайте. Начальник экспедиции полковник Скворцов“.

11 января 1919 г.

...Прочел. Глаза на Демирского:

— Ребята на местах?

— Все!

Руку с регулятора:

— Ты останешься здесь. Через двадцать минут остановишь машины. Сам выйдешь северной штольней к узкоколейке. Жди на мосту у запала. Без меня не рвать.

Ныряет в глубину забоя. Оттуда — с двумя карабинами:

— Вот! — А другой себе... — И на ходу вскочил на вагонетку в под'емник.

— Дело! — голос Демирского из глубины.

Тьма шахты. Только шелест под'емника — все выше и выше чувствует тело...

Свет сверху.

— Стоп! — из под'емника в серое утро шагнул, и сразу команда:

— Стой! — стражники к нему.

Ручная граната в охрану — четыре секунды, на пятой:

«Жжжжжжжиииий!..»

Брызги, осколки и смята команда — пятится к выходу.

«Дзин-н-н»... — стекла приемника, и в переплеты окон винтовки:

— Сдавайся! — и Серов на прицеле с карабином к стражникам.

Я в окна прыжками стрелки-шахтеры.

Мигом обезоружена охрана.

— Три человека на станцию! — командует Серов.

. . . .

А в телефонной будке начальник охраны бледный, трясущийся, вызов:

— Помощь! На шахте... — не докончил: в упор в голову выстрел.

. . . .

На улице команда лыжников: у всех карабины и черные пятна лиц в бледном тумане утра.

Опять телефон:

— Серова!

— Я говорю! Товарищ Шамов?

— Да! Здесь все знают... Выехал отряд охранников на выручку — встречайте.

— Готовы! Я вы там сейчас же на маяк...

— Уже...

. . . .

Двадцать минут кончены.

Регулятор — направо, выключен рубильник, и Демирский бегом в северную штольню.

За ним, сзади, вдруг — тишина...

Смолкли моторы, повис под'емник, застряли на-ходу по штольням вагонетки... — тишина.

Сердце горного округа — главная машина — остановлено.

. . . .

Ив. Колесников 1924

... Паровозик на мосту.

Ручка индуктора два раза кругом: смотрит сквозь кусты Серов — лыжники в цепи под насыпью глубоко в снегу залегли, влипли...

И —

«У-уухxx!..»

2. На лыжах

... Маяк погас. Сирена больше не воет.

Туман на море, шторм... А у берегов о лед — беляки...

Не слышно, как скользят два десятка лыжников вдоль узкоколейки.

Вот и бухта — тридцать верст пройдены.

Прямо в теплую хату. А там — штейгер Шамов, старый большевик, уже ждет их.

— Началось! — холодный в румянце вбегает Демирский.

И сразу говором:

— А мы тут уже расправились с администрацией, вся арестована.

— Маяк погашен? Сирена остановлена? — и Шамов крепко жмет руку Серова.

Сели. Мигом составлен штаб.

Шамов уже пишет своим четким убористым почерком приказы.

Серов дает устные распоряжения.

Первый — начальник 1-го партизанского штаба. Второй — начальник партизанского отряда Тетюхинского горного округа.

С ними — все шахтеры и охотники целого прибрежного края. Как один — все стрелки.

Теперь — только бы скорее предупредить область, наладить связь, поднять всю ее на восстание.

И быстро, один за другим приказы в руки начальникам партизанских команд, а те — на улицу в мороз и ветер.

— Стройся, ребята, попарно! и — одна команда лыжников на север, к Императорской гавани; другая — к югу, на бухту Ольгу...

Уже совсем день, но туман и буря на море еще сильней. Самым центром тайфун проходит по Тетюхэ.

А маяк погас, и сирена не гудит.

Партизанский штаб может работать спокойно.

И лыжники в свисте ветра спускаются с гор в Ольгинскую долину.

3. Знамя на скалах

Руки перебирают веревку быстро, быстро, и визжит блок на старой сигнальной мачте на маячной скале. Дерг, и —

. . . .

— Где ты достал красной материи? — пишет Шамов и спрашивает.

— Эге-ж! У попадьи забрав...

— И дала, ничего?

— Ну, как не дашь — «леворюция»... боится... зато дочка ейная — гарная дивчина, сама взялась шить, а наши дивчата помогали... здорово?

Демирский весело смотрит на шахтеров, — те смеются...

А сердце у всех стуком стучит: подняли восстание и теперь подымают...

— Вот, смотрите! — в окно Демирский... все на улицу... а там — команда Серова:

— Первый повстанческий отряд, смирно!

. . . .

и красный сверток полыхнул, и знамя развернулось над обрывом...

«Буух-уух...» в скалах бухты эхом: это — салют из пушки с маяка.

Партизанский отряд развернулся шеренгой на откосе в бухту.

У отряда, — Серов, крепкий, сутулый, длиннорукий, настоящий шахтер. Как клещами держит он свой меткий карабин:

— Смирно!

На крыльце штаба Шамов звонким голосом в холоде дня:

— Товарищи! Знамя восстания снова на скалах поднято...

4. Первый партизанский отряд

— Ну, жинка, собирай торбу... — и Демирский настежь двери с холодом в избу...

Сверкнули глазенки у Гани, потупилась...

— Ну, черная — не бередь... Пропантуешь[1] весну без меня, а там ма-быть и я ворочусь...

Искрами глаз в него: а вдруг?

— Не хорони загодя, не бойсь... все равно як на звиря иду — жди...

Сел на лавку и быстро новые онучи крепко навертывает, в улы[2] морской травы положил. Одел. Привернул обо-рами. Встал, приподнялся на носках, прошелся по хате — хо-рошо... Нигде не жмет...

— Гарно, нога как дома!.. — опять сел, а от морской травы дух по комнате сладкий...

Быстро Ганя управилась, — не впервой собирать на охоту.

Вышла к нему, посмотрела так...

---

[1] Род охоты за очень ценными оленьими рогами.
[2] Китайская таежная обувь.

Екнуло в сердце у парня, встал — обнял, запрокинул голову, да в сочные красные губы впился как клещ.

— Эх, Ганёк... — оторвался... — а потом опять...

А когда нацеловались, — подтянул покрепче ремень, вскинул карабин за плечи, за сумку, и за дверь шагнул.

А там, на улице, на морозе:

— Здесь Серов будет, все по первому зову охотники к нему... поняла?

— Как не понять...

— Смотрите, не сдавайте Тетюхэ... — а потом ласково: зря не балуй, Ганя! — улыбнулся...

— Ты не балуй... — улыбнулась и она.

Все шахты, вся Тетюхэ провожает первый партизанский отряд, идущий подымать восстание в области.

Все сделано быстро, по-охотничьи: разведка на лыжах уже впереди, лошади навьючены.

Команда:

— Становись! — а потом сразу звонко Шамов:

— Трогай! — и легко, с бодрым хрустом снега под ногами отряд двинулся.

— Счастливо, сынку! Хорошей дороги вам, ребятки, — воевать покрепче, Колчаков бить получше... — и старик шахтер, высокий, прямой, стоит на скате без шапки, борода по ветру...

А солнце сзади из-за скал красными полосами в белую долину, туда, куда быстро спускается отряд, через Сахата-Айлинский хребет, в долины — Сучанскую, Майхинскую, Доубихинскую, Имано-Вакскую, — а там, до самого Хабаровска, за тысячу верст от Великбго океана и от бухты Тетюхэ.

Ведет этот отряд Шамов, легкий на ходу и крепкий волей.

Оглянулся, — а на скате в снегу все стоит черным огромным столбом, на восходе, без шапки старик-шахтер, охотник.

Провожает!..

-----

5. К Штерну!..

Он белку без промаху бьет в глаз дробинкой, — так и сейчас прицелился и чёк!

— Есть, один! — и Серков, старый охотник с выколотым левым глазом и помятой когда-то в схватке с тигром рукой, спокойно прицеливается еще водного...

Цепь в восемнадцать стрелков лежит на скале и стреляет вниз в бухту по судну, да так, что не дает управлять им. На мостике никого — все перебиты...

Стреляли из пушки, да что толку, по тайге — что в белый свет...

А тут еще — шторм... Судно качает...

— Уходит! Ну-ка, ребята, вдогонку... — Серков приложился — и еще восемнадцать выстрелов метких, охотничьих.

Отбили, — десант не высажен!..

— А теперь, собирайсь на Сучан, к Штерну! — и Серков первый сбегает с горы.

Там уже поджидают гонцы с Тетюхэ.

Все вместе, под начальством Серкова, отрядом двигаются с Ольги, на Сучан к Штерну.

А в бухте Ольги остался партизанский гарнизон.

. . . .

...Все Приморье, вся область уже горит восстанием. Стихийно, одна за другой, подымаются волости — не выдержало крестьянство колчаковщины...

Штерн на Сучане — это центр восстания. Отсюда он руководит им, развивая, углубляя и организовывая его. Отсюда направляются отряды по всей долине до самого Хабаровска.

Шамов уже прибыл на Сучан. А теперь — дальше, застрельщиком идет его отряд.

... — Вот, товарищ Шамов, и все... Главное, не теряйте связи по фронту... Да дальше шлите отряды, когда надвинетесь к магистрали. Об остальном сговоримся на месте — я через неделю буду у вас, — и Штерн прощается с Шамовым.

Отряд двигается дальше, к Яковлевке.

И так — по несколько отрядов каждый день.

Штерн не спит — бешено работает в походной обстановке главный партизанский штаб, мозг восстания.

Область, стихийно поднявшаяся, вводится в организованное русло борьбы с Колчаком в тылу.

Задача проста: дезорганизовать тыл — ни одного солдата неприятельской армии — и ослабление питомника фронта — железнодорожных путей сообщения.

Область горит восстанием.

Штерн работает.

В пылу этой работы застает его Ефим.

6. Первая победа Ефима

— Здорово, товарищ Штерн!

— Ефим, ты?

— Я.

— Где же ты пропадал?

— Не мог раньше известить. Был занят. Помнишь эту историю с похищением документа.

— Ну, ну. Вы похитили документ, но у тебя половину перехватили.

— Да, перехватили. Но не надолго.,.

Ефим делает торжественную паузу. Потом:

— Теперь документ у нас. Тайна белогвардейцев целиком...

— Целиком? Вот это здорово. — Штерн трясет Ефима за плечи. — Ну, и молодчина же ты.

Ефим не скрывает восторга.

— Теперь белогвардейцам крышка. Документ ведь... Ты понимаешь.

— Ну, мы-то не сумеем этот документ использовать вполне. Вот, если бы послать его в Москву... А тут нашими силами многое не сделаешь.

— Все равно. Мы их поинтригуем и выудим, что нам надо.

— Как же тебе удалось добыть похищенную японцами часть, — спрашивает Штерн.

Ефим садится рядом с ним и начинает рассказывать:

— Несколько дней после ареста Ольги я получил пакет. В пакете было — записка и женский палец...

— Что? — Штерн, точно от какого-то толчка, порывисто устремляется на Ефима. — Ты говоришь, палец? Палец... — он не договаривает фразу.

На ровном лбу темной линией вздулась нервно пульсирующая жила.

— Я знаю, — спокойно продолжает Ефим. — Ты подумал, что это палец Ольги. Я и сам так думал, когда получил пакет. Я испугался не меньше твоего. Только это оказался палец трупа.

Штерн со вздохом облегчения опускается на стул.

— В записке,— продолжает Ефим, — мне предлагали явиться в какой-то чайный домик и передать японцам имеющуюся у меня часть документа. Иначе — «жизнь известной вам женщины в опасности» — так предупреждалось в записке.

— Что ж ты сделал?

— Я в тот же день собрался и сделал вид, будто уезжаю из Харбина. На самом же деле я стал наблюдать за чайным домиком.

— Ну, и...

— В указанное в записке время я заметил между прочими посетителями одного человека, физиономия которого показалась мне знакомой. Я припомнил: это был человек, которого я случайно видел во Владивостоке на радио-станции. Он тогда разговаривал шифром с Изомэ. Не остава-

лось сомнений, что он и есть тот, который добивается документа.

— Ты, конечно, его выследил?

— Мало того. Я поселился в том же доме, где живет он, и к его телефонному проводу прикрепил свой. Таким образом, мне стали известны все переговоры Изомэ с маской.

— Это интересно.

— Для меня это было в особенности. Маска убедительно говорила, что вторая часть документа у него почти на руках. Но самое интересное это то, что он требовал освобождения Ольги.

— Странно. Что ему от нее надо? Ведь он же знал, что она не имеет документа?

— Да, это странно. Во всяком случае, я использовал слышанный разговор. Я. написал Изомэ секретное письмо и предложил ему вторую часть документа на таких же условиях, как маска, но немедленно.

— Прекрасно. Но ведь Изомэ мог не поверить письму неизвестного ему человека-

— Разумеется, я учел это обстоятельство.

— Как же ты выпутался?

— Помог случай. Я встретил в Харбине полковника Солодовникова. Он меня, конечно, не узнал, зато я его путешествие в чемодане прекрасно помню.

— Ну, и...

— Не составило большого труда сорганизовать на него нападение. Затем, под страхом смерти, он от своего имени устроил банкет, пригласил Изомэ и представил меня как графа Дютруа.

— Великолепно. Ты прямо русский Рокамболь.

— Ха-ха-ха-ха!— заливается Ефим. Ему весело. Шутка сказать! Он перехитрил японского дипломата.

— Утащил у него документ прямо из-под носа, — смеется Ефим и пространно продолжает рассказывать, как он устроил Изомэ ловушку и удрал от него.

— Здорово, Ефим, здорово. Только ты не увлекайся. Давай лучше поглядим, что же это за документ, которым так упорно все интересуются.

Ефим торжественно вытаскивает из кармана обе половины голубого конверта.

Глава 2-ая

ВЕСЕЛЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

1. Два свидания

В центре города, недалеко от музея, конспиративная квартира японской разведки.

Начальник штаба генерала О-ой, полковник Таро нервно стучит костяшками по столу. И за окном и в глазах Таро глядит мутный мартовский день. Таро слушает доклад начальника разведки.

— Сведения подтверждаются. Штерн появился. Организует отряды. Сейчас — где-то на Сучане... Точно местопребывание неизвестно.

— Узнать. Послать лучших шпионов... Можно Люкса. Он здесь?

— Да!

— Позвать.

Начальник разведки исчезает. Через минуту — обратно, и с ним Люкс.

Люкс — бывший эмигрант с весьма темным политическим прошлым — кланяется низко, улыбается, протягивает руку.

Таро не замечает Люкса — минуту смотрит молча, потом по-английски:

— Вам поручение: найти местонахождение Штерна. Можете?

Люкс думает недолго. Он чует хороший куш.

— Да! Смею уверить...

— Хорошо. Инструкции получите. Идите.

Люкс опять низко кланяется, улыбается и задом пятится к двери.

Таро молча смотрит в окно.

— Господин полковник! Я думаю послать еще корейца Цоя.

— Можно. Пошлите еще двух-трех.

— Слушаюсь!

— Люксу выдайте документы бывшего красноармейца. Остальным — какие найдете нужным.

— Слушаюсь!

— Авансы: не менее двухсот иен каждому и...

Начальник разведки ждет...

— ...установите за всеми наблюдение.

— Слушаюсь!

В тот же день у Таро другое свидание.

Кабинет начальника штаба овеян тонким запахом английских духов. С духами спорит дыхание большого букета чайных роз.

Таро — весь внимание, предупредительность и любезность. Губы — в улыбку, глаза маслятся. Усиленно скандирует Таро английский язык.

— Баронесса, командующий войсками поручил мне передать вам, что мнение японского командования вполне согласуется с заявлением группы русских людей. Дружба двух великих наций — Японии и России — залог мира и благоденствия. Адмирал Колчак, к несчастью, слишком сильно, поддается влиянию наших общих врагов. Японское командование согласно поддерживать атамана Семенова в его борьбе за благо России. Для выяснения деталей командующий войсками рекомендует вам, баронесса, лично повидаться с атаманом Семеновым.

Таро улыбается и смотрит вопросительно.

Глаза баронессы Глинской блестят довольным огоньком. В изящной головке тысячи честолюбивых мыслей.

Дело восстановления России — ее дело. Она ищет подходящего человека. Возвышение Колчака отодвигает ее в сторону. О-оо! С этим баронесса не может помириться. Нужно действовать и найти конкурента. Выбор падает на Семенова. Баронесса берет курс на Японию...

И вот результат: нити интриг передаются в ее руки.

Теперь посмотрим.

Баронесса встает.

— Господин полковникі Передайте от меня привет и благодарность командующему войсками. Я еду в Читу.

— Вы едете сами?

— Да!

— В таком случае генерал Су-Дзу-Ки будет оповещен о вашем приезде. Он вас встретит. А теперь...

Лицо Таро расплывается в самую любезную улыбку...

— ...Теперь разрешите мне, баронесса, на память о нашем знакомстве послать вам одну вещь. Это моя фамильная ценность.

— Вы милы, полковник, буду хранить. До свиданья.

Вечером того же дня на квартиру баронессы приносят сверток. Баронесса распаковывает.

Это узкая, продолговатая шкатулка черного дерева. Старинные инкрустации изображают подвиги и любовные утехи самурая.

А внутри...

Чек Чосен-банка на 50 тысяч иен.

Баронесса закусывает губу. Но... Все равно.

2. Важное поручение

Таро не один о Штерне думает, Таро не один Штерна ищет.

Подпольный молодняк Владивостока кипит в работе и возбуждении. Скоро оно, скоро — время решительной схватки.

Валентин Сибирский у себя на квартире. Он торопливо ходит по комнате и часто глядит в окна.

«Где он запропастился, дьявол? — сердито думает он — давно пора, а его все нет».

Валентин ждет «коммерсанта»[1] и комсомольца Сашку Петрова. Запоздал Сашка. Почему? Эк, диво! Белобрысый Сашка неравнодушен к литературе. Сашка не может пройти мимо книжной витрины — на минутку да остановится. Глядишь: минутка до десяти вспухнет.

Вот теперь... стоит и смотрит:

— Надо прочесть... Интересно.

Кое-как оторвался. Идет дальше.

Шинель коммерсанта, под мышкой книжки... Идет и мины корчит — стихи декламирует, значит. Любит Сашка декламировать...

Ворвавшись к Валентину, не успел поздороваться, и сразу — в позу:

— Слушай!.. — и руку правую поднял...

«Версты улиц взмахами шагов мну!»

— Погоди! Потом... Сейчас некогда...

— А что?

— Дело есть. Слушай... Сядь... Да не ломай стулья, дьявол!

Сашка верхом на стуле.

— Ну, ну, слушаю... говори.

— Сашка! Я передаю тебе поручение Ревкома.

— Да что ты? Мне?

— Да!

— Какое?

— Слушай... Не перебивай.

— Молчу.

— Завтра же ты должен из Владивостока выехать. Ты отправляешься на Сучан...

— На Сучан? Зачем?

— А, чорт!..

— Молчу, молчу.

---

[1] Ученик коммерческого училища.

— Прибудешь во Фроловку к Штерну — он там — и передашь ему, что...

— Что?

Пауза. Валентин молчит... Потом:

— А если я тебе дам в зубы?.. А?

Сашка прижимает ладонь к губам и таращит глаза в комическом испуге.

Валентин смеется...

— Дьявол!.. Ну, слушай... Ты передашь следующее...

Минутку Валентин думает. Сашка молчит.

— Следующее... Организацию отряда во Владивостоке союз металлистов налаживает. Потом... Патроны вскоре будут... Порядочная партия. Большинство из них будет послано ему во Фроловку. Затем... Посылка работников в сопки на-днях начнется... Понял?

— Да! Она уже началась.

— Как?

— А я-то.

— Ты можешь вернуться. Нужно только спешно информировать Штерна.

— Я остаюсь там.

— Морда... — ласково говорит Валентин и жмет Сашке руку: — иди, приготовляйся, а вечером ко мне за документами.

— Есть! — Сашка вскакивает, запрокидывает белокурую голову и подымает правую руку...

— «Где глас людей обрывается куцый!..» Прощай!

3. Пинкертоновская наблюдательность

Из глаз Сашки брызжет серьезность и конспирация. Он весь проникся важностью своего поручения.

По дороге на вокзал Сашка пытливо смотрит в лица прохожих: а вдруг шпик. Не догадался бы? Не следит ли кто-нибудь? Вон у этого, ишь какая странная физиономия... Что он смотрит?..

Дома кажутся Сашке тоже подозрительными. Он вопросительно оглядывает окна и под'езды.

Но вот — вокзал... Пока все благополучно. Скоро тронется поезд и — ауу! Прощай, Владивосток.

Купив билет, Сашка в толпе разгуливает по перрону. Под мышкой книжки, шинель коммерсанта, за спиной узелок — ученик — кто заподозрит?

Но... под подкладкой шинели тихонечко шуршит целая кипа всяких документов и чистых бланков. Сашка чувствует их всем своим существом.

«А ведь никто и не догадывается», — думает он...

По лицу Сашки скользит торжествующая, веселая улыбка. В мыслях рисуется картина:

...Красивый, белокурый юноша, не обращая внимания на толпу, гуляет по перрону. В его прекрасных умных глазах — стальная решительность и... какая-то тайна. О-оо! Чувствует ли эта тупая, легкомысленная толпа, что в руках у юноши сейчас судьба целого..?

Сашка не кончает мысли. Он ловит на себе чей-то взгляд.

Какой-то «тип»... Серое пальто деми-сезон... Шапка.

Сашку не проведешь — Сашка любому Пинкертону десять очков вперед даст. Надо скрыться.

Сашка быстро юркает в вокзал... затем... наверх. Тихонько оглядывается — никого. В буфете первого класса находит свободное местечко на скамье около окна и садится.

Буфет полон. Бегают торопливо официанты, высоко над головой поднимая подносы. Шум. Говор. Звон посуды.

«Чайку разве попить?» — думает Сашка.

Вдруг взгляд его падает на дверь. Сашка вскакивает... наступает на чью-то ногу... и... в сторонку... между кадкой пальмы и большой плевательницей... влипает в стену.

«Тип», пробираясь в толпе, медленно приближается и... проходит в уборную.

Хитрит, сволочь... Ну, нас не проведешь.

Сашка немедленно скрывается из буфета. Но чаша его испытания не кончена. Через пять минут на перроне он снова видит знакомую «шапку».

Есть. Кончено. Выследил.

Мысли Сашки работают бешеным темпом. Надо запутать следы.

Сашка не медля ныряет под какой-то состав... затем под второй... обегает его кругом... Затем мимо вокзала... Потом обратно, но по дачной платформе... снова к вокзалу.

При входе в вокзал с дачной платформы Сашка сталкивается с каким-то низеньким черненьким человечком. С разбега он так толкает его в живот, что человечек кубарем летит на перрон. Сашка смущен.

— Простите, пожалуйста! — он помогает человечку подняться. — Разрешите, я вам отряхну пальто.

Человечек раз'ярен.

— Хулиган! Бешеный! Мальчишка! Что у вас, глаза выскочили?.. Продолжая ругаться себе под нос и не обращая на Сашку никакого внимания, человечек удаляется.

Это... Люкс.

А в это время на перроне к «типу в шапке» подлетает, запыхавшись, какая-то барышненка.

— Коля! Вот и я! Ты давно здесь?

— Давно. Я уж думал, что ты не придешь. Ждал-ждал... тебя все нет. Ну, идем!

«Тип» подвертывает руку калачиком, и парочка покидает перрон.

Вернувшись на перрон, Сашка смотрит внимательно, но «шпиона» не видно.

Перехитрил.

Подан состав. Публика, торопливо толкаясь, бросается в вагоны.

На перроне маленький японец зорко оглядывает каждого пассажира.

«Дон-дон-дон!..» Третий звонок.

Прощай, Владивосток!

4. Товарищи

— Но-о! Сдохла, но-о! Тягай!

В ответ на это каурая клячонка махает согласно хвостом, но ходу не прибавляет.

Медленно катятся розвальни. Смычки-полозья тянут из снежных струн незатейливую песенку.

Сашка лежит. Слушает. Над ним вверху голубое небо, да немножко сбоку углом часть спины Тараса.

В легком, слегка морозном воздухе пахнет хвоей и овчиной.

— А что, Тарас, хорошо твой сын сделал, что в партизаны ушел?

— Та як казаты...

— А у тебя еще сыновья есть?

— Нэма.

— А почему он ушел?

— Вид мобилизации втик.

— Милиция знает?

— А тож? ..

— И тебя не арестовали?

— Ни!.. Я казав, що вин... без моей воли.

— Ну, и что же они?

— Та що... Дывлюцця сердыто... Лаються... Може що й будэ.. . Хтож их знае?

— Та-ак. Он сейчас во Фроловке?

— Там.

— А далеко до Фроловки?

— Ни! Од зараз будэ выселок... по за тыми кущами... А там и Фроловка.

— А сколько верст?

— Та воны тут нэ миряны... Мабуть... пятнадцять...

Сашка смеется.

— Наверно с гаком?

— С гаком...

— Да еще, поди, кривая. А если прямо ехать?

— Прямо... Та й уси двадцять, — смеется в усы старый Тарас.

— Эге!.. Щось там воно такэ?..

— Что такое? — Сашка быстро подымается.

Впереди на дороге под горой неподвижно чернеет какая-

то группа.

— Погоняй, Тарас.

Под'езжают ближе.

На самой дороге уже освобожденная от упряжи лежит костлявая лошаденка. Она часто поводит впалыми боками. Мутные глаза полузакрыты. Около лошади в тшетных усилиях поднять ее возятся две фигуры.

— Но-о! Но! Подымись, — бьет кнутом лохматый мужичонко.

Какой-то, должно-быть солдат, низенький, плотный, тянет морду лошади за повод.

Что-то знакомое для Сашки мелькает в его лице. Сашка подбегает ближе.

— Верка! Да это ты?.. Куда? Зачем?

— Сашка! — бросается ему навстречу Вера Тарасова. Она стрижена. На ней солдатские штаны, сапоги, шинель, папаха.

— Видишь, застряла.

— Да ты куда едешь?

— К Штерну... работать... — комсомолка Вера говорит тихо низким мужским голосом.

— Вот здорово! Да ты когда выехала? Раньше меня, должно быть... Хотя, правда, я на Угольной долго провозился...

— Не знаю... И ты к Штерну?

— Да! — и Сашка становится в позу...

— «Да здравствует солнце, да скроется тьма».

— Верка! Садись ко мне. Едем. Тарас! Увезешь двоих?

— Эгеж!

— А Егор? — вспоминает Вера.

Лохматый мужичонко стоит и улыбается всеми морщинками.

— Да я... — товарищ Макар...

— Макар! — взвывает Сашка — это кто Макар-то? Она?

— Я, я... Погоди, Сашка. Ну, что?

— Я уж домой пойду... за лошадью... сани вывезти.

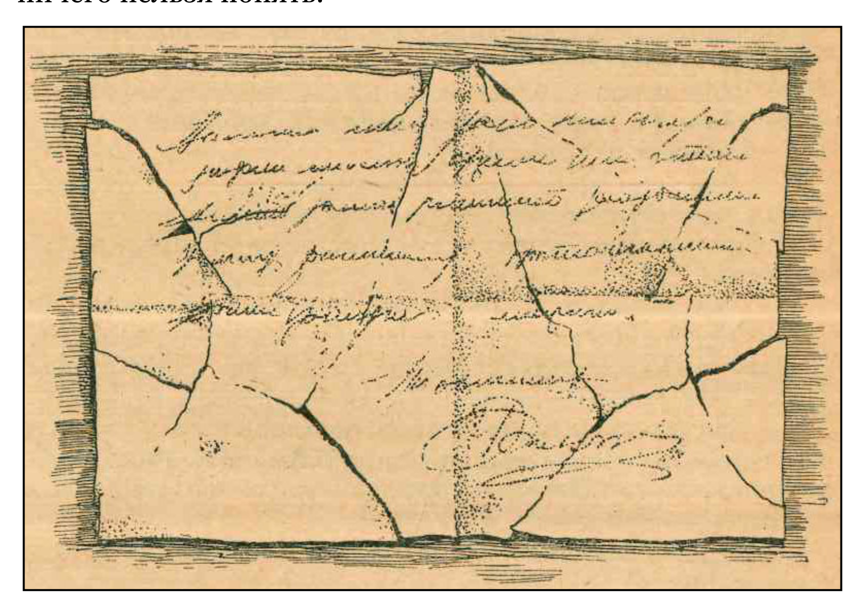
— Хорошо. Потом приедешь во Фроловку. Спросишь меня. Тебе уплатят. Ну, трогай. Прощай, Егор.

— Да уж что там... Прощайте...

Друзья, весело смеясь, устраиваются в розвальнях.
— Но! Сдохла, но! Тягай!

5. Где победа, там и поражение

— Послушай! Тут что-то не вяжется. На этой стороне все понятно, на той, как будто, тоже ничего, а вот обе вместе — ничего нельзя понять.

— Что за чорт! — ругается Ефим.

Он и Штерн, уже около часу, тщательно подбирают клочки разорванного документа, но все выходит какая-то путаница.

— А знаешь, что, — говорит Ефим, — вероятно, этот документ как-то зашифрован, и мы путаемся просто потому, что не имеем ключа.

— Так-то так. Это весьма возможно. А ты не допускаешь другую возможность.

— Какую? — Ефим недоумевающе смотрит на Штерна.

— А ту, что япошка тебя надул и подсунул тебе ложные бумажки.

Ефим всей пятерней ерошит волосы.

— Чорт возьми! Как же я это сглупил с ним? Надо было тут же проверить.

— Ну, да.

— Эх, безобразие! — ругается Ефим. Он уже совсем раскис. Штерн похлопывает его по плечу.

— Не унывай! Документ этот уж не такая для нас важность. Оно, конечно, было бы интересно для Москвы распутать интриги белогвардейцев... но мы свое дело и так сделаем.

— Так-то так, только досадно, что выходит зря я с этим делом провозился.

— Как же зря! Раз ты помимо этого освободил Ольгу, так это уже...

Ефим обеими руками безжалостно вцепляется в свои волосы.

— Вот в том-то и дело, что Ольга не освобождена.

— Как? Не освобождена? Она еще у японцев?

Штерн напряженно смотрит на Ефима. Тени по лбу. Вдоль рта темные складки. Потом твердо:

— Ну, заварил кашу — надо расхлебывать! Поезжай обратно в Харбин и продолжай наблюдение. Как только узнаешь, где Ольга — сообщи — надо ее выручить. Смотри, не прозевай.

Ефим, раскисший, выходит из комнаты. Жмет в кармане кулак.

— Ну уж, я покажу этой маске!

6. Подслушанный разговор

...Та-та-та-та-та-аааа... слабое заглушенное шипение фонического телефона.

Ефим слушает:

— Провод военного командования... Дайте прямой Харбин-Владивосток. Затем:

— С вами хочет говорить Таро.

— Передайте трубку.

— Здесь Таро. Документ похищен у Изомэ.

— Обе части?

— Обе части.

— Ха-ха. Это неправдоподобно.

— Почему?

— Одна часть документа уже у меня. Вы поддались провокации...

— ...За которую поплатились Сизо и Изомэ.

— Как?

— Изомэ отстранен от обязанностей. Сизо покончил хара-кири.

— Превосход... т.-е. это плохо. Ну, чтож — будем добиваться дальше.

— Да, и как можно скорее.

— Где женщина, которую я велел доставить мне.

— Она у нас.

— Переведите ее ко мне. И как можно скорее.

— Иес! Сегодня же.

Ефим опять воскрес, вот где он поправит свои промахи. Теперь он знает, где Ольга и где документ. Скорей сообщить Штерну.

Глава 3-я

ГРОХОТ СУЧАНА

1. Снова Грач

Начальник Шкотовского гарнизона полковник Погорельцев от волнения опрокидывает стакан себе на брюки.

— А-а-а! Чорт!

Горячий чай обжег полковничьи ляжки. Больно.

— Солью, господин полковник, солью, — суетится ад'ютант — при ожоге всегда солью... Помогает.

Полковник хватает из банки горсть соли.

— Да нет, господин полковник, не на брюки... Это не поможет. На тело нужно.

— Тьфу, чорт! Разумеется. Я сам не знаю, что делаю.

Полковник спускает брюки.

Тело красное... но пузырей нет.

Ад'ютант легонько заглядывает через плечо.

— Ничего, господин полковник... ожог не опасный... Это скоро пройдет.

Возвратив брюки к месту жительства, полковник успокаивается.

— Разрешите продолжать? — спрашивает ад'ютант.

— Продолжайте.

— Я уже сообщил вам, что полурота, охранявшая рудник, перебита...

— <...> сообщили. Знаю.

— Так вот, господин полковник... нападение на полуроту устроил Иван Грач со своим партизанским отрядом.

— Кто?

— Иван Грач. Он здесь только что появился. Говорят, пришел из Гродеково.

— Мерзавец!

— Первостатейный, господин полковник. Разведка донесла, что цель его прихода — устроить на шахтах бунт, шахты разрушить, а углекопов сагитировать и пополнить ими свой отряд.

— Отряд велик?

— Нет. Ничтожен. Вот почему он и заботится о его укомплектовании.

— Гммм... так. Пошлите за капитаном Оглы.

— Слушаю, господин полковник.

— Подождите. Пошлите еще в управление рудников и по секрету вызовите ко мне этого техника... как его... Бутузова, что ли?.. Да еще инженера Белопенкина. Только осторож-

но... Чтоб никто об этом не знал.

— Слушаю, господин полковник.

_____

Через полчаса полковник Погорельцев прощается с капитаном Оглы.

— Ну, счастливый вам путь, капитан. Смотрите... постарайтесь этот отряд уничтожить совсем... А главное: доставь-те сюда живым или мертвым этого шарлатана Грача. А то он нам дорого обойдется. Ну, поезжайте. Желаю удачи.

— Благодарю, господин полковник. Даю слово, что я этого молодчика к вам за уши приведу.

— Ну, ну... Дай бог.

_____

А под вечер полковник ведет не менее конфиденциальный разговор с двумя почтенными суб'ектами, довольно решительного вида.

На суб'ектах фуражки. На фуражках кокарды и значки: молот и кирка.

Это инженер Белопенкин и техник Бутузов.

— Так вот, господа. Мне желательно знать, кто ведет среди шахтеров агитацию... И как именно, и где именно, и каким именно образом. Так вот, придумайте себе какой-нибудь предлог: об'езд или там технический осмотр и побывайте везде. Прикиньтесь, что сочувствуете этой шпане... Ну, меня там ругайте, что ли... Ну, и всякое такое.

— Не беспокойтесь, полковник. Нас учить не нужно. Мы это дело понимаем и постараемся как для вас, так и для себя... Ибо, будучи патриотами...

— Да, да, разумеется... я в долгу не останусь. Вы там расходы свои, которые... так этак... счетик составьте, счетик.

— Если бы можно было авансом?

— Можно и авансом, можно.

Полковник и суб'екты расстаются в восторге друг от друга.

2. Ловушка

Рота капитана Оглы вот уже два дня гоняется за отрядом Грача и все безрезультатно. Только настигнут, развернутся для боя, а отряда уже след простыл.

Капитан бесится...

— Ну, погоди, мерзавец! Я тебе, сукин сын, прижму хвост. Запоешь ты у меня тонким голосом.

Привал.

Солдаты раскладывают костры и кипятят в котелках воду. Капитан Оглы отвинтил от своего термоса крышку-стаканчик... Наливает из термоса коньяк с молоком... Пьет и угощает техника Бутузова.

Вдруг с дальнего пригорка раздается несколько выстрелов. Пули шлепаются в мягкую землю. Одна выбивает из рук Оглы стаканчик.

— Вот дьявол! В цепь! Вперед!

Растерявшиеся в первый момент солдаты бросаются без толку из стороны в сторону. Офицеры бегают между ними, налаживая цепь.

Выстроились.

— Первая полурота — вперед! — Вторая — со мной, в резерве, — командует Оглы.

Цепь двигается.

Дошли до пригорка. Никого. Только вдали, по лощинке быстро двигается цепочка человек в тридцать.

— Вперед! Вот дерзкие сволочи!.. Их преследуют, и они же нападать вздумали.

Гонятся.

Перед шахтой № 4, где тянется узкий лесок, партизаны решаются принять бой.

Остановив первую полуроту и дав ей задание открыть огонь, Оглы двигается со второй полуротой в охват.

Партизаны бегут.

Оглы по пятам.

Очевидно, потеряв голову, маленький партизанский отряд бросается в барак шахты № 4. Там спуск в шахту, под‘емная машина.

— Ага, голубчики! Теперь не уйдете, — торжествует Оглы.

Недолго длится осада. С криками «ура» врывается рота в здание.

Никого.

— Что за дьявол?! Куда они делись?

Взгляд падает на штольню. Неужели? Чорт возьми!

— Да, да! — подтверждает догадки капитана техник Бутузов. — Несомненно они спустились в рудник. Шахта эта бастует. Только машинист работал, поддерживая котел. Парень хороший. Очевидно, партизаны заставили его спустить их в рудник... Но куда же он делся?

— Да сейчас только отсюда вышел какой-то рабочий. Это не партизан... Мы и не задержали, — говорит поручик Окс. — Охрименко! Посмотри, где он.

Унтер Охрименко выходит наружу. Возвращается.

— Нет, ваше благородие! Исчез.

— Где второй выход? — спрашивает Оглы у Бутузова. Нужно лететь туда и подстеречь их там.

— Не успеете, — отвечает Бутузов: — эта шахта соединяется с седьмой. А седьмая за перевалом. Под землей пол версты, а по земле верст 5.

Оглы — человек решительный...

— Ага! Так! Великолепно. Поручик Окс! Берите взвод... Идите быстро на седьмую шахту. Господин техник! Умеете управлять машиной?

— Еще бы.

— Великолепно. Первый взвод, за мной, сколько влезет... Потом остальные. Мы их догоним под землей. На седьмой вы нас подымете.

— Не заблудитесь.

— Ваньков шахту знает — проведет.

Техник пускает машину и подымает бадью. Солдаты лезут в бадью за капитаном.

— Опускай!

Исчезают.

Техник следит за машиной. Вдруг...

«Бу-бу-бу-джжж-бум!» — раздается из штольни.

Как из пасти сказочного чудовища, вырывается из шахты дым и пламя.

_____

Вечером полковник Погорельцев читает донесение поручика Окса.

— «...У партизан, очевидно, все было подготовлено. Они нарочно заманили нас в ловушку. У седьмой шахты я был встречен сильным огнем и принужден был отойти. В результате боев рота потеряла командира, одного младшего офицера и 52 солдата. Жду распоряжений.

Врид комроты

Поручик Окс».

3. Гибель шпионов

Далеко по долине и потом вверх по крутой сопке тянется двойная линия столбов. Это воздушная железная дорога — под'емник.

От пролета к пролету на пятисаженной высоте идет толстый стальной канат. По канату бегут подвешенные на колесиках вагонетки...

Катятся снизу вверх нагруженные углем, камнем...

Крепкий трос тянет вагонетки вверх.

Вот в одной из вагонеток сидят два чеповека. Это инженер Белопенкин и техник Бутузов.

У техника обвязана голова.

_____

— Товарищи! — говорит Грач шахтерам — Советская Россия победит. Рано или поздно власть насильников рухнет. Мы должны помочь нашей власти в борьбе с контр-революцией. Разрушайте Колчаку тыл. Бросайте работу. Идите в партизанские отряды.

Шахтеры слушают.

Многие соглашаются итти. У многих семейные и прочие обстоятельства не позволяют... но они обещают всячески помогать партизанам в борьбе с интервенцией и белыми.

— Товарищи! — кричит молодой шахтер, быстро подбегая к толпе — В конторе есть сообщение... Сюда идут по под‘емнику Белопенкин и Бутузов.

— Что?!. О!!

Рабочие загудели...

— Мерзавцы!

— Шпионы проклятые!

— Айда, ребята !.. Обрубим трос.

— Спустим шпионов в преисподнюю.

— Дело!

— Здорово!

Шахтеры толпой бросаются к машинному отделению.

—————

Все круче, круче на под'ем.

Вот уже наверху белеют крыши построек.

Поет протяжную тонкую песенку стальной трос... Бегут колесики.

Белопенкин перегнулся через край вагонетки и смотрит вниз под сопку.

— Чудесная картина, — говорит он: — я, знаете, всегда любил ездить на под'емнике. Удивительно приятное ощущение.

— Да, прият... А-ай !

Что это. Вагонетка остановилась, дрогнула, побежала обратно, вниз по тросу.

Все быстрее... быстрее... быстрее...

Канат оборвался.

— А-а-а-о-а! — ... Пальцы судорожно вцепились в края. В расширенных глазах ужас. Широко раскрыт рот. Из груди наружу рвется звериный вопль.

Со страшной быстротой мчатся вниз вагонетки.

Ветер свистит в ушах.

Далеко разносит эхо гул и грохот... Оттуда, снизу, где, пулей подлетая, бьются в лепешки железные чаши...

На человеческие тела непохоже...

Просто скрученный клубок посиневшего мяса.

4. Представляются

Местечко Фанза.

В одной из изб у стола сидят двое: Штерн и Грач.

Штерн, склонясь над листом бумаги, старательно выводит слово за словом.

Грач, окруженный махорочным дымом, благодушно улыбается.

— Здо̀рово, паря, это выйдет, здо̀рово. Это ты хорошо сообразил.

— Угу!

Штерн, не отрывая глаз от бумаги, пишет, пишет.

— Н-да-с, — урчит Грач. — Пусть, значит, знают все эти консула иностранные, что мы существуем и покоряться не намерены. Это во-первых. А насчет зверств белогвардейских тоже... Знайте, мол, консула почтенные, за кого вы горой стоите и в какую подлую кашу масла своего подливаете. Да! А ты как думаешь, до иностранных народов дойдет наше обращение?

— Угу!

— Хорошо, кабы дошло. Авось, они понадавят на своих правителей. Как оно у тебя в начале-то?

— Что?

— Обращение-то, говорю, какое?

— Да так, прямо: «Консульскому Корпусу города Владивостока».

— А подпись какую думаешь?

— «Штаб повстанческих отрядов Приморья». Ну, а лично: мы с тобой подпишемся.

— Дело. Ну, ну, пиши!

И пишет Штерн обращение к представителям правительств всех стран, сидящим во Владивостоке... Рисует авантюрные, зверские действия белых... Об'ясняет, кто такие партизаны и за что они борются.

Кончил.

— Ну, подписывайся!

— Давай! Ну, вот дело сделано. Я теперь скажи, где твой штаб-то будет?

— Во Фроловке?

— Добре.

Глава 4-ая

ПО ПАРТИЗАНСКИМ ШТАБАМ

1. Штаб Штерна

Деревня Фроловна, местопребывание штаба Штерна, кипит хлопотливой жизнью. Сюда приходят, здесь формируются, отсюда рассылаются партизанские отряды.

На улицах группами, одиночками — мохнатые козьи папахи, полушубки... Оружие всех родов: от новенькой японской винтовки до берданки таежного охотника.

В большой комнате бревенчатой деревенской избы помещается штаб.

Штерн сидит на табурете. Перед ним на столе большая самодельная карта. Лицо задумчиво. Губы плотно сжаты. Карандаш шныряет по карте, оставляя то здесь, то там круж-

ки, крестики, черточки.

По другую сторону стола чьи-то крепкие заскорузлые пальцы крутят «собачью ножку».

В стороне — Либкнехт. Он старательно обматывает паклей протирку. С ним рядом на лавке разобранный карабин.

— Так вот, товарищ Грач, вам задача: шире развить деятельность в вашем районе. Шкотовский район для нас важен. Это и передовая линия и кулак на фланге. Энергичней вербуйте отряды. Поставьте агитацию.

— Та-ак.

— Не давайте милиции проникать в глубь района. Ловите их везде и всюду. Шкотова не оставляйте в покое... Но не зарывайтесь.

— Ну-у!

— Ведите наблюдение за Угловой, а главное за Никольск-Уссурийском. Район Май-Хэ укрепляйте. Попытайтесь сделать хорошую демонстрацию на Кондратенкову и Пьянковские заводы... Во всяком случае, пока что, пошлите туда хорошую разведку.

— Чтож? Можно. — «Собачья ножка» вспыхивает огоньком. По комнате тянутся махорочные облака.

— А что, товарищ Штерн, слышно насчет патронов?

— Жду сведений из Владивостока. Обещали.

— Добре! Пуф-ф-ф ...

В это время чья-то рука проталкивает тетку Аксинью. Штерн встает. Направляется к дверям. Но в это время в комнату, навстречу Штерну, влетают Сашка и Вера.

— Товарищ Штерн! Я прибыл к вам из Владивостока по поручению Ревкома...

Сашка замолкает и вопросительно смотрит на Штерна: мол-дескать, тайна, может-быть... Не удалить ли посторонних?

Штерн улыбается краешком губ:

— Говорите, товарищ.

Распарывая подкладку шинели, Сашка деловито выкладывает свое поручение.

— А вы, товарищ?

— Я?.. работать, — низким мужским голосом отвечает Вера.

— Да и я… тоже… Я у вас останусь… Я обратно не поеду.

Штерн просматривает документы.

— Хорошо. Работники нужны.

Штерн секунду думает.

— Товарищ Петров!… И вы, товарищ Тарасова…

— Я теперь дядя Макар, — поправляет Вера.

— Дядя Макар? А-а-а?!. Вы поступаете вот в его распоряжение. Это товарищ Грач — начальник партизанских отрядов Шкотовского района. Будете работать у него.

— Добре! Они у меня завтра же и поедут к Никольску поразнюхать. Дядя-то Макар там женщиной переодеться может, — улыбается Грач.

— Есть! — сияет Сашка.

— Ишь, прыткий какой… — Грач смотрит пытливо и улыбается в усы. Хитрый хохол.

2. Ефим узнал

Ефим жадно глотает куски поджаренного сала. Он только что приехал. В дороге устал и проголодался — спешил.

Штерн стоит и смотрит в окно.

— Ты думаешь, такой побег возможен?

— Онешно — отвечает Ефим. Его рот набит салом. Он торопливо прожевывает его.

— Таро отдал приказание перевести к нему Ольгу на следующей неделе.

— Ну?

— За это время можно подготовиться. В дороге ее отбить, думаю, удастся.

Ефим отправляет в рот новую порцию.

Штерн думает.

— Хорошо. Попытайтесь. Пусть организацию побега возьмет на себя Ильицкий. Передай ему это от меня.

— Ладно. Еще есть новость.

— Какая?

— Японцы узнали о твоем присутствии. Тебя ищут.

— Не сомневаюсь.

— В сопки посылаются шпионы... То-есть я предполагаю, что их несколько, но я-то знаю только об одном.

— Кто?

— Люкс. Низенький такой, черный. Работал прежде у Тонконогого и, говорят, шпионил белым. Его давно бы следовало убрать.

— Где он сейчас?

— Не знаю.

— Либкнехт! Слышал?

— Да!

— Ты едешь по отрядам... Так вот возьми на себя обязанность выследить этого Люкса. Найдешь — арестуй и привези ко мне... Живым... Он мне нужен. Понял?

— Есть!

Через два дня приехавший из Никольска подпольник рассказывает, что он видел на вокзале трех милиционеров, прибывших из Кондратенковой. Они привезли тело товарища, убитого в стычке с партизанами. С ними вместе был низенький черный человечек, спасенный ими от партизан. У него подергивались губы и бровь. Он сел на харбинский поезд.

Здесь же находится и Либкнехт — он только-что сегодня утром вернулся из об‘езда.

Штерн смотрит на него.

— Твое дело?..

— Да!

— Ушел, значит? — Штерн опять на Либкнехта.

Тот вдруг как молния — решив что-то:

— В Харбин? — вскакивает Либкнехт — это вредный человек. Его надо ловить.

— Да! — задумывается Штерн. Потом, быстро повернувшись к Либкнехту:

— Поезжай в Харбин.

— Есть!

3. Пакет

— Из города пакет! — ординарец подает Штерну конверт большой, тяжелый, длинный.

Штерн распечатывает.

«Осмелели совсем, — думает: — такой пакет через вражеский стан..."

А там — карты, шифр... сводка неприятельской контрразведки о Штерне и его партизанских отрядах... Приказ всем карательным отрядам, идущим в тайгу, — захватить Штерна живым, в крайности... убить подкупом, шпионами, провокацией, как угодно...

На полях вверху приписка красными чернилами:

«Об‘явлена награда в десять тысяч иен.
Бутенко»,

а внизу химическим карандашом приписка:

«Будь осторожен. Федоров».

Есть тут же сводка и владивостокского Ревкома с дислокацией колчаковских войск — гарнизонов приморья и отрядов.

Отдельной запиской сообщается, что скоро отправляется партия молодежи снова в область. Баев делает приписку:

«И мы раскачиваемся — скоро тронемся».

Еше одна маленькая записка. Сложена она, как аптекар-

ский порошок. Штерн раскрывает, — там:

«Ольга освобождена...

Чуть вспышка глаз — больше ничего. Дальше:

...доллары сделали свое дело у ходей. Выехала в сопки с Кононовым. Жду разрешения отправиться к тебе. Здесь тошно — длинноногие журавли осточертели. Ильицкий».

_____

— Алло! Кто говорит?

— Маска...

— Вам известно — эта женщина похищена по дороге из китайской тюрьмы в наш вагон с охраной.

— Ольга? — по губам маски проходит улыбка.

— Да, ее так зовут... — Таро закусывает губы. Зеленые огоньки в глазах.

4. По веревочке

— Снидай, сынок, снидай! — и старуха наклоняется и заглядывает через плечо Николаю в лицо, — в штаб идешь?..

— Угу... — прожевывая большой пшеничный ломоть, отвечает тот.

— Мои тоже сынки — уси там, в партизанах...

— Пора такая пришла, матка... — говорит важно Прохор, мужик с окладистой бородой. Он же и староста деревни Угодинзы, он же и начальник гарнизона... и муж ее старшей дочери — зять.

— Яка пора?.. Посивы сгинут — воевать будете...

Прохор улыбается:

— Колчаков прогоним, новое засеем... — спокойно отве-

чает: дескать, что с нее — стара, не понимает...

Старуха не унимается:

— А что, сынку, балакают у городу о нас — бунтую눈ть-де хрестьяне...

Прохор поясняет:

— У нас здесь все трошки думают — а как у вас там в городу, во Владивостоке. Говорят о нашем восстании — сила-дескать... Или так себе, думают... Что рабочие — будут помогать?.. Оружия у нас мало... Ну, и пулеметов нет... Помогут, а ...

Николай им рассказывает, как рабочие готовятся к уходу в сопки — оба слушают. Старуха сокрушенно вздыхает...

Входит в избу старик. Перешагнул порог, остановился и широко крестится на передний угол с целым иконостасом древней живописи икон.

— Прохор Яковлевич! — Хлеб да соль... — подходит.

— Вот и ваш провожатый, — говорит Прохор.

. . . .

По вязкой глинистой проселочной дороге, по весенней распутице идут двое: молодой — сразу видно горожанин, в сапогах; и старик в лаптях и свитке.

Старик говорит:

— Штаб приказал доставлять, бумага есть... Ну, только у нас все ушли в партизаны, остались старики да маленькие... Вот яки, как я... На связи...

— И не сердишься, старина? — Николай шагает рядом, смотрит на него...— крепкий еще старик, проворный на ходу.

— Я що? — мир порешил, стало надо-ть... Вся громада поднялась — война... Слыхал Гордиевку, что под Сучаном...

— Слыхал...

— Повисили семь стариков, а за що... Что сыны убигли, к Колчакам не пошли...

Опять шагают молча.

Поднялись на пригорок, а за ним в лощине деревня.

— Вот и Яблоновка! — Старик ускорил шаги. — Там тебе другого дадут... Потом помолчал, не вытерпел:

— Я сам бы в партизаны пошел, да стар малэнько — ружья не дают... Я старуха бает — ладно, и так обчеству служишь...

Пришли к хате, а на коньке красный лоскут болтается.

Прямо с улицы старик к окну:

— У штаб, здесь надоть... провожатого...

А потом, когда прощались, старик Николаю:

— Пойду в партизаны, вот отбегаю свой черед...

— А много бегаешь, дедушка?..

— Да, почитай, с полсотни верст будет... Много штабов-то... От Свиягина — Угодинза наш первый...

Попрощались.

. . . .

Опять идут двое. Только теперь высокий да маленький: Николая провожает лет восьми мальчик, — босой, шустрый...

Молчат ...

Мальчик бежит, прыгая через лужи, и все посматривает на городского, а потом...

— Дяденька.... а как в Яковлевке, есть пушки?.. У нас бают — есть...

Опять молчание.

— Я што в городу — боятся партизан? — заглядывает с любопытством.

— Боятся!

Мальчонка доволен... Из-под копны белых волос синие глазенки сверкают удовольствием.

— Я тоже скоро в партизаны уйду.

— Я мамка пустит?

— Што мамка — убегу... Тятька в партизанах...

Потом помолчал...

— Я в Яковлевке у штаба начальник строгий... И отрядов там — громада!..

. . . .

Пришли. Яковлевка гудит. Отряды один за другим прибывают. Организуются... На площади у церкви — идет ротное учение: слышатся слова команды, смех, говор... А в грязи, среди улицы — цепь... перебежки ...

Вот и школа — большое одноэтажное здание. На крыше красный флаг, на коньке крыльца — доска:

ШТАВ
Яковлевокого Повотанчеокого
Округа.

Вошли — огромная комната. Группами на полу, на подоконниках — партизаны; прямо с ружьями спят... курят, разговаривают тихо...

Ночью была глубокая разведка...

В углу у окна большой стол. За ним сбоку черный, давно небритый, в ушанке и улах — Шамов.

Что-то пишет, углубился.

Начальник хозяйственной части Серков, охотник с «Ольги», тут же за столом делает разверстку продуктов по отрядам.

Ординарцы один за другим уходят и приходят...

Шагая через спящих, весело насвистывает Демирский. Он ад‘ютант штаба.

— Вот, привел...— мальчик Демирскому...

Тот смотрит на Николая:

— А, товарищ... Из Владивостока?

— Да!

Мальчик подает бумагу — «подорожную», отправленную с ним с Угодинз'ы начальником гарнизона.

Демирский пишет: «принят», а потом к Николаю:

— Как фамилия, товарищ?

— Снегуровский!

Шамов отрывается от приказа, оборачивается, смотрит...

— А, товарищ, вы прибыли...

5. Тайга

— ...Так меня и сделали Снегуровским...

Шамов смеется.

— Но я перед этим три ночи не спал, все работали с Валентином по отправке отрядов. Ну, и вот, перед уходом на вокзал мне сунули новый паспорт... О фамилии я не условливался, только сказал, чтобы попроще и удобнее запоминалось... Вот и все... А потом, как забрался на полку с холода, да с устали — сразу и заснул, и забыл посмотреть — какую мне фамилию там написали...

— И вышло — Снегуровский?

— Как видите... Чуть себя не проспал.

. . . .

...«Сегодня в ночь отрядами выступаем к магистрали. Всего около двух тысяч. Мало патронов (по 60 ш. на стрелка) и совсем нет запасных винтовок и берданок. Резерв, оставленный в Яковлевке,— безоружен».

Под эстафетой две подписи:

«Шамов
Снегуровский»,

а на пакете:

Командующему
всеми партизанскими отрядами
Приморской области,
тов. Штерну.
Лично.
Секретно.

6. ...Заговорила...

Из-под руки щитком смотрит — по долине в гору скачет всадник. Ближе, вот совсем близко — поднялся на стремена: высокий, черный...

— Скорее, дедушка, скорее!.. — не выдерживает женщина.

Но телега трясет себе, дед спокоен... Куда спешить ...

Всадник совсем близко, вот он...

Нет — женщина не выдержала, соскакивает с телеги и бегом, обгоняя лошадь, к всаднику...

Поровнялись:

— Александр! — схватила, обняла, припала... смотрит в него.

— Ольга! — и крепкой в запахах, таежной смоляной рукой за голову, за затылок — ближе к себе...

Наклонился, смотрит...

А на телеге, с другой стороны что-то ерзает человек: он часто оборачивается туда и сюда, точно не может найти себе места, куда глядеть.

Ефим Кононов — худ и тощ, но сейчас лицо его от улыбки расплылось в блин. Он отворачивается снова, а глаза его что-то подозрительно быстро мигают...

. . . .

Штерн прочел донесение из Яковлевки:

«Вышли из тайги, — думает... — хорошо...»

Значит. —

Тайга снова заговорила...

–––––

Глава 5-ая

КОЛЧАК

1. Английский протеже, союзники обещают...

В центре степной Сибири, на берегу мутного Иртыша, широко и нескладно расселась столица Колчака — старо- купеческий Омск.

Недалеко от вокзала железнодорожной ветки, что город со станцией соединяет, высится многоэтажная серая громадина — ставка верховного главнокомандующего.

А напротив, на запасных путях... составы... составы... составы...

Это дипломатические миссии и представительства всех стран.

Блещут зеркальные окна салон-вагонов. Горят электрические лампочки. На крышах вагонов трепещут флаги всевозможных окрасок. Их много: французских, японских, американских, итальянских, но больше всего... английских.

Поезд верховного главнокомандующего тут же. Окна завешены. Мерно гудит динамо в вагон-моторе. У вагонов мелькают обнаженные шашки охраны.

В купэ-кабинете у стола сидит адмирал Колчак. Губы верховного правителя и главнокомандующего плотно сжаты. Крупные черты лица неподвижны. Глубоко сидящие темные зоркие глаза старого моряка внимательно смотрят в лицо генерала Нокса.

Генерал Нокс и полковник Вудсон только-что приехали из Владивостока.

— Я должен передать, что правительство Великобритании выразило согласие на отправку в Сибирь новой партии обмундирования в количестве семидесяти пяти тысяч комплектов. Кроме того, посылается сорок орудий легкого полевого типа и десять тяжелого, а также двести автоматических ружей системы Льюиса. Все это будет послано в спеш-

ном порядке и скоро прибудет во Владивосток. Танки будут посланы несколько позднее.

— Благодарю. Часть золота в обеспечение заказа мною выделена. В будущем Россия не забудет помощи, оказанной правительством Великобритании. В настоящее же время вновь на очереди другой вопрос.

— Я вас слушаю.

Адмирал встает.

— Русская армия продвигается к Волге. Наступление идет успешно. С каждым днем увеличивается территория, освобожденная от большевиков. Населению освобожденных областей необходимо чувствовать под собою прочную опору. С одной стороны, ее дает армия, но с другой стороны важно, чтобы русское правительство было признано странами Европы. Это будет окончательный удар по советской власти.

Нокс встает и жмет руку правителя.

— О, поверьте, адмирал. Этот вопрос решится вскоре, и ваше правительство будет признано. Я надеюсь... Я и полковник Вудсон...

— Благодарю.

2. ... Но не выполняют

Утром следующего дня генерал Нокс рвет края белого пакета.

Секретно.

ОМСК.

Генералу Нокс.

____

Поезд штаба об'единенного командования союзных войск в Сибири.

Читает:

Мною также получено сообщение из Парижа. Правительство Французской Республики согласно с королевским правительством Великобритании, что официальное признание правительства Колчака возможно только после падения Москвы.

Я имею поручение сговориться с вами по вопросу о поддерживании в адмирале Колчаке уверенности в скором признании. В настоящее время мой поезд находится в Ново-Николаевске. Здесь я и считаю наиболее удобным устроить наше свидание во время вашего возвращения во Владивосток.

Командующий союзными войсками
в Сибири
Генерал Жанен.

Ново-Николаевск. 7/IV—1919 г.

— Ол райт!

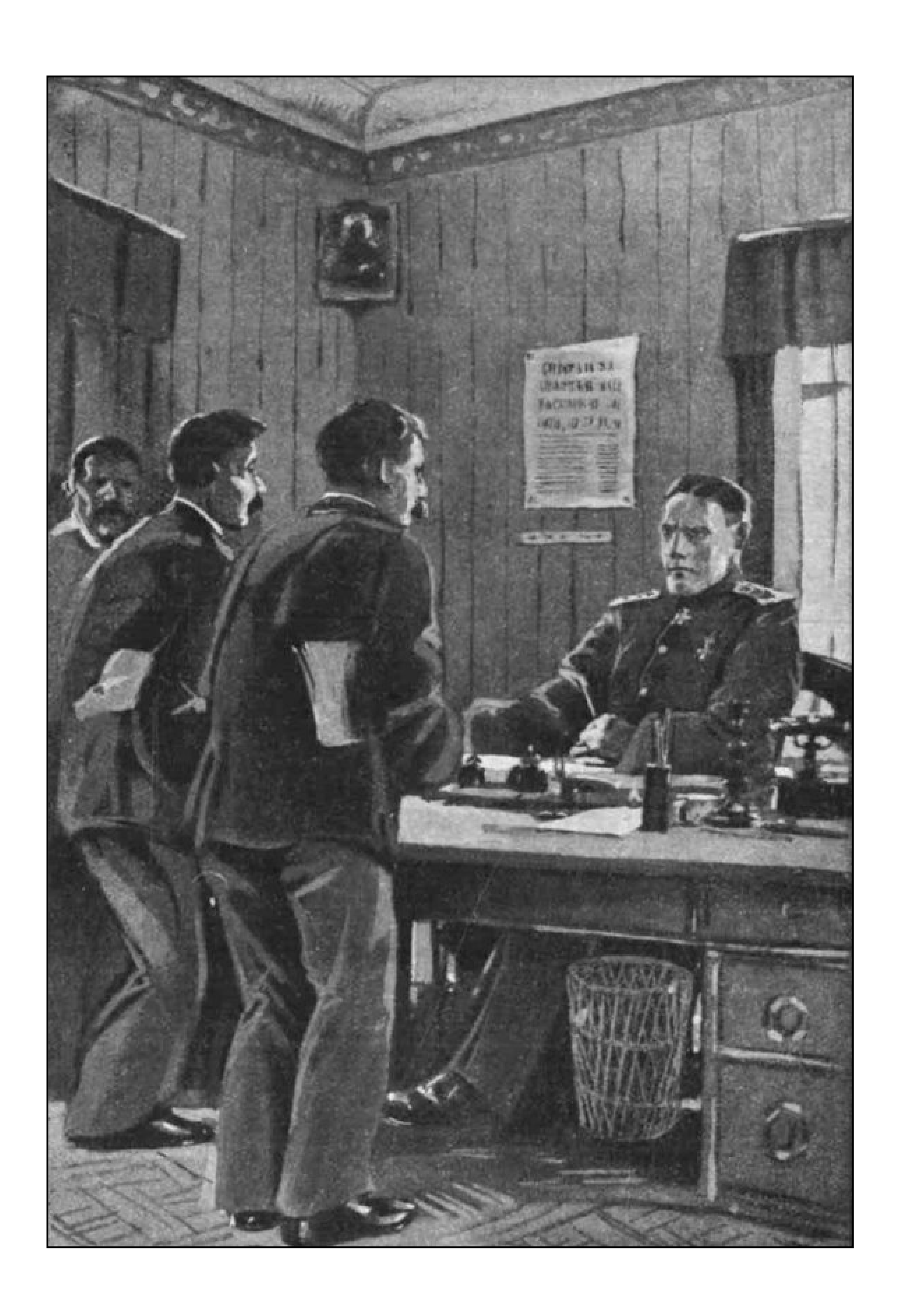
3. Между двух стульев

Ставка. Кабинет верховного правителя.

Тучи ходят по лицу адмирала. Он хмурит брови и бросает частые взгляды в сторону говорящих.

Трое кооператоров из Ново-Николаевска точно сжимаются от каждого его взгляда.

— Ваше превосходительство, такие поступки, как разгром кооперативной типографии, в корне подрывают авторитет правительства. Вся демократическая часть населения находится в тревоге... Создается благоприятная почва для большевистской агитации.

Кооператоры вздыхают. Память четко рисует картины первых дней воцарения Колчака. Тогда они посылали верноподданнические телеграммы:

«...приветствуя вас... мы верим... мы желаем вам... и пр. и пр.»

А теперь?

— Ваше превосходительство! Мы понимаем, что это сепаратные действия, почему и просим вас строго наказать виновных.

Треск. Кооператоры вздрагивают. Адмирал резко бросает сломанный на-двое карандаш.

— Вы говорите, это были офицеры?

— Да, ваше превосходительство... Из отряда атамана Анненкова.

— Хорошо. Дело будет расследовано и виновные наказаны... Строго.

Кооператоры, откланявшись, исчезают.

Адмирал встает и начинает быстро ходить по кабинету.

— А-а, чорт! — Правитель судорожно хватает пепельницу и швыряет ее в угол. Звонит. Ад'ютант входит.

— Позвать полковника Кабакова.

Ад'ютант звякает шпорами.

Полковник Кабаков входит решительными шагами и смотрит строго, холодно. Низенький, сухой полковник — олицетворение сухой строгости и беспощадного фанатизма.

Он знаменит.

Пленные австрийцы в городе Кустанае чем-то помогли восставшим крестьянам. Восстание было подавлено. Кабаков отдает приказ, и в одну ночь всех пленных развешивают по столбам Кустаная.

За это его оттуда убрали. Теперь он при ставке — генералом для поручений.

— Полковник Кабаков! Дело, о котором вы мне говорили, рисуется для меня иначе. Этому надо положить конец.

— Ваше превосходительство! Вы сами знаете, что мы окружены большевиками. Всюду зреют заговоры. Это нож в спину армии. Здесь в тылу нужно быть беспощадным и в корне подавлять всякую агитацию. Эта газета вела скрытую аги-

тацию. Корнет Усов... и другие офицеры были возмущены. Они борются и проливают кровь. Если вы их будете наказывать за то, что они борются за родину, вы погубите дело.

Верховный правитель опустил голову. Помнит... Также вот: заговор Фомина и других эсэров... Выступление, похожее на провокацию... Затем офицерский суд... И... расстрел эс-эров...

И он — адмирал Колчак, узнав о расстреле, бился в истерике. И всё-таки дело пришлось замять.

Адмирал поднимает голову и долго испытующе смотрит на полковника...

Ничего. Холод стальной непоколебимости... Твердость каменная...

Взгляд адмирала мутнеет.

— Ладно. Впредь не допускать... Этого Усова и других из Николаевска перевести. Атаману Анненкову передать, чтоб следил строже.

— Прикажете итти?

— Идите.

Полковник Кабаков круто поворачивается и твердо выходит из кабинета.

4. Три доклада

Генерал Иоши-зава — глава японской дипломатической миссии в Омске.

На приемах Иоши-зава — в плотно сшитом желтом мундире, с кавалерийской саблей и звездой Генро... Но теперь на нем штатское платье и поверх — широкий теплый итальянский плащ.

В ночной тьме торопливо шагает Иоши-зава по одной из глухих улиц Омска.

Столица спит. Спит и маленький деревянный домик в три окна с крылечком. Иоши-зава оглядывается, затем подходит к домику... Тихонько стучит в закрытый сгавень сначала два раза, потом один, потом три.

Дверь тихо, тихо открывается.

Оглянувшись еще раз, Иоши-зава входит.

_____

Комната выходит во двор. Окно завешено плотной тканью.

Начальник разведочного отделения ставки верховного правителя, полковник Солодовников, стоя, делает доклад. Генерал Иоши-зава слушает, сидя в кресле и полузакрыв глаза.

— ...новых распоряжений не поступало. Список шпионов, отправленных в Японию, я передам вам завтра. Нокс привез известия о посылке Англией обмундирования и оружия, вот по этому списку. О признании ничего не слышно.

— Слышно.

— То-есть?

— Не признают до взятия Москвы, — скалит зубы Иоши-зава.

— Та-а-к...

— Подготовьте Колчака. Завтра вечером я у него буду на приеме.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Как дела с организацией партии японофилов?

— Партия понемногу растет... Я думаю, удастся сманить генерала Зинкевича... Они с Лебедевым втайне грызутся.

— Хорошо. Копию письма Голицына достали?

— Да! Вот она.

— Хорошо. Это вам на дальнейшие расходы.

— Благодарю вас, ваше превосходительство.

— Не стоит.

Иоши-зава закутывается в плащ. Полковник надевает шинель. Выходят. Никого.

— До свиданья, ваше превосходительство.

— До свиданья.

Полковник идет в одну сторону, Иоши-зава в другую.

_____

В ту же ночь в своем вагоне Иоши-зава принимает другого шпиона. Это Люкс.

— Ну что?

— Ваше превосходительство! Ничего неправильного в действиях полковника Солодовникова я не заметил. Агитация им ведется...

— Так. Вы больше здесь не нужны. Я вызвал вас для того, чтобы передать вам новое поручение.

— Какое, ваше превосходительство?

— Вы поедете сначала в Читу, а затем по выполнении работы в Японию. Нужно выследить колчаковских шпионов. Имена их и приметы, а также все остальное я передам вам завтра. Подробную инструкцию вы получите в Чите у Сато.

И генерал машет рукой в сторону двери.

_____

А на следующий день утром на приеме у адмирала Колчака полковник Солодовников докладывает:

— Ваше высокопревосходительство! Имеются сведения, что союзники откладывают признание вашего правительства до взятия Москвы.

— Что? Не может быть.

— В дипломатическом корпусе было тайное заседание...

Пауза...

— Представители оглашали заявления своих правительств и обсуждали вопрос о том, как им действовать перед своими правительствами: настаивать на признании или нет...

Пауза...

— Большинство было против, за исключением представителя ...

— Ну?!

— Представителя Японии, ваше высокопревосходительство.

— Японии? Странно...

Резче обозначились черты адмирала... Темные глаза уставились в угол ...

— Ну, что ж... Посмотрим.

5. Патриот

Иоши-зава тонкий дипломат. Еще в дни молодости он первым окончил Токийский Институт иностранных языков... Специальностью выбрал — русский.

Долго жил он в Петербурге и много работал, не даром покойный Мотсухито послал ему в подарок трость слоновой кости, украшенную золотым письмом.

Знает Иоши-зава, какую силу имеют власть и золото.

На вытяжку стоит он перед адмиралом (царь, дескать, вы, царь)... Говорит почтительно чистейшим русским языком.

— Ваше высокопревосходительство! Императорское правительство Японии, считая, что у России и Японии интересы общие в противовес интересам других наций, решило...

Молча, неподвижно слушает Колчак...

— ...решило прийти к вам с энергичной помощью, первое — признать ваше правительство; второе — ликвидировать ваших врагов в тылу (понимай, мол, понимай — Семенова), мешающих выполнению вашей задачи; третье — предоставить заем для успешного ведения борьбы с большевиками и... четвертое...

Иоши-зава на секунду смолкает...

Губы Колчака слегка подымаются, но моментально — обратно... еще плотнее...

— Четвертое — если это будет нужно, Япония согласна послать на фронт против советской армии живую силу в необходимом для сего количестве.

Опять смолкает Иоши-зава, а острые глаза щупают... щупают...

В губах адмирала улыбка жмется... В голове горделивые мысли: «не надо... Своя армия идет победоносным маршем, и скоро... скоро... Москва».

Верховный правитель вопросительно смотрит на генерала (ну, ну... продолжай... ведь наверное не все еще сказал).

Иоши-зава понимает... В глазах вспыхивает огонек, но мигом тухнет... Генерал продолжает попрежнему почтительно:

— Ваше высокопревосходительство! Императорское правительство Японии уверено, что Россия впоследствии сумеет компенсировать оказанные ей услуги... В настоящее же время Япония просит для себя только небольших гарантий... В обеспечение... Вот извольте, ваше высокопревосходительство, взглянуть на сей документ.

Желтая сморщенная рука протягивает лист бумаги. Белая — принимает.

На щеках адмирала выступают пятна. Минуту он не может произнести ни слова. Потом берет себя в руки... Медленно набирает воздух...

— Передайте от меня, генерал, благодарность императорскому правительству Японии за доброе желание. Условия эти я принять не могу. Правительство мое временное, и я не имею права уступать ни единой пяди русской земли.

Адмирал наклоняет голову.

Аудиенция окончена.

«Комедиант... — думает, выходя, Иоши-зава — англичанам ты тоже не отдашь ни пяди... Им твоя пядь не нужна... Купцы — они всю Россию захватят».

Глава 6-ая

ГРОБЫ С ЗОЛОТОМ

1. Все для России

На пустынной и мрачной набережной маленький домик. Это — городская квартира адмирала Колчака. В окнах, сквозь ставни еще свет — секретное совещание. Участвуют

в нем адмирал Колчак, начальник снабжения армии Колчака и полковник Солодовников.

Начальник снабжения только-что кончил свой доклад и выжидательно смотрит на адмирала.

— Ну, что ж! Покупайте оружие у американцев.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Но...

— Что еще?

— Они требуют золото немедленно. При получении...

— Гм... Они получат его! Но мы же не можем посылать золото сейчас, когда на восточных путях разбойничает этот Семенов и прочие...

— Ваше превосходительство! Требование американцев категорично. Мы рискуем остаться без оружия.

— Чорт! Ну, придумайте что-нибудь для отправки золота в неприкосновенности. Замаскируйте посылку.

— Ваше превосходительство! Они останавливают каждый поезд и грабят решительно все, что может пригодиться.

— Так придумайте то, что им не может пригодиться, — уже сердито говорит адмирал. Он недоволен, что не может найти выход из положения. Он оборачивается к полковнику Солодовникову.

— Ну, полковник, что говорит вам ваша голова?

— У вас гениальная мысль, адмирал, — заискивающе отвечает Солодовников. — Я думаю, что вы уже нашли выход из положения.

— Говорите!

— Мы пошлем золото под видом посылки, абсолютно ненужной ни Семенову, ни прочим разбойникам.

— Ха-ха! Гениально! Не думаете ли вы послать золото в ящиках с навозом ...

— Простите, ваше превосходительство! Но я думаю, что их никто не стал бы везти до Харбина.

— Тогда что же?

— Мы пошлем золото в гробах, — произносит Солодовников. — Это... — Он нарочно медлит докончить фразу, дожидаясь, пока начальник снабжения, не скрывая улыбки, замечает:

— Мне думается, полковник, что сейчас никто ничем особенно не дорожит. Особенно людьми... О мертвецах же и говорить не приходится.

— Смотря, о каких, — вставляет Солодовников.

— Что вы хотите этим сказать? — уже не скрывая своего любопытства, адмирал упирается взглядом в Солодовникова.

— То, что в военном деле, а в особенности в нашем положении, допустимы некоторые уклонения от общей этики...

— Может-быть, вы выразитесь конкретнее, — перебивает Солодовникова адмирал.

— Извольте, ваше превосходительство! — Солодовников озирается по сторонам. Затем почти шопотом произносит две-три фразы на английском языке.

От произнесенных фраз нос адмирала на секунду делается багровым. Что-то героически вдохновенное сверкает в его глазах...

Он резко поворачивается к Солодовникову, но... в глазах сверкают лишь пятки исчезнувшего героизма.

— Вы правы, полковник! — говорит адмирал — этика — роскошь штатских. Ваш план гениален. Но не вызовет ли это неприятности для нас?

— Ваше превосходительство! Позвольте вас уверить в моей преданности. Я сам берусь сопровождать гробы.

— Превосходно. Поезжайте.

2. «Россия» страдает

Около здания редакции русской газеты «Свет» в Харбине улица запружена народом. Преимущественно тут русские. Преобладают модные дамские шляпы, офицерские фуражки, два-три черных блестящих на солнце цилиндра, котелки, много черных кружевных чепчиков...

Чуть-чуть ниже: лорнеты, пенснэ, очки в золотых и роговых оправах, а то просто близорукие интеллигентские глаза.

В окне редакции белый экран, с наскоро намалеванным типографскою краскою сообщением:

Завтра в Харбин прибывает поезд с останками семьи Романовых, расстрелянных большевиками в Екатеринбурге.

— О, господи! — вздыхает старуха в кружевном чепчике, с трудом осмысливши написанное. — А сын-то мой еще там! Что они с ним сделают?..

Старухе семьдесят с лишним. Это вдова гвардейского поручика Богомазова. Муж ее погиб в белогвардейском мятеже. Сына арестовали...

— О! От большевиков нет пощады, — замечает рядом со старухой стоящий человек. У него солидная осанка, волосы с проседью и приличный, хотя и немного потертый, фрак. Только бахрома давно неутюженных брюк слегка колышется, когда он, слюнявя губы, беззубым ртом шамкает:

— По статистическим данным, в России в прошлом году убито, как лишний балласт, пятнадцать тысяч младенцев. Говорят, что нормы питания не позволяют женщинам рожать детей, и ежемесячно от абортов умирают до двадцати тысяч женщин...

...Это — бывший профессор Московского университета.

— Большевики — это хуже зверей, — скороговоркой ораторствует молодой офицер. — Главным образом, евреи и латыши... Мой брат рассказывает, что, когда был в плену у большевиков, им выдавали консервы из человеческого мяса...

— Их, говорят, перед смертью пытали, — повествует чей-то густой бас. — Сперва царя, а потом царицу. Наследника, говорят, поили уксусом и кормили толченым стеклом...

— Господи! Какое надругательство над царем... Такое

надругательство! — всхлипывает молодая дама, осторожно, чтобы не стереть пудры, прижимая душистый платочек к глазам. — Николай Дмитриевич, я обязательно поеду с вами на фронт...

Толки и разговоры среди русских к вечеру принимают эпидемический характер. Все говорят о большевистских зверствах. Вспоминают царя и изнывают в чувствах к отечеству.

Монархическая организация «Двуглавого орла» решает использовать событие для пополнения своего давно не запирающегося денежного ящика. Жены и дочери членов организации спешно проводят сбор для возложения венков на гробы.

Группа черноризников разных рангов вечером усиленно опустошает бутылки, и все не могут прийти к выводу, к какому разряду причислить членов семьи Романовых. К разряду ли чудотворных или к разряду просто святых?

Сотрудник всех харбинских газет Ухтомский и его коллеги по перу — проверяют камеры и ленты своих кодаков. Завтра надо сделать ряд интересных снимков изуродованных большевиками трупов. Написать не меньше восьмисот строк с самыми сенсационными подробностями...

А там, на глухом раз'езде, между Верхнеудинском и Читой, отряд семеновцев открывает одну за другой двери теплушек. Выгружают добро, награбленное такими же, как и они, грабителями.

У одного из вагонов, особо тщательно закрытого, сгрудились солдаты, пытаясь прикладами разбить дверь.

— Не смейте! Не смейте! — неистово кричит Солодовников, одетый в штатское. — Это вагон специального назначения! Вы ответите перед Семеновым.

Имя атамана производит на солдат некоторое впечатление. Они на момент перестают бить дверь.

— Кто у вас тут начальник? — пользуется моментом Солодовников. — Дайте мне вашего начальника. Немедленно!

Из раз'ездной будки появляется полупьяный поручик.

— Что за бунт! Открывай все вагоны! Живо!

Солдаты расшибают дверь вагона. Вскакивают туда, смотрят: гробы. Поручик недоумевающе смотрит на Солодовникова:

— Что это?

Солодовников не теряется. На лице торжественная серьезность. С пафосом отчеканивает слова:

— Господин поручик! Это останки семьи его императорского величества государя императора...

Полупьяный поручик моментально трезвеет. Звякает нога к ноге. Вытянулся, приосанился и к солдатам:

— Смирно! На кра-ул! — и сам руку к козырьку.

Солдаты обалделые — руки по швам — шире зрачки. В упор смотрят на дубовые гробы. Смотрят, чтобы не забыть: случай, единственный в жизни. Там, для деревни, рассказать: «самого царя»...

А прапорщик заплетающимся языком извивается перед Солодовниковым. Сажает несколько своих солдат на площадку вагона. И приказ:

— Дальше без задержки. Смотрите!

3. «Россия» тут не при чем

На площади перед вокзалом, в зале ожидания, на перроне — везде русский говор — все ждут прибытия поезда с останками семьи Романовых.

Нет ни от кого никаких точных директив. Кто сопровождает гробы? Куда их отправят? Где положат?

Местное русское духовенство предполагает устроить в зале ожидания небольшую панихиду. Вскрыть гробы...

Члены союза «Двуглавого орла» уже приготовили патетические речи.

Фотографы на страже.

Вдруг слух: поезд уже прибыл и стоит на запасном пути.

Все туда: действительно прибыл товарный поезд. На площадке одного из вагонов стража из нескольких солдат.

— Ага, значит этот!

Председатель лиги «Покровительства русскому народу» обращается к солдатам:

— Здесь гробы царской семьи?

— Здесь!

— А кто их сопровождает? Ваш начальник?

— Полковник — в том вагоне.

Вот он появляется и сам. Что-то шепчет страже на площадке вагона и быстро пробирается в вокзал.

На ходу его окружают русские люди всех мастей, репортеры и любопытные...

— Пожалуйста, скажите?

— Скажите, пожалуйста...

Где? Что? Как? Никто не знает.

Полковник Солодовников, не отвечая на вопросы, быстро направляется в зал ожидания.

Там в будке телефона разговор:

— Есть. Привез. Все в порядке.

Из трубки:

— Где? Когда?

— Я в гостинице «Риволи». Сейчас!

И сам через толпу любопытных в автомобиль:

— Вперед!

\-\-\-\-\-

В гостинице «Риволи» Солодовников и двое японцев. Там разговор на английском языке.

— Сколько?

— Шесть гробов. Не меньше ста пудов.

— Иес! Куда?

— Вероятно, в склады американской миссии.
— Когда?
— Не позже двенадцати часов ночи. Сегодня же. Передайте Таро.
— Ол райт!
Японцы исчезают.
Полковник Солодовников берет трубку телефона.
— Алло! Американская миссия?
— Мистера Гардинга!.. Солодовников. Груз прибыл. Перевезите немедленно в свой склад. Вскрытие обязательно при мне. Слышите... Что? Сегодня? Нет — сегодня нельзя. Ну, хорошо. Тогда — в два часа ночи.

4. Воры у воров

«Истинно страдающие» русские люди так и не увидели останков царской семьи. Уже в сумерках гробы укладывают в крытый американский грузовик и увозят. Говорят: в склеп, но сворачивают узкими переулками, огибают главные улицы и под‘езжают к частным складам мистера Гардинга.

— Чегоза гроба, шибко чижога есть, — делятся впечатлениями, перетаскивая гробы, грузчики-китайцы.

Мистер Гардйнг сам следит за выгрузкой. Сам запирает дверь склада. Ключ в карман. Сегодня — в два ночи. Ол райт! Хе-хе! Мистер Гардинг не дурак. Он знает, что сделать.

Но и два японца знают, что делать. И знают, что делать на целые два часа раньше, чем мистер Гардинг.

В двенадцать часов ночи у склада тишина. У одних из дверей сторож. Все в порядке.

Но бесшумно работает остро отточенная, хорошо смазанная пила в другой боковой двери.

Десять минут длится напряженная настороженность. Затем шесть японцев юрко проскальзывают внутрь склада. Полчаса японцы возятся вокруг гробов при свете потайных фонариков. Затем один за другим, нагрузившись какими-то свертками, выскальзывают обратно.

Два часа ночи.

Мистер Гардинг ждет звонка полковника Солодовникова. Мистеру Гардингу неудобно перед мистером Маком и прочими мистерами, собравшимися для совершения определенной коммерческой сделки.

— Алло! Гостиница «Риволи». Прошу мистера Солодовникова. Спит? Нет? Ушел? Уехал! Совсем!

У шести мистеров в шести ртах можно свободно положить шесть французских булок...

Мистер Мак первый приходит в себя. Его озаряет гениальная идея. Он спешит поделиться со своими компаньонами.

— Хе! Золото ведь у нас! Мистер Солодовников не хотел прийти, уехал. Мы сами вскроем гробы.

— Ол райт! — соглашаются остальные мистеры. — О чем рассуждать? Американцы — всегда люди дела.

Автомобиль. Склад. И... пустые гробы.

У американцев навертываются чисто американские ругательства. Мистер Мак кроет мистера Гардинга изысканными «небоскребами» американского лексикона. Мистер Гардинг мысленно проводит аналогию между американскими и русскими мошенниками. Прочие мистеры заняты поплевыванием и столь же недоходными размышлениями.

Оказывается, американцы не всегда бывают людьми дела.

Глава 7-ая

СТАРЫЙ ХУНХУЗ

1. Немного прошлого

Деньги не пахнут.

Чжан-Цзо-Лин — старый хунхуз, деньги получал отовсюду. Но из гробов — первый раз...

Лет двадцать тому назад, еше во время русскояпонской войны, он служил у одного русского офицера бойкой[1] в городе Харбине. Деньги тогда ни во что считались. Русские офицеры много кутили, устраивая невероятные скандалы. Но золото затыкало всем глотку.

Тогда он в первый раз получил двадцать золотых — он сделал маленькую услугу своему «капитану»: он только устроил «мало-мало сытела[2] мадаме» офицера.

Потом он получил еще больше, — он делал разные услуги «шибко капитана»...

А потом он проворовался — хватил через край... Вечно пьяный офицер заметил — его арестовали... Он знал, что ему отрубят голову. Он не ждал этого — он просто бежал...

И тогда началась его самая интересная полоса жизни. Он сделался хунхузом. В русской тайге за озером Ханкой он примкнул к хунхузскому отряду, и началась его вольная жизнь: опиум, грабеж китайских купеческих караванов, слава разбойника и вечно открытое над головой небо... — то звездное, то солнечное, то пасмурное.

Вскоре он стал начальником многих хунхузских отрядов. Недюжинный организатор, он сумел их об'единить и управлять ими. Тогда он пошел в Китай — мстить и грабить.

Хорват — эта старая борода — не на шутку струсил, когда Чжан-Цзо-Лин, этот недавний бойка, стал угрожать Китайско-Восточной жел. дороге. А он за нее отвечал, как управляющий, — генерал Хорват пошел на хитрость... На Дальнем Востоке все позволено. Он просто пригласил начальника хунхузских отрядов — Чжан-Цзо-Лина — к себе на службу... на охрану железной дороги.

Чжан-Цзо-Лин все взвесил и, отобрав надежную часть хунхузов, поступил на русскую службу в охрану дороги со своим отрядом.

Хорват ему дал чин — полковника.

---

[1] Прислуга.

[2] Задавил (буквально — заснула).

А потом — все, как по маслу: в Китае вечные смуты, вражда губернаторов провинций и... хунхуз — оказался большим дипломатом: одному-двум отсек голову, и сам стал губернатором — на его стороне была сила...

Теперь он губернатор трех провинций: Мукденской, Гиринской и Хейлудзянской — почти неограниченный владыка всего Северного Китая.

Толстое, красное, заплывшее жиром лицо, маленькие раскосые масляные глазки — все лицо улыбается.

Трудно понять, почему: или потому, что удачно сегодня отрубил голову своему самостийному мандарину, или просто потому, что хай-сун[1] было очень вкусно, и он теперь облизывается от удовольствия.

Но вернее потому, что ему предстоит получить большой куш золота, и откуда — из гробов!..

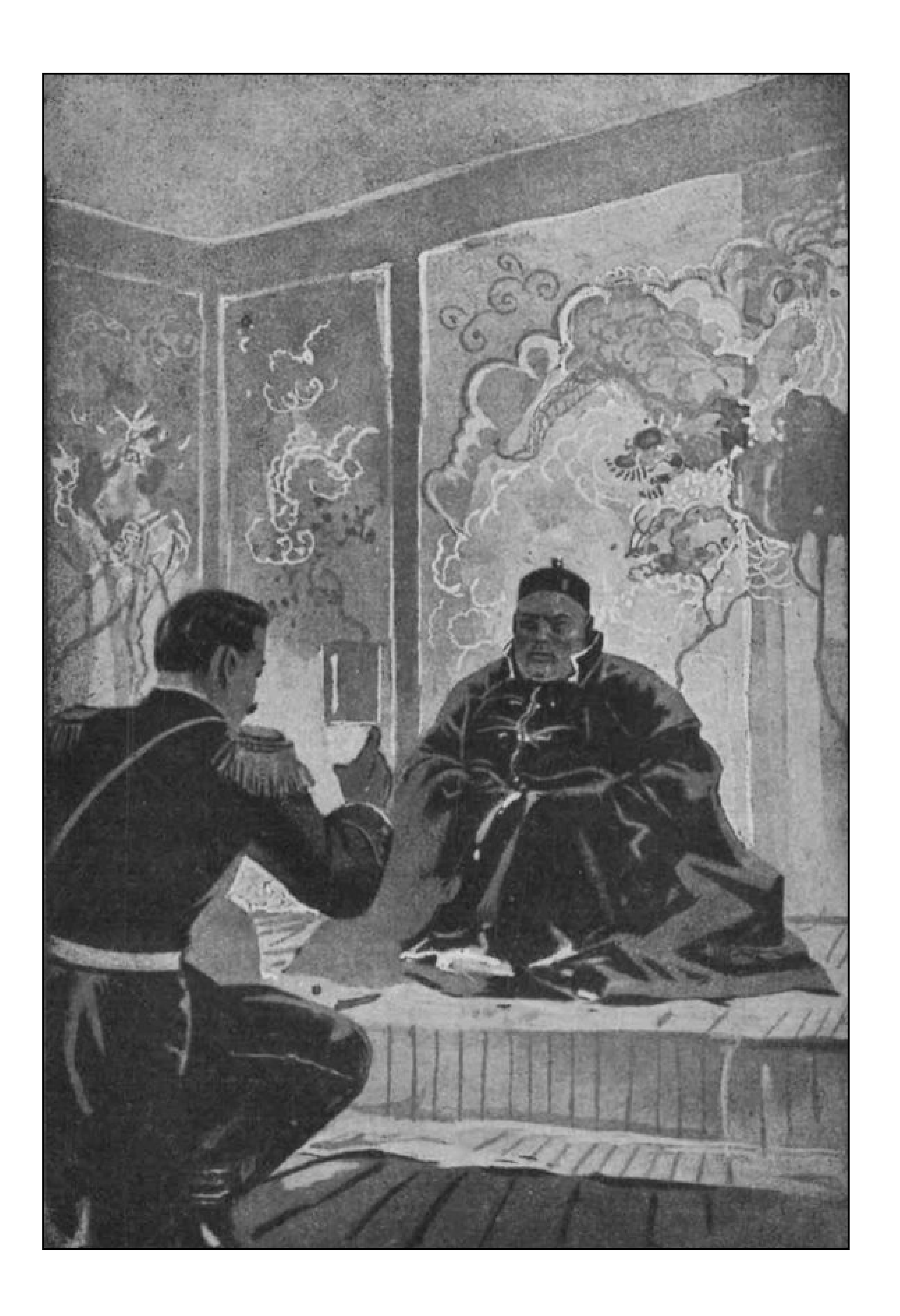
Но на флегматичном жирном лице ничего не прочтешь. Лишь большая шишка с пятью ярусами, означающая степень его высокого чина, на черной шелковой шапочке, чуть-чуть вздрагивает.. .

Чжан-Цзо-Лин сидит на широком, покрытом цыновками, кане, выходящем на закрытый балкон в парк. Ноги у него поджаты под себя.

Точно огромная, неповоротливая, взбухшая в черных шелковых складках кукла. Высокий, черный, полуоткрытый воротник обелоснеженной каймой подпирает его жирный, в складках, затылок. Халат схвачен черными шелковыми шнуровыми петлями на золотые шарикообразные пуговицы, как бубенчики.

Два генерала — один высокий, тощий, с лошадиным лицом, другой — маленький, толстый, как обыкновенный китайский «купеза» — оба в черных халатах, — никак нельзя их представить военными, — закончили свой доклад. Ждут, стоя...

[1] Изысканное китайское кушанье — морские черви (трепанги).

Но Чжан-Цзо-Лин ничего не слыхал. Он думает о сегодняшнем визите русского полковника и о золоте из гробов.

Кивок головы: значит — идите...

Несколько приседаний, пришлепывание губами и несколько неуловимо тонких улыбок и, — генералы, пятясь задом, уходят с балкона к дверям.

Вышли.

. . . .

Неслышно и неуловимо быстро рука с визитной карточкой к Чжан-Цзо-Лину.

Опять кивок черным пятиярусным шариком, и бой, как привидение, исчезает.

2. Китайская церемония

Полковник Солодовников знает, с кем имеет дело: он спокойно вынимает портсигар, раскрывает его, вынимает папироску, закуривает...

Он ждет...

Сначала, откуда-то, из-за боковых ширм появляются три маленьких мандарина. На их шапочках совсем небольшая шишка и только с одним ярусом.

Они приседают, улыбаются, скалят зубы — они просят обождать...

Через некоторое время выходят еще семь, как-то, откуда-то незаметно появляются... И опять та же процедура приседаний, хитрых улыбок, — они также просят обождать...

Потом появляется еше один — самый толстый и на шапочке шишка больше, чем у остальных, и с двумя ярусами...

Все они садятся углом вдоль стен — и бойка бесшумно разносит им трубки.

Через минуту приемная наполняется одуряющим запахом душистого крепкого табака.

Их — одиннадцать мандаринов. Это как раз то, что полагается по церемониалу встречи иностранного гостя в чине полковника генерального штаба, посланца по тайному поручению.

Солодовников терпелив. Он востоковед, он знает Восток...

А в это время на балконе Чжан-Цзо-Лин спокойно делает свои положенные тринадцать затяжек опиума — и засыпает...

Время терпит...

В приемной перед каждым мандарином, а также и гостем — маленький продолговатый полированный столик, скамеечка.

В белых тончайших фарфоровых чашечках, очень широких вверху и очень узких в донышке — светло-желтый ароматичный чай. Аромат его настолько одуряет, что заглушает даже запах табака.

Нежный, чуть-чуть горьковатый чай прихлебывают маленькими глоточками без сахара.

Солодовников знает, как его пить. Он также знает, что каждый мандарин имеет свою собственную чайную плантацию и занимается культивированием наивысшего, какого-то особенного сорта чая. Такого чая, какой пьют мандарины, нигде в Китае в продаже не найдете.

Но положенный час прошел.

Чжан-Цзо-Лин за это время, находясь рядом на балконе, в гуще шумного пыльного города Мукдена — его настоящей резиденции, — побывал в своих фантастических сновидениях во многих неведомых странах. Его окружали самые изящные и бледнолицые, и красногубые, и чернозубые китаянки. Ножки их были настолько маленькие, что они могли уместиться свободно на дне самой миниатюрной чайной чашечки. Ногти китаянок, желтые лаковые, были длинные, — на пальцах много толстых литых золотых колец с печатями. Запястья их охватывали массивные, несгибающиеся золотые браслеты с иероглифами. Гладкие со лба прически заканчивались на затылке причудливейшими узорами — узлом, твердым, как дерево, ниспадавшим на плечи. Китаянки покачивались своими узкими бедрами.

Он с ними проводил время, сидя на маленькой скамеечке. Он пил самый душистый и невероятно тонкий и бледножелтый чай в чашечках, стоящих на острие своих ножек.

Все это он видел во сне.

Но положенный час предварительной церемонии прошел.

Чжан-Цзо-Лин входит в приемную — и долго кланяются, и приседают, и улыбаются мандарины.

Потом все по очереди, по чину, садятся и начинается снова: сначала трубки и облака дыма, потом... чай... чай и... без конца чай...

А в промежутках переводчик для этикета, — хотя Солодовников и говорит по-китайски, — невероятно путая русские слова полковника, переводит его предложения.

Но не все говорит полковник. Самое главное он скажет Чжан-Цзо-Лину с глазу на глаз.

Долго еще пьют чай.

Много разговаривают ни о чем. А когда мандарины встают — и, кланяясь, и приседая, и улыбаясь, пятятся задом к дверям и скрываются — Солодовников сообщает самое главное: количество передаваемого Чжан-Цзо-Лину золота, а потом — что он за него должен сделать.

Очень немного — организовать десять хунхузских отрядов и переправить их в тыл большевикам-партизанам в Приморье.

Вот и все.

Вооружение отрядов берет на себя Япония.

За хорошее выполнение плана — японское императорское командование дает десять батарей легкой артиллерии и сто пулеметов.

Все...

. . . .

Аудиенция кончена.

И никто бы не понял, что решил Чжан-Цзо-Лин — принял ли предложение.

Но Солодовников знает — хитрый хунхуз сделает свое дело за золото и пушки. Недаром же он сейчас формирует свою вторую гвардейскую дивизию.

Он будет самым сильным в Китае. И тогда — он будет... императором!

Он — старый хунхуз...

В Китае все возможно.

3. Опиум

... — Я его застрелю!.. — идет, пошатываясь, офицер.

Подошел... — никто не успевает сообразить:

Вынул револьвер и в упор.

Но чья-то рука дергает во-время за локоть... — пуля мимо, в канделябр, в окно...

Звон стекол, крики, обмороки дам...

Бледный вскакивает полковник Солодовников.

— Пусти! — кричит офицер, намереваясь вторично выстрелить.

— Нет! — еще тверже за локоть, так что падает револьвер из руки.

Официанты подскакивают и забирают его.

Офицер к нему:

— Ты кто?.. — оборачиваясь к своим: — Он большевик!.. Мы пели национальный гимн... он не встал... он позорит честь мундира... погоны императорской армии... он...

— Молчать, мальчишка! — Солодовников возмущен.— Позвать полицию! — кричит он официантам.

Но в это время подходят пьяные офицеры из той же компании, откуда пришел этот, и, даже не извинившись, уводят его к своим столикам. На ходу один из них бросает:

— Еще дешево отделался, моли бога...

Инцидент исчерпан.

Солодовников к тому, случайно его спасшему:

— Разрешите представиться — полковник Солодовников! — и протягивает руку.

Черный, тоже офицер, но только в чешской форме, красивый — тоже подает руку...

— Благодарю!.. — Солодовников растроган. — Когда- нибудь я... сумею вам отплатить тем же...

— О! Пожалуйста, не беспокойтэсь...

— Разрешите просить вас к нашему столику.

Чешский офицер, как будто, колеблется, но потом решает...

— О, пожалуйста!

Солодовников его знакомит с дамами, и они садятся за столик.

. . . .

А потом в отдельном кабинете шантана «Палермо» они кутят. Солодовников бросает золото, как магнат.

На утро, после жадных поцелуев Валентины Журавской, звезды харбинского шантана, основательно опустошившей карманы полковника, — он с новым своим знакомым — друзья.

Полковник Солодовников заплетающимся языком, разнеженный напитками и женщиной, говорит томно:

— Мальчишка... Он не знает, что я тоже монархист... но... нельзя же этим кичиться... Это просто — шокэ! Кроме того, в пьяном виде, в ресторане, с женщинами, петь национальный гимн, для нас, офицеров — особенно священный!..

— О! Конэчно... — чешский офицер, несмотря на большое количество выпитого вина, совершенно трезв.

Полковник продолжает.

— Мальчишка... он не знает, в кого он стрелял — судьба будущей монархии в моих руках... как раз сейчас, поддержанные великой императорской Японией, мы осуществляем план завершения борьбы с большевиками и с так называемой демократией... Довольно эти болтуны наболтали. — Да... да...

— Дэ!.. — он не моргнул ни одним глазом.

— Сейчас... вы знаете — мы всех берем на свою службу: золото делает свое дело... Вы понимаете... — он наклоняется к нему на ухо, шепчет: Вы понимаете... эта старая хунхузская собака — Чжан-Цзо-Лин, губернатор трех провинций Китая — куплен... На-днях он посылает свои тайные хунхузские отряды в тыл большевикам в Приморье... Хорошо?.. Ловко придумано? ..

— ЛовкоI — тонкой улыбкой по губам собеседника.

— Да! И это — мой план... А проведение в жизнь — это моя дипломатия и знание Востока... Да!

— Дэ! — собеседник спокоен.

4. «Друзья»

Они уже на ты.

— Кланяйся атаману Семенову... поцелуй руку у баронессы... пакет передай лично ему в руки...

— О! Конэчно... конэчно...

От харбинского вокзала плавно отходит в сторону Манчжурии экспресс.

Вот и Сунгарийский мост, гудит...

Незнакомец, только что прощавшийся с полковником Солодовниковым, входит в свое купэ. Запирает его. Подходит к окну... — тонкая улыбка по губам, на лицо, в глаза, черные, большие, жгучие.

Все вышло, как нельзя лучше — в кармане у него рекомендательное письмо к атаману... План организации хунхузских отрядов известен... Солодовников работает шпионом у японцев — установлено. Баронессу увидит... Можно будет встретить и выследить Люкса...

Все.

Он спокойно садится и закуривает папиросу.

Это — Либкнехт.

ГЛАВА 8-ая

ГРОДЕКОВСКАЯ КОМЕДИЯ

1. Пора, ваше превосходительство

Ветер свищет в ушах и треплет седую бороду.

Вот один волос вырвался из бороды и, крутясь, падает на мостовую далеко позади автомобиля.

Мелькают мимо дома... собор... площадь. Круто повернув, автомобиль стрелою несется вниз прямо к вокзалу.

Плотная туша откинулась на спинку сиденья.

А там... повыше бороды... под глянцем черепа млеют сладкие мысли. По жирному животу мурашками пробегает дрожь предчувствия.

Старческое сердце при каждом толчке ударяется в бортовой кармашек. Замирая, чувствует сердце, как шуршит в кармашке белый листок.

Это телеграмма. А в ней:

> «Проездом в Читу остановлюсь у вас дня на два. Встречайте седьмого.
>
> Баронесса Штарк-Глинская».

«Трф-трррр-фршш-туррр...»

Обогнув сквер, машина останавливается у под‘езда вокзала.

Взвод железнодорожной охраны берет на караул. Комендант станции бросается к автомобилю и открывает дверцу.

Генерал Хорват вылезает и медленно проходит через здание на перрон.

Вдали клубится дымок экспресса.

–––––

Она необычайно оживлена. Она все время смеется и обжигает лукавыми искрами серых глаз.

Генерал Хорват тает. Вот-вот поплывет из мундира и растечется по полу большим жирным пятном. Только сверху будет плавать белая, холодная борода.

Старый Голицын, хихикая, ерзает на стуле и тщетно пытается украдкой прикрыть проблематичным пучком, торчащим спереди, красноречивую лысину.

Даже у Гондатти во всем теле заныли какие-то провода. Тихонько брякая ложечкой, он бросает на баронессу из-под очков какие-то вороватые взгляды.

Они сидят в столовой генерала Хорвата и пьют кофе.

— Нет, это удивительно, баронесса, — пищит Голицын,— я говорю вам это, не льстя, а констатирую факт: вы с каждым днем хорошеете.

— Я ей это сразу сказал! — вставляет Хорват.

Баронесса смеется...

— Довольно любезностей, господа... Поговоримте о чем-нибудь более серьезном.

— О-о! — усмехается Гондатти, — баронесса все еще неутомимый политический деятель.

— Что вы? Теперь, когда Колчак стал у власти, нам...

При упоминании Колчака, лицо Хорвата становится кислым.

— Я вижу,— смеется баронесса, —- вы чем-то недовольны. Успокойтесь... Я могу сообщить вам новость: союзники не намерены признать Колчака.

— Что вы?

Лицо Хорвата проясняется.

— И совершенно справедливо... — подскакивает на месте Голицын. — Колчак выскочка... не аристократ. Он не может управлять Россией. Народ его не признает.

— Да! — подтверждает Хорват, — мне не нравится, что он возится с демократами. Он погубит все дело борьбы с большевиками. Власть должна быть крепкая, авторитетная. Необходим...

— Царь! — вставляет Гондатти.

— Да. За царем народ пойдет. Союзники царя признают.

— Прелестно! Вы правы, ваше превосходительство, — суетится Голицын, — стоит сейчас появиться монарху, и большевикам капут. Но кто? Кто? Колчак?! Фи-фи!!!

— Так в чем же дело? — сверкая прищуренными глазками, говорит баронесса — Кто же может занять трон, как не вы, Леонид Дмитриевич. Вы единственный кандидат. Помоему, вы должны короноваться... И с Колчаком будет покончено. Я уверена.

— Прелестно, прелестно... Справедливо. Пора, пора, ваше превосходительство... О, ваше превосходительство!

Голицын заламывает руки и смотрит на Хорвата, как на икону.

Гондатти, пытливо взглянув на баронессу и усмехаясь краешком губ, спокойно произносит:

— Я с вами согласен. Вы правы.

Все молча устремили взоры в лицо Хорвата.

Ждут.

Князь Голицын:

красный от волнения... Он уже видит себя министром финансов.

Баронесса:

...почему бы и нет. Если что-нибудь из этого выйдет, она свое получит. ...Хорват в ее руках. Если же Хорват провалится, это на руку Семенову... Опять она не в проигрыше.

Гондатти:

...этот старый дурак несомненно слетит с поста после такой выходки. Тогда кто же будет управляющим дорогой, как не он, Гондатти. Великолепно.

Хорват задумался. В мыслях: вот оно, вот... Корона... Трон... У ног вся Россия... Вся Россия.

Поднявшись с места, генерал Хорват твердо произносит:

— Да!

Почтительно встают...

— Надеюсь, что не оставите нас вашими милостями...

— О, баронесса!

Хорват впивается в мягкую ручку.

2. Коронация

Станица Гродеково на самой русско-китайской границе.

Поп Иероним всю жизнь провел в Гродеково. Разве редко-редко в Никольск выберется... А больше — никуда.

Совсем деревенский.поп.

И вдруг... На тебе... извольте... Станичный атаман передает: приготовься, отец, генерала Хорвата на царство венчать...

Каково? Аж взопрел бедный поп.

Низенький, толстый переваливается на коротких ножках... в нечесаную бороду лапищу запустил. Ходит и скулит...

— Нет, ты подумай, отец дьякон... откудаж я могу знать, как это короновать надо. Я уж и архирейскую-то службу запамятовал... Помнишь, поди, когда преосвященный Евгений приезжал, какой конфуз-то получился... А...

— Угу... — мычит дьякон. — коронация... это тебе не литургия Иоанна Златоуста... не бракосочетание... не об усопших моление...

— Вот-вот... Что же, я ему панихиду служить буду, что ли. Господи, господи. Не знаю, что и делать.

— Ничего, огец Иероним... Сойдет. Пропоем тропарь какой-нибудь... Я потом, как возложат корону, так мы сразу молебен о здравии его императорского величества... Молебен-то для нас не в диковинку.

— Да уж придется так. Ты, Илюша, собери хор, — обращается Иероним к пономарю (он же регент).

— Хорошо, отец. Я вот не могу придумать, чем бы его нам встретить: не то «Иже херувимы», не то «Яко да царя»...

— Действительно... Чтож в таких случаях петь-то... Вот оказия.

— Постойте, — говорит дьякон, — а что, ежели пропоем ему «Исполаети деспота».

— Что ты, дьякон? Что ты? Да разве он архиерей!

— А чем же хуже? Еше лучше — царь.

— Хотя... пожалуй. Вали, Илюша, «Исполаети». Ох-хо-хо... Боже милостивый, пронеси благополучно.

Поп вздыхает.

— Равня-а-а-а-йсь!

Хорунжий Башкин заметно волнуется.

Рота из числа войск охраны Манчжурской дороги и сотня уссурийских казаков спешно подравниваются.

Быстро под'езжает автомобиль.

Казачий взвод галопом за автомобилем. В автомобиле — Хорват и Голицын.

— Смирно-о-о!.. Слуша-а-ай! На караул! — зычно командует Башкин... — и, лязгнув шашкой, берет с фасоном на караул.

Но в торжество этой минуты врывается непрошенный конфуз.

Перед фронтом штук десять станичных собак составили оживленный хоровод вокруг довольно симпатичной лайки.

При звуке громоподобной команды, всполошенные собаки с лаем бросаются на хорунжего.

— Вау, вау, вау! — прыгают они вокруг него... Вот-вот схватят за ляжки.

Бледный хорунжий стоит на вытяжку, не имея права предпринять что либо для ликвидации нападения.

Но шум моторов отвлекает внимание собак. Переменив фронт, они бросаются к автомобилю.

Только вылезший Хорват спешно прыгает обратно.

Спешенный взвод с шашками на-голо бросается на неприятеля. Собаки бегут.

Успокоенный Хорват под взглядами толпы станичников медленно подымается на паперть.

— Исполаети деспота! — гремит на встречу хор.

–––––

Уже пропели тропарь и еще что-то.

Отец Иероним малую ектенью прочел в качестве бесплатного приложения.

Близится торжественный момент коронации. Церковь полна народа. Станичные бабы становятся на цыпочки и вытягивают шеи, чтобы лучше видеть.

Генерал Хорват медленно входит на амвон. Лицо сосредоточенно. В глазах величие. В бороде тоже.

Вихрастый Васютка, сын пономаря, идет сзади, поддерживая мантию.

Дрожащими руками передает отец Иероним корону.

Хорват принимает ее и, высоко держа над головой, поворачивается к толпе.

— Русские люди! — говорит он: — с великим смирением принимаю я из рук ваших эту шапку Мономаха, этот признак высокой, богом данной власти... Помолимся.

Хорват опускается на колени.

На колени, шумя и толкаясь, бросается толпа.

Васютка глядит, выпучив глаза. Вдруг он чувствует на губах присутствие чего-то соленого и липкого. Растерянный Васютка не знает, что делать... Руки заняты. Но, видя, что все склонили головы, Васютка быстро поднимает край мантии и вытирает ею нос.

Хорват подымается. Толпа тоже.

— Спаси, господи, люди твоя!.. — начинает речитативом отец Иероним — и благослови достояние твое. Победы благоверному государю нашему императору Нико... то-есть... э... э... (забыл, забыл... имя забыл) э... э... э...

— Леониду Дмитриевичу... краешком губ подсказывает Хорват.

— Леониду Дмитриевичу-уе, на супротивные даруя!..

С шумом высыпает толпа верноподданных.

Его императорское величество медленно выходит из храма.

Головы верноподданных обнажаются.

— Смирна-а-а-а! Слушай-ай. На кара-ул, — вторично командует хорунжий Башкин (собак нет).

К самой паперти подкатывает автомобиль.

Вдруг из толпы вырывается какая-то старуха и бросается к ногам Хорвата.

— Государь, батюшка, помилуй!.. заставь бога молить... Горе мое горькое, батюшка.

— Что тебе нужно, старуха? — милостиво спрашивает император.

— Огец родной, помоги. Старуха я... бедная. Одна надежда была — свинья... Сдохла, батюшка, сдохла... Что мне теперь делать?

«Вот оно... Пришло — мелькает в уме Хорвата,— его народ несет к стопам его свои горести и печали».

— Встань, старуха! Вот тебе деньги. Купи себе другую свинью.

— Отец родной. Спасибо. Осударь-батюшка. Куплю, непременно куплю... У Матрены кривой куплю... Хорошая свинья, жирная. Как взгляну на нее, повсегды тебя вспоминать буду. Спасибо, батюшка.

Станичный атаман красноречиво толкает старуху под бок.

3. И царствию его не будет конца

В тот же день во все концы прыгает по проводам телеграмма:

> «Сего числа я, снизойдя к мольбам народа русского, решился принять... и т.д. и т.д.
>
> Государь император всея великия и малыя... и проч. Леонид I.

Дано в Гродеково, числа... и т. д.

С подлинным верно
Министр Двора Князь Голицын».

На перроне харбинского вокзала толпится народ. Впереди выстроилась длинная лента харбинской организации бой-скаутов.

Шипя и пыхтя, лихо подкатывает экспресс.

Хорват, в сопровождении министра двора и небольшой свиты, выходит на перрон.

Скауты отдают салют.

— Русские люди (хотя нет... не подходит). Дети, (нет, не то). Дети русских людей. Я хочу вам сказать... Вы моя опора. Урра!

— Всегда готовы. — Урра! — отвечают скауты и трясут палками.

Их величество отбыли во дворец.

–––––

Хорват сидит в кабинете и ждет. Ждет с минуты на минуту, когда посыплются на него со всех сторон верноподданнические телеграммы.

Его признают иностранцы... Восток... Сибирь... Да... Главное, Сибирь... Колчак.

Колчака он, впрочем, оставит командующим и военным министром... Пусть.

Хорват не ошибся... Первая телеграмма пришла от Колчака...

Шифром...

Вот она:

«Бросьте валять дурака. Вы вносите смуту. Немедленно пошлите опровержение идиотским слухам».

Вот.

А другая в таком же духе... И шифром... Только поде-

ликатнее... От французов из правления Русско-Азиатского банка.

Смысл ясен: такой поступок не подходит для управляющего дорогой. Пусть генерал Хорват об этом подумает и известит банк.

Увы.

И невольно клонится седая борода над третьей телеграммой...

И тоже шифром...

> «Если его превосходительство задумает оставить почему-либо Манчжурскую дорогу, то не захочет ли он предупредить об этом заранее Китайское правительство.
>
> Если его превосходительство согласится устроить передачу управления дороги генералу Бао, то Пекинское правительство дарует его превосходительству почетное мандаринство, поместье в Чань-Чуне и пожизненную пенсию.
>
> О размерах, как и о всем прочем, можно сговориться в Пекине».

Вот.

Император.

ГЛАВА 9-ая

АТАМАН — ЦЫГАНКА — БАРОНЕССА

1. Две женщины

Семенов ад'ютанту:

— Выслать автомобиль к поезду.

— Кому?

— Баронессе Глинской.

У Маши-цыганки на белках глаз красные нити. Брови тянутся вверх к завитушкам смоляных волос.

— Ты кому это?

— Что? Уже приревновала! Это — от японцев... По делу.

— Знаем, какое дело!

Бриллиантовая брошка на груди Маши порывисто колышется. Вцепились пальцы-когти в руку атамана :

— Смотри!

–––––

Баронесса — как всегда. Очарование, плюс воля — мужчины только средство ...

Цель баронессы: того, другого, третьего... она найдет настоящего! Того, кого надо. Того, кто сможет осуществить ее грандиозные замыслы.

А тогда ...

— Баронесса. Я очень рад.

И губы Семенова на том же месте, где до него побывали губы сотен других, генералов, полковников...

— Чему обязан я вашим посещением?

— Я приехала предложить вам помощь.

— Вы... Но ведь вы...

Семенов не понимает, какую помощь может предложить ему баронесса. Ведь она не начальник какого- нибудь отряда, не представитель иностранных государств. Разве деньги...

— Я слушаю вас, баронесса.

— Я говорила о вас Таро. Он обещал вам широчайшую поддержку в вашей борьбе с Колчаком...

— Баронесса! Я очень вам благодарен! Но не объясните ли вы, чему обязан я таким вашим содействием?

— Интересы русского народа достаточное обязательство для нас всех, — почти тоном проповедницы говорит баронесса.

Потом лукавые искры в верхушках серых глаз и теплое пиано из губ:

— А кроме того... на вас возлагают большие надежды...

— О, баронесса! — Семенов всем корпусом подается к ней.

За эти слова он готов ее зацеловать, заласкать — откуда, откуда она такая!

...Губы опять на руке. Покрывают то же место длительным прикосновением. Затем неожиданно взлет вверх по локтю, между сгибом кисти руки, где газончики черных шелковых кружев...

Полсекунды

> глаз атамана: рыжий пушок под мышкой, рука: жмет руку баронессы, губы дрожаще: — баронесса!..

Спохватившись: — Да, да, интересы нашего народа.

Голос Маши :

— Простите, атаман. Посмотрите, не забыла ли я тут платочек ?

Два взгляда

> Маши: злой, сверкающий, слегка кровью набухших белков
>
> Баронессы: дерзкий, вызывающий — сознание своей силы.

Столкнулись. Ясно: ни одна не уступит.

Борьба. Месть.

Поднимаясь по лестнице, Либкнехт сталкивается с баронессой. Она узнает его первая.

— ЛибкнехтI

Он смотрит на нее. Потом сразу вспоминает: автомобиль, чьи-то теплые, нежные руки, потом, потом... после всех тягот тюрьмы и лагеря... безумная ночь в будуаре баронессы ... нега и ласка до утра...

Неужели она его любит?

— Баронесса!

— А вы как здесь? — спрашивает его Глинская.

— Я работаю тут в штабе. В шифровальном отделе.

— Только то! — смеется баронесса. Она любуется красивым профилем его лица, гордой посадкой головы, энергичным изгибом шеи ...

И сразу что-то решивши:

— Вы поедете со мной. Я это устрою.

И не дожидаясь его ответа;

— Сегодня будьте у меня! Гранд-Отель, 16. В двенадцать, Либкнехт. Не забудьте!

И, кивая ему рукой, баронесса спускается с лестницы.

2. В очаге опасности

В тот же день в штабе.

— Доложите об этих телеграммах лично Семенову, — обращается начальник штаба к Либкнехту. Он передает ему пакет с телеграммами. Отдельно держит одну.

— А по этой нужно известить этого коммерсанта, как его... Люкса.

Либкнехт удивленно поднимает брови.

— Люкса?

А сам думает: «наконец-то. Теперь действовать решительно, неотложно. Сегодня же. Но ведь баронесса... Ах, да ладно...»

Он сперва заходит к Семенову.

— Секретно, лично от начальника штаба, — докладывает он прислуге.

— Их нет! Но там Маша.

— Что? Я должен говорить с атаманом лично. Я должен передать ему телеграммы.

— Ха-ха-ха-ха!—раскатистый хохот. — Вы так думаете? — слегка придушенный голос.

В дверях Маша. Черные глаза смеются задорным капризом. Но вокруг рта злое недовольство.

— Давайте сюда ваши бумаги.

— Нэт! — отчеканивает Либкнехт,— я не могу. Я обязан передать их лично Семенову.

— Ха-ха-ха! Ну, давайте скорее. Я жду.

Либкнехт стоит на месте. Потом вежливый поклон.

— Я приду позже, когда будет атаман. Он поворачивается и направляется к двери.

— Стойте, — кричит Маша, — вы так не уйдете. Я хочу вам сказать... Ну, идите же. Не бойтесь меня.

— Я ничего не боюсь! — отвечает резко Либкнехт. — Я просто исполняю свой долг.

— Пройдите сюда! — и Маша приподнимает портьеру в следующую комнату. Либкнехт... нерешительно следует за ней.

— Садитесь! Вы упрямы... Но вы красивы. Вы мне нравитесь. Целуйте,— она протягивает ему свою смуглую, оголенную почти до плеча руку.

Либкнехт чуть-чуть прикасается к ней губами.

— Ха-ха! Смелей, — смеется Маша, — разве вы такой робкий?

Она притягивает его голову к своей груди, потом неожиданно наклоняется и крепко целует его в губы.

Либкнехт вскакивает.

— Простите, но вы ... вы...

Он растерялся от неожиданности и не знает, как себя вести. Маша забавляется его нерешительностью и хохочет:

— Скромница... Любопытно. Я жду вас сегодня в десять. Приходите непременно, иначе...

Либкнехт знает, что он должен делать сегодня вечером: Люкс, затем баронесса... Лихорадочно соображает.

— Я не могу!

— Как? Маша хватает его за руку. Выбрасывает слова,

как острые иголки, произносит, как шипение змеи:

— Смотри! Я буду ждать. А если не придешь...

Маленькие кулачки сжимаются. В глазах злоба и жестокость.

О, да! Либкнехт знает про дела Маши. Еще сегодня утром, когда говорили о расстреле поручика Мартынова, не подчинившегося ее капризу.

Ну, да все равно. Он сегодня покончит все и уедет в сопки.

Он резко поворачивается к дверям и быстро выходит из комнаты.

3. Либкнехт действует

Люкс с недоумением разворачивает записку. От Маши!

Будьте вечером в 11 часов.
Есть важное дело.
Маша.

Люкс не верит своим глазам. Приглашение к Маше! Кто откажется? Кто смеет отказаться! Но зачем он ей вдруг понадобился? И откуда она знает? И так поздно, так поздно.

Люкс польщен.

Он надевает новую форму, тщательно причесывается перед зеркалом. Придает свежесть вялым щекам.

Потом обильно капает на подкладку френча густой флердоранж и ухмыляется:

— Теперь, если удача — то не ниже полковника!

И, когда часы показывают без пяти одиннадцать, он уже у дверей Маши. Дверь действительно открыта...

Черные, как смола, зыбкие, как озеро ночью, волосы Маши. Сверкают жемчужины над упрямым лбом.

Либкнехт пришел. Сел. Глаз не может оторвать.

Он мадьяр. В его жилах южная кровь. Он горяч, как невыезженный конь, как молодой тигр, почуявший запах крови...

Но он знает... Сегодня: одиннадцать часов, Люкс, бегство.

— Иди ко мне, иди... — зовет Маша Либкнехта. — Ну, иди. Иди же!

Либкнехт стоит.

Маша вскакивает. Упрямство Либкнехта только разжигает ее страсть. О! Она сумеет расправиться с ним! О! Она бы расправилась, если бы он не пришел. Но он все-таки пришел... Значит...

— Милый! — она прижимается к его лицу своим горячим телом.

...Темное озеро — волосы... Жемчужины звезд над темной водой... озеро под ним... Глубоко... зыбко...

. . . .

— Разрешите? — в полумраке в дверях Люкс.— Простите, я помешал?

Люкс замер в недоумении. Но ведь сейчас одиннадцать. Он точен! Дверь была открыта. Он вежлив!

Как раз’яренная тигрица вскакивает Маша-цыганка и бросается на Люкса.

— Как вы смеете?!

И острые ногти Маши — по тщательно омоложенному лицу Люкса. Люкс ничего не понимает. Вдруг взгляд на Либкнехта. Он знает этого человека! Он помнит: сопки, бегство...

— Это!.. это!..

Либкнехт вскакивает. Теперь момент настал. Удар револьвером прямо в висок:

— Умри, собака!!

Люкс, как мешок, валится. Маша еще в него — ногой:

— Сволочь!

Для Маши все ясно. Это он сделал ради нее. И хорошо. Так ему. Последствия? Ей наплевать!

Она накидывает на плечи легкое манто и нажимает кнопку звонка.

— Уберите этот труп! — говорит она появившемуся ад'ютанту. — Куда-нибудь подальше.

Либкнехт берет шляпу.

— Куда? Оставайся у меня. — Маша уже умоляюще смотрит в его глаза.

— Я сейчас не могу! Я расстроился из-за этого... он указывает рукою на труп Люкса.

— У, гадина!

Либкнехт уже на веранде. Лунная ночь с мириадами звезд.

Приятная прохлада наступающей весны.

— Приходи завтра! — вслед ему голос Маши.

Либкнехт, вперед! Он доволен! Его план удался на славу. Правда, он не устоял против Маши, ну да все равно — результат один:

Люкс ликвидирован!

Теперь скорей к баронессе. И сегодня же во Владивосток... А там обратно в сопки...

Глава 10-ая

БЕЗ ВЫСТРЕЛА

1. Тайга двинулась

Ш-ш-ш-ш... верховой ветер шумит по вершинам сопок. Гонит по небу стаями рваные клочья. Бледный бок луны гуляет по тучам...

В тайге Уссурийского края, где сосна и тополь боко-бок— ш-ш-ш-ш — ветер в ветвях.

Ночь темная.

Во тьме деревья, качаясь — скррр, скррр... Филин в лесу — ух-ух-ух...

Туманом затянуты ложбины и пади. В тумане... вот тут... и там... и там... огни горят... Ночные таежные огни.

А с перевала на перевал, извиваясь по сопкам, режет щетину тайги широкий спасский тракт. В дичь, в глушь проложен тракт руками военнопленных.

Тракт шевелится. Там... сям — цок копыта... звяк затвора... храп лошади... вспых спички...

С шумом деревьев сливается шарканье ног — шшах- шшах, шшах, шшах.

Ночную тьму продирая, в шесть сотен колонной по тракту идут партизаны.

Тайга двинулась.

С сопок на магистраль железной дороги хлынул таежный поток.

2. Против американцев...

«Вот так номер! Ни черта не поймешь. Кто из них крутит друг другу головы?» — думает Ефим и еще сильнее жмет трубку к уху.

Знакомый, резкий твердый голос человека в маске отчетливо произносит каждое слово:

— Да, господин полковник. Мои люди собрали об этом довольно точные сведения. Эти сведения вы должны были получить сегодня через начальника вашей разведки.

— Да, да, я получил — отвечает Таро.

— Превосходно. По собранным данным можно заключить одно: американцы помогают красным. Двойственность их политики несомненна. Но этого мало... Я полагаю, у них имеется инструкция от высшего командования — оказывать помощь партизанам. Вывод отсюда один: американцы травят пар-

тизан против японских войск.

— Кхэ... — сердито кряхтит Таро на другом конце провода.

— Случай в Спасске, господин полковник, говорит за себя. Зачем майор Сайзер ездил к партизанам на автомобиле? Зачем он обманул японский гарнизон, сообщив, что видел не более сотни партизан?

— Угу...

— Мои агенты донесли мне еще одну новость .

— А-а?

— Американцы ищут половину какого-то документа. Думаю, речь идет о нашем. Очевидно, вторая половина попала им в лапы.

— Да, да... это мне ицвецно... Я тоже имею об этом сведения и хотел вам сообщить. Я рекомендую вам поехать в Спасск лично.

— Превосходно. Я тоже хотел просить об этом... Вы предупредите коменданта станции Евгеньевка об оказании мне содействия.

— Да, конечно. Поставьте шире наблюдения за американцами и постарайтесь добыть письменные доказательства их действий... Я говорю о помощи партизанам.

— Понимаю. Завтра еду.

— Счастливый путь.

Ефим в недоумении жмет плечи:

Не понимаю: чего он хочет? Кто же все-таки из них крутит друг другу голову?.. Ну, хорошо... Увидим. В Спасске я тебя разоблачу... Не увернешься... Да.

------

3. Советы живут

ПОРЯДОК ДНЯ
первого Повстанческого С'езда
в урочище Анучино.

1. — Советы в области.

2. — Повстанческая армия:

а) мобилизация,
б) снабжение,
в) единое командование,

3. Внутренние дела:

а) отношение к хунхузам,
б) к корейцам и китайцам — крестьянам,
в) вопрос о макосеянии.

4. — Текущие дела.

Норма представительства: — от партизанских отрядов на 500 — 1; от сельсоветов на 1000 — 1.

. . . .

Быстро работает машинист штаба, недаром его партизаны прозвали «автоматом». Один за другим вылетают из пишущей машинки приказы на фронт, во все партизанские отряды, о производстве выборов на первый Повстанческий с‘езд.

. . . .

— Подумать только! — Шамов подписывает приказы за начальника штаба: — в десяти верстах колчаковская территория — железнодорожная магистраль, а здесь... советы и повстанческий с‘езд.

— Советы живут!.. — возбужденно на бегу произносит Демирский, передавая приказы ординарцам, а те — на фронт...

— Да, советы живут...

Штаб фронта усиленно работает:

Готовится к с'езду и широкой операции наступления. План — общий по фронту на все участки — подписан Штерном.

Снегуровский разрабатывает детали своего участка.

. . . .

От штаба и фронта пятым делегатом на с‘езд выезжает Шамов. Вечером им седлают лошадей.

4. На заставе

— Черти! — Горченко... Баранов...

Два карабина к нему, вмиг...

— Стойте!.. Что, не узнали, что ли? — и Кононов у одного за карабин.

— А, дьявол! — и Баранов, положив карабин, быстро схватил гаечный ключ и принялся развинчивать стык, — бери лопату, живо...

Кононов точно и всегда был землекопом: сразу принaлег на заступ и давай подкапывать шпалы...

— Откуда ты летишь? — Горченко любовно оглядывает товарища, точно с неба свалившегося им на помощь.

— Да все гонюсь за шпионом... Чорт его разберет — никак не можем разгадать...

— Он в сопках?

— Нет!

— Так чорт с ним! — Баранов закончил уже отвинчивать гайки, — бросал бы город, да к нам в сопки скорее... Сам знаешь, людей не хватает...

— Знаю... и чертовски хочется к вам, да нельзя: Штерн приказал... открыть... Документ у него важный...

— Ну, Штерн, тогда надо, значит...

— Вот то-то оно и есть... А то бы разве я усидел в городе...

— В сопках летал бы?..

— Известно — летчик!..— и оба разражаются хохотом.

— Черти!.. А ведь правда... — и Кононов присоединяется к ним.

— Скорей, ребята, живей... — отряд уже наверное подходит к станции... — и Горченко налегает на костыли — один за другим они с глухим ржавым скрипом выскакивают...

— Готово! — Горченко с Барановым навалились на лом и скатывают рельсу за насыпь.

Кононов в это время раскидывает с другими партизанами шпалы.

Работа окончена — шесть стыков рельс разобраны, насыпь срыта и заграждение к станции сделано.

— Теперь хоть сам броневик иди — отряд может спокойно действовать... — и Горченко сел у полотна и закурил... Баранов! — он оборачивается к нему. — Иди смени наблюдателя.

Баранов вскидывает карабин...

— А как насчет сметанки, все смекаешь? — и Кононов лучится глазами хитро.

— Горбатого могила исправит... — Горченко машет рукой. Ребята смеются.

— А что, плохо, что ли... — Баранов шагает на смену... Маленький карапуз легко и четко.

Остальные скатываются в кусты и там залегают с винтовками на прицеле в выемку.

Кононов остается с ними и рассказывает о городе. Партизаны слушают с жадностью.

-----

5. Всем ... всем ... всем...

Чак-чак... — по ремню и магазинной коробке винтовок, руки цепко на караул. Два партизана в улах, гимнастерках с патронташами на поясах стоят на вытяжку у входа на станцию Свиягино.

Яркое утреннее солнце в просветах тополей аллеи.

Снегуровский с лошади — повод ординарцу Солодкому:

— Ни шагу отсюда, чтобы ни случилось! — твердо ему и быстро по аллее к станции с Иваном Шевченко.

Мимо часовых:

— Хорошо, ребята, показывай Америке, пусть нос не дерут: хоть и лапотники, а порядок знаем.

— На ять, товарищ Снегуровский! — один из часовых весело...

Входят в телеграф.

— Товарищ Снегуровский, провод готов!.. — Кравченко, свой телеграфист, тоже партизан, сидит на ключе и выстукивает:

«...всем... всем... всем...»

— Кто слушает? — Снегуровский сел на стол, вынул браунинг...

Бледный начальник трясущейся челюстью:

— Прикажете нам уйти?

— Нет уж, лучше побудьте здесь... — Шевченко смеется...

. . . .

«...слушаю... Евгеньевка, Никольск... Владивосток...» — читает по ленте Кравченко... Перерыв... А-а... Вот и север: «Иман... Битин... Хабаровск...». — Хорошо! — Снегуровский закуривает.

— ... Товарищи и братья!.. — начинает диктовать.

-----

6. Телеграфист...

«Товарищи и братья! Именем мировой пролетарской революции...» идет по ленте.

У телеграфиста под фуражкой волосы зашевелились: громом по ленте старые и опять такие новые слова ...

Телеграфист Иванов не выдерживает — перебивает ключом и отстукивает:

— Вы с ума сошли на Свиягино?

А оттуда:

... — Начальник боевого участка партизанских отрядов Яковлевского повстанческого округа Снегуровский приказывает принимать...

И идет лента — замер, оцепенел телеграфист Иванов. Под шапкой шевелятся волосы, глаза в разгон: направо — японский телеграфист контролирует ленты, налево — стрепаловский контр-разведчик из Спасского гарнизона.

А солнце, издеваясь над желтыми кантами фуражки телеграфиста, бьет по лакированным плоскостям аппарата и четко выделяет на ленте черточки и точки:

_·_ _·_ _ _·_ _·_·_ _ _·_· _·_·_ _·_ _ _···_···_·_··_···_·_ _ ·_ _·_ _·_ _·_·_

И кажется телеграфисту, что все эти знаки горят аршинными афишными буквами и видят их все и читают: «... Уссурийское казачество! К тебе восставшие крестьяне Приморской тайги шлют боевой клич и призыв ...“.

Ах, как жгут эти слова... и телеграфисту Иванову хочется их читать и впитывать в себя... Он в ужасе: если откроют, тут же на месте заколют... Но он решает принимать... не доносить, будь, что будет...

Интервенция его достаточно вырастила, чтобы он мог ненавидеть японские войска и калмыковские нагайки и застенки.

А по ленте идет:

«... и вам, товарищи рабочие городов. Бросайте свои фабрики и заводы — взрывайте их... уходите к нам в сопки, в единую пролетарскую семью для новой борьбы за...»

— Ну, — «революцию»... — скорее! — перебивает телеграфист: опасно принимать, заметят... — отстукивает он обратно.

А по ленте идет дальше:

«...и вам, братья железнодорожники...»

Набатом бьет сердце телеграфиста... — «...вам, вынесшим на своих плечах девятьсот пятый год...»

. . . .

Город Хабаровск. И тоже «телеграфист»:

— Что? Что такое? — ад'ютант штаба Калмыкова рвет, комкает ленту... — выключить аппарат! Прекратить прием по всем станциям!..

К телефону:

— Ваше превосходительство! партизане заняли станцию Свиягино и диктуют по телеграфу свое воззвание...

— А-а ... Мать... твою... — не доканчивает Калмыков, — рвет трубку... — броневик! — ревет он в немой телефон...

. . . .

И опять в Евгеньевке.

Телеграфист Иванов уже успел передать ленту в город — там распространят. Пищелка, тоже телеграфист...

Но...

К нему комендант станции:

— Здесь шла лента от партизан, почему не сообщили?.. Где она?

Телеграфист задрожал, — видит по ленте еще обрывком фразы идет: «...командующий всеми партизанскими отрядами... Штерн...»

— Опять он? — взвыл комендант... выхватил браунинг, в упор стреляет в телеграфиста — Проклятый большевик... Ты знал?!.

Подбегает японский комендант с лентой от своего аппарата:

— Боршуика!.. Свиягино — пиши...

— Он принимал! — русский комендант головой на Иванова, свалившегося у аппарата...

— У-у!.. боршуика... — японец пинает труп телеграфиста.

Кровь из горла стекает на пол. В левой руке телеграфиста Иванова намертво сжат обрывок ленты, на которой таинственными знаками написано: «...братья железнодорожники! — вы также должны помогать партизанам в борьбе за освобождение трудящихся...»

Помог — твердо держит рука...

7. «Под прикрытием артиллерийского огня»

— Товарищ Снегуровский! — Возный, начальник отряда вбегает, — станцию окружают американцы...

— А, так... Окружите американцев... разоружить...

Лейтенант Сайзер побледнел — ему переводчик, трясущийся американский солдат, сообщает приказ Снегуровского.

Что-то быстро говорит, вынимает кольт лейтенант Сайзер:

— «Я застрелю вас и себя»... — кричит переводчик, и зубы его чакают: он переводит слова лейтенанта.

— Ага! А зачем лейтенант приказал нас окружить?.. Пусть сейчас же даст распоряжение своим солдатам уйти в казарму и не мешать нам.

Быстро лопочет переводчик.

Ответ лейтенанта и бегом переводчик к солдатам.

— Товарищ Возный! Отставить разоружение... — кричит Снегуровский через окно. А там уже партизанская цепь сзади американцев залегла и щелкают затворы винтовок — приготовились ребята...

— Есть! — вскакивает Возный.

Американцы, как побитые собаки, с опущенными шляпами направляются к себе в бараки. Но некоторые из них улыбаются...

«Наверное... рабочие»... — думает Снегуровский и смеется глазами в лицо перепуганному лейтенанту ...

Входит в станцию Шевченко.

— Лошади все выведены... Муку и мясо догружают. Быков уже погнали к Белой. Милиция и казачий отряд разоружены... Офицеры отправлены в сопки... Можно давать сигнал?

— Да!

Шевченко на ухо Снегуровскому: — захватил у американцев шесть штук лошаков... — довольный подмигивает.

— Э-э, стоит ли... Еще привяжутся, будет канитель из-за пустяков...

— Ерунда!.. Это им в наказание за окружение — пусть знают, — и Шевченко сжимает кулак и злобно косится на лейтенанта: — Тоже лошаки!.. — всех бы перестрелять. Фарисеи... Продажные шкуры... Демократия заокеанская...

— Ну, чорт с ними, забирайте... Встает, громко: — Операция кончена... Скажи Возному: сигнал к сбору!..

Шевченко выбегает.

Снегуровский быстро со станции к лошади. Солодкий уже на своем гнедом, ждет.

К Снегуровскому быстро подбегает переводчик, говорит:

— Лейтенант просит оставить расписку на животных, взятых из гарнизона...

— Расписку?.. Понял. Веселые огоньки в глазах забегали. Быстро из полевого блокнота рвет листок и пишет:

Взято от американского народа заимообразно на нужды революции шесть лошаков.
Нач. Парт. Отрядов Снегуровский"

и передает ему.

Переводчик довольный возвращается к лейтенанту. Иван Шевченко хохочет:

— ...взаимообразно... от американского народа... на нужды революции...

И Снегуровский и Шевченко весело от'езжают от станции. В окна из станции лица железнодорожников — они кивают и улыбаются... И там же в крайнем окне — серое лицо немигающими злыми глазами смотрит. Это — лейтенант Сайзер, начальник Свиягинского американского гарнизона.

. . . .

Возный чиркает спичку — зажигает фитиль самодельной тетюхинской гранаты... Бросает ее за полотно. Дымит фитиль, а потом:

Буух... жжи... ух...

Это — сигнал к сбору.

. . . .

— Собирайсь! — команда Возного, и по отрядам быстро передается:

— Собирайсь...

Живо построились в колонны и —

— Марш! — Возный.

Колонны двинулись.

А впереди караван быков, лошадей неоседланных, лошаков большеухих. А сзади колонны, вагоны с мукою и мясом по ветке в тайгу — паровоз маневровый толкает. На паровозе Баранов — на тендере сидит и лоснится на солнце; улыбаясь, уплетает свежий калач. Горченко выглядывает из будки машиниста — он уже снялся с командой с заставы. То же сделала и северная застава. Подошли во-время, к концу операции...

Кравченко, обмотанный телеграфной лентой, догоняет отряд:

— Черти! Что не подождали?..

. . . .

Снегуровский и Шевченко на лошадях скачут мимо здания с флагом американского красного креста. А на крыше стоит часовой.

На крыльце штаба и госпиталя две американских «леди».

Быстро поворот наскаку и два всадника к крыльцу:

— Леди! — улыбается Снегуровский.

— Мадам! — смеется Шевченко...

У обоих руки к козырьку:

— Мы очень вас просим извинить за доставленное вам беспокойство.

Обе «леди» в обморочном состоянии — глаза белками вертятся, язык прилип к гортани... Ноги приросли к земле...

И, когда они приходят в себя, уже всадников нет, — только пыль по дороге в сопки за ними...

Они догоняют отряд... Вслед им машут рабочие Свиягинского лесопильного завода: «— На-днях мы тоже к вам в сопки уходим!..» — кричат они в догонку...

. . . .

К крыльцу с остолбенелыми «леди» подходит бледный, расстроенный лейтенант Сайзер.

. . . .

— Ах!. — падает к нему в об‘ятия одна из «леди», — эти большевики... Как они ужасны...

А через минуту лейтенант Сайзер доносит во Владивосток, в штаб американских экспедиционных войск:

«...под прикрытием артиллерийского огня партизанская армия захватила станцию Свиягино... Разграбила... и т. д.».

Партизанский отряд спускается за сопку. На гребне Снегуровский смотрит в бинокль на выемку, в сторону Спасска.

В выемке чуть видно дымок... Вот — больше... Гуще...

— Дымок! — говорит Шевченко, тоже смотрит в бинокль.

— Броневик... Поздно... — Снегуровский подбирает поводья, и они спокойно спускаются за отрядом в лощину, а там — в Белую Церковь...

На отдых — после удачной операции.

8. Дымок броневика

Броневик летит в выемку и из-за поворота прямо на рельсах — сигнал: красный диск... и человек машет...

Регулятор к себе — пар закрыт. Кран машиниста на тормоз...

Привскочил броневик — застопорился...

— Борщевика!.. Что?.. — перегибается японец с броневика.

Человек с диском подбегает к броневику:

— Партизаны... Разобрали путь... Я ремонтный рабочий... Помощь надо... — запыхался, не может выговорить.

Японский офицер отдает приказ, и отряд сапер из броневика на насыпь легко сваливается желтыми мешками.

. . . .

Работа закончена.

— Аната!.. аната![1] — ремонтный рабочий к японцам, — возьми меня в Свиягино... Моя там — бабушка...

[1] Товарищ.

— Аната? — буршуика!... Бабучка? — оцень карсо руцкий бабуцка!.. Японцы смеются, но берут его с собой на броневик.

Рабочий влезает на заднюю площадку...

. . . .

В Свиягино первым с, японским офицером сходит черный, широкоплечий, в низко надвинутой на глаза кепи...

— Это маска... — шепчет рабочий, спрыгивая с броневика на другую сторону станции, — погоди, я выслежу тебя, голубчик...

. . . .

Старший милиционер докладывает начальнику бронепоезда :

— Разоружили... все забрали... Офицеров увели в сопки... Американцы струсили...

— Американза ... ыы... ши... ууу... — Японец злобно скашивает щелочки глаз в сторону американского часового, разгуливающего, как ни в чем не бывало, по перрону: — американза, ыыуу!..

Глаза из-под кепи черного широкоплечаго человека метнули лучи... По губам незаметная улыбка...

Рабочий из-под вагона заметил:

— Ни черта не пойму — да кто же он, наконец?.. — шепчут его губы.

. . . .

А ночью возвращается тихо, ощупью, броневик обратно в Спасск...

Сзади, как кошка, прицепился под бронированной площадкой, между рессорами тележки человек. Это — тот же

самый, что и утром сегодня был, ремонтный рабочий и подобран броневиком с разрушенного партизанами полотна.

Этот человек — ремонтный рабочий и неутомимый Ефим Кононов!

Маска возвращается в Спасск на броневике. Он должен его выследить — и он едет тоже ... и — тоже на броневике... Не беда, что только под броневиком, то-есть...

Глава 11-ая

В УРОЧИЩЕ АНУЧИНО

1. Шрифт

Коваль в ночной смене.

Быстро ложатся на верстатку одна к другой свинцовые буквы — Коваль торопится; он набирает воззвание сопочного партизанского штаба Уссурийскому казачеству. Скоро он закончит, потом в машину, а там...

«Лопнет от злости Враштель, — думает Коваль, весело заканчивая. — Оскалят зубы японцы...»

. . . .

На улице слякоть и дождь... — «ночь черна, как душа грешника».

Крадучись с пустыря через забор по двору и к окну — человек. Заглянул в окно:

В свете на минуту мелькнуло молодое лицо —и в тень, в ночь...

А рука по раме тихонько:

Тук-тук-тук...

Не слышат... Опять:

Тук... тук... тук.. — сильнее.

. . . .

Открывается нижняя створка окна. Коваль шопотом в ночь:

— Адольф, ты?

— Да... — так же ответ: все готово?

— Все! — ловко вышло... метранпаж свой парень оказался, а сторожа и остальную братву я напоил хань-ч'жой[1] в дым... — спят мертвецки...

— Воззвание готово?

— Готово. Уже отдал ребятам... Унесли... расклеивают... — Коваль раскрыл окно совсем.

Быстро в мешок из касс с глухим шумом пересыпается шрифт.

Готово — мешки полны, в каждом по четыре пуда.

Коваль, как кошка, прыгает с подоконника во тьму, в грязь, в ночь... Окно тихо притворяет.

Взваливают мешки и пустырем, а потом окраинами улиц спящего в грязи маленького городка Никольска пробираются через железную дорогу и кустарником выходят на дорогу, в тайгу. С ними идет метранпаж, он тоже удирает в сопки, партизанить...

В лощине у речки их ждут две лошади...

2. Партизанская газета

Весь грязный, в свинцовой пыли летит, перевертывается, сшибает встречных, махая листом бумаги, вбегает в штаб:

— Ура! Газета готова... — кричит Коваль и с гордостью кладет на стол, — товарищ Штерн, вот!..

Штаб обступает газету.

[1] Китайская дешевая водка.

А по широким, травою заросшим улицам, спускающимся по склону горы большого села Анучино — кучки крестьян, партизан с берданками. Там у забора, здесь на траве, тут под деревьями — читают свой первый номер партизанской газеты.

А позднее — гонцы по тыловой связи во все деревни и глухие местечки, хутора и урочища, за Доубихэ, по непроходимой тайге; к фронту — во все полевые штабы, а оттуда по партизанским отрядам гуляет газета повстанчества — «Крестьянин и Рабочий».

В газете написано, что крестьяне восстали против Колчака за свою волю, за свою землю, за свои Советы; что в городе рабочие бросают заводы и идут в сопки помогать крестьянам бороться за свою рабоче-крестьянскую власть...

КРЕСТЬЯНИН и РАБОЧИЙ

ОРГАН РЕВКОМА И ГЛАВНОГО ШТАБА ПОВСТАНЧЕСТВА ПРИМОРОКОЙ ОБЛАСТИ

№1

ТОВАРИЩИ! ГОТОВЬТЕСЬ К ПЕРВОМУ ОБЛАСТНОМУ ПОВСТЯНЧЕСКОМУ С'ЕЗДУ

И читают мужики, и хмурятся довольно... по складам разбирают до самой последней строчки, до самой последней буквы...

— Дывись, яка газета у сопках!..

Не только за все предреволюционное время, но и за революцию может-быть настоящая пролетарская газета попадает в глушь тайги первый раз, в сопки, в самые отдаленные

уголки необ'ятного Приморского края; доходит до самых глубин крестьянской массы, до самого их сердца — потому что они восстали и живут этим восстанием...

В сопках нет ни одной хаты, из которой не было бы старого или молодого партизана; нет ни одной матери или жены, у которой не было бы сына или мужа там — у железной дороги, зорко стерегущего, у ворот в тайгу, врага, намеревающегося разорить их семью, хозяйства — отобрать землю... И одинаково читается партизанская газета, как в крестьянских хатах, так и на фронте, в отрядах, так и в заводах по городам: единым биением бьется пролетарское сердце в сопках и городах.

_____

Но не так думают враги:

— Газета!.. Сволочи... Какое нахальство... — комкает, рвет партизанскую газету полковник Враштель, командир конно-егерского полка в Никольске. Злобно шагает по кабинету: — повстанческий с'езд устраивают — вот до чего осмелели...

Останавливается, кричит:

— Нет! Этому надо положить конец!.. — Звонит.

Входит ад'ютант.

— Позовите начальника штаба.

Садится.

— Какое нахальство...

3. «Старики»

Баев всех грузнее, но на ходу, лазить по горам он легче Здерна, самого маленького из всей команды.

Они уже перевалили через кряж и скатывались в Анучинскую долину. Это — «старики» из Владивостока: Федоров, Баев, Здерн... Не выдержали владивостокской атмосфе-

ры «варения в собственном соку» и двинулись в сопки... Ревком поругается, а потом согласится — знает, что товарищи правильно сделали...

Санаров со своими металлистами уже давно отделился от них и повернул на Фроловку. А они — в центр, в Анучино — где и главный штаб и откуда уже начата большая работа правильной советизации засопочной области, там работники «штатские» больше всего нужны...

Широко расстилается лощина, зажатая как в трубе грядами отрогов Сихотэ-айлиня. Чернеют на зелени склонов деревни, укутанные в яблоню, вишню, черемуху.. — Белыми островками, ватой раскинулось по долине цветение...

А сразу, тут же у ног — море ландышей и сочным и сладким запахом заволакивает долину — дышишь, точно пьешь медвяную влагу...

Команда остановилась — не может насмотреться, надышаться: уж больно непривычна картина... после туманного каменного города — такая простота и вольность...

— Хорошо!.. — выдыхает Баев, — ну-ка, дай свою трубу...

Здерн нехотя отрывается от своего огромного призматического бинокля. Когда бинокль в футляре — он у него болтается и бьет его по пяткам... — Баев всегда скулил над его «трубой»...

— Что? Просишь!.. А смеялся... Здерн не выдерживает, чтобы теперь не заявить свои права победителя...

— Ну-ну... не буду... давай...

В копне черных волос у Федорова блестят только глаза да зубы — он уселся на пенек и тоже залюбовался — смотрит, молчит и улыбается...

— Хорошо... — снова резонирует Баев.

—————

— ...Харитоша! Здорово... — и Баев трясет руку Харитонова, рыжебородого, маленького, крепкого, в очках — ольгинского большевика-учителя...

Потом все они забираются на телегу и едут в Янучино.

С Харитоновым они встретились в деревне Ивановке. Оттуда едут вместе.

Харитонов сейчас из Никольска — уже второй раз пробирается в сопки, — ездил по поручению штаба.

. . . .

А вечером, по приезде в Янучино, Харитонов рассказывал в штабе, что видел в Никольске анучинского попа. Ворчал начальнику гарнизона — зачем выпускают таких господ... зря.

— Я, бис его знает!.. — Зарецкий отмахнулся.

. . . .

Грахов позвал всех на совещание: Штерн реорганизовал главный штаб и «старики» пошли в работу...

4. Неприятель в тылу

С реки Ноты приехал гонец от хутора Пешко в штаб с пакетом от Рыбаковского. Привез его гольд Тун-ло.

Гонца сразу провели к Штерну. Долго там оставался гольд, что-то подробно лопотал, рассказывал — «разменял» пакет...

А когда вышел — обступили его партизаны.. Он и им рассказал...

Не ладно на верховьях Ноты:

— ...Хунхузы... много есь... расбойника есь... Куа-шан первый настоящи человека. Я знайт — свой... партизана есь...

— А Ли-фу? — подошел Зарецкий.

— О! Лей-фу — шибко расбойника есь... Ирбо[1] обижайт... кантрами делайт. Многа опиум надо... бабушка надо... стреляй... — игаян макака...

---

[1] Кореец.

— А что Ко-шан, знает его?

Гольд улыбается и смотрит на всех — не понимает.

— Ну, игаян капитана Ли-фу и Ко-шан? — Зарецкий старается раз'яснить...

Гольд понял — он усиленно мотает головой и мигает своими маленькими, подслеповатыми глазами:

— У-у... ытьу... игаян... — и тычет себя пальцем, и в пространство: — Куо-шан и ты игаян шанго... — Зарецкому в грудь: у-у... Лей-фу — шибка... цхо!..— и плюется, гортанно выхаркивая слюну, точно из самого нутра...

— Лей-фу... игаян макака...

Партизаны смеются.

— А как пантовал нынче Тун-ло? — кто-то из партизан, старый охотник, к нему...

Лицо гольда черное, обожженное солнцем воронится в закате дня:

— Кругом стреляй... моя стреляй... его боиса...

— Распугали, значит... — Сокрушенно, по-охотничьи вздохом партизан... Потом все уходят ужинать...

–––––

— Так оно и есть... — Штерн делает пометки на большой рельефной карте области: — вот здесь и вот тут... — думает... — в самом глубоком тылу... То же неприятель...

— Ловко, стервецы, придумали! — ходит по избе, широко шагая, Грахов; руки у него в карманах, кулаки выпираются в тонких черных штанах...

«Еще один лишний враг»... — думает Федоров.

Баев где-то на кухне возится с хозяйкой, уговариваясь насчет ужина:

— С дороги мы, хозяйка... устали... и снидать хочем...

Здерн копается со своей «подзорной трубой» — уж очень ее бережет... Он собирается к Спасску в одарский штаб — Штерн его туда направляет в помощь, в район.

Входит Зарецкий.

— Товарищ Штерн! Там два корейца приехали... гово-

рят, к вам…

— Откуда? — и Штерн отрывается от карты.

— Говорят, общество послало от уруг[1]…

. . . .

— …Так вот товарищ Ким — здесь организуйте отряды… вливайте их по участкам в наши партизанские полевые штабы: вооружение дадим, а все остальное пусть берут на себя уруги… Охрана будет выделена из ваших же отрядов. Хунхузы тогда будут осторожнее… а потом: это я знаю, чьи проделки — Ли-фу!..

— Да-а… скуластое лицо Кима пасмурно. Он посматривает и как бы еще что-то ждет от Штерна… Он хорошо говорит по-русски — он вырос в Приморьи… учился в русской сельской школе… он все знает.

— Ли-фу — японский помощник… говорит он, и глаза его темнеют, за скулами что-то похрустывает…

— Только бы оружия — уруги помогут… теперь легко их поднять…

— А Сеул как? — тише и наклоняется к нему Штерн.

— Послал братку… — и огнем заговорщика зажигаются глаза Кима.

— Вот еще наши новые партизаны… — Штерн глазами показывает на корейца входящим Баеву и Харитонову и улыбается…

— Партизан! А винтовка? — смотрит Баев.

— Будет, он даст!..— Ким уверенно к Штерну.

— Дадим… организуйтесь только скорее…

— Еще новая сила… и Федоров пересаживается ближе к столу и заводит оживленный разговор с Кимом о корейцах.

Не замечает, как из штаба давно уже разошлись… кто — ужинать, кто — по отрядам…

Остались только:

---

[1] Корейская деревня.

Над картой Штерн, да Ким и дядя Федоров — тихо разговаривают...

. . . .

Уже глубокая ночь.

Партизанские отряды, разбитые по-взводно, разошлись по своим сеновалам.

Спят. А то с дивчатами гуляют.

Только заставы да конная разведка далеко по дорогам раскинула свои щупальцы...

Не спит...

Сторожит Янучино: главный штаб всех партизанских отрядов области — мозг и сердце всего повстанчества.

Не спит и Штерн.

5. На стрёме

Окно в комендантскую ни чем не завешено. Прекрасно видно все, что творится внутри.

Ефим разгуливает по перрону с какой-то барышней (меньше подозрений). Полчаса тому назад познакомился.

— Да-а... И вот, когда мы плыли по Индийскому океану, на нас напали китайские пираты., человек сто.

— Ой, что вы? Правда?

— Да-а... как же.

Ефим бросает внимательные быстрые взгляды в окно комендантской. Вон у стола, как раз против лампочки, сидит человек в маске. Напротив японский комендант. Беседуют.

Чорт! Скоро ли он выйдет? Уже два дня здесь, в Евгеньевке, следит Ефим за маской. Он решился выбрать удачный момент и пойти с маской на откровенность. Сначала заинтересует его документом... А потом... будет видно.

— Ну, и что же было?

— А? Что?

— С пиратами...

— А-а... С пиратами... Мы их разбили, конечно, и забрали всех в плен.

— Куда же вы их поместили?

— То-есть мы хотели только забрать их... правда. А... Поместить было некуда. Пришлось их потопить.

— Всех?

— Всех.

— Что вы?!

— Да...

«Ага... встают. Собираются... Должно-быть, сейчас выйдут».

— А вы в Лондоне были?

— Был. Я везде был.

— Ах, наверно интересно?..

— Как же... Башня Эйфеля и прочее... Вы простите меня... Сейчас должен итти. Надеюсь, завтра вечером вы здесь будете? Я буду ждать.

— Ах, что вы говорите?! Разве можно?! А в какое время?

— В это же. Да, да... Всего хорошего.

Барышня удаляется. Ефим ждет.

6. Выстрел

Куда это он идет?

Ефим следит за маской. Уже позади остаются составы поездов. Маска не сворачивает в поселок. Маска идет прямо по линии в сторону депо.

«Странно, что ему там надо»? — думает Ефим.

Стараясь быть незамеченным, он следит за маской. Но Ефим ошибается. Человек в маске давно заметил, что за ним кто-то следит. Не подавая виду, он медленно продолжает итти.

У самого депо маска входит в какой-то вагон.

Ефим подбегает. А-а! Это вагон какой-то американской миссии. Должно-быть, поломка есть… Вот почему он около депо.

«Придется теперь ждать. Досадно. Надо было подойти раньше».

Ефим отходит в сторону и ложится за кучей железного хлама.

Ждет… час… другой.

Слипаются глаза. Все труднее и труднее бороться со сном.

«А-а! Наконец-то».

Человек в маске выходит. С ним какой-то американец. Прощаются. Оставшись один, американец отходит шага на четыре в сторону (на минутку).

«Вот, дьявол! Скоро ли он уйдет?»

Когда американец скрывается в вагоне, Ефим вылезает из-за кучи и бежит нагонять маску.

«Куда же он делся? Ага… Вон он впереди… идет по линии крупным, размашистым шагом».

Но, пройдя еще шагов десять, маска поворачивает, сходит с полотна и скрывается за штабелями дров. Ефим, боясь потерять его из виду, прибавляет ходу.

Вот уже штабеля… Вот за угол поворот… И…

Ба-бах!.. Ба-бах!

Огнем прямо в лицо хлынуло… Что-то тяжелое ударило в голову…

«А-ах!.»

Земля закачалась и поплыла из-под ног.

Тело с разбега мешком ткнулось в землю.

Человек в маске спокойно кладет браунинг в карман, поворачивается и быстро скрывается в пролетах штабелей.

Ночь.

7. Раненый

Подвода останавливается.

Николай смотрит с крыльца на лежащего. У него обвязана голова. Рука тоже на перевязи. Под ним на телеге тюфяк, набитый соломой.

— Кононов, ты?

Николай мигом — с крыльца. Лежащий открывает глаза.

— А, Снегуровский... Да, я... Помоги подняться.

Николай помогает Ефиму.

— Да нет, нет... ничего... Я сам пойду... ты только поддержи немного.

В комнате Ефиму приготовляют постель. Он ложится.

— Как это вышло с тобой?

— Да понимаешь... Следил я за одним человеком. Он, должно-быть, заметил. Ночью было дело. Он спрятался за дрова. Я как завернул за кладки, он и выпалил в упор два раза... Одна-то пуля по голове задела, правда, легко: кожу только разрезала, а другая — в плечо. По голове, понимаешь, как обухом ударило. Я потерял сознание. Потом пришел в себя. Недолго, должно-быть, провалялся... Так около получаса... Встал. Там у меня машинист есть знакомый... Я к нему... Достучался кое-как. Он как увидел — ахнул. Ну, потом перевязал... сбегал за подводой... и ночью же отправил. Скверно, понимаешь: подвода трясет... больно... Хорошо — еще тюфяк положили.

— Ладно. Отдыхай. Потом я тебя отправлю дальше, в Анучино... Там лазарет. Там теперь сестрой работает Ольга.

— Знаю! — лицо Кононова веселеет.

— Жрать хочешь?

— Нет... Я спать хочу.

— Погоди... Сейчас фельдшер придет... Перевяжет тебя. Потом спи.

— Ладно.

— Счастливо ты отделался. Я удивляюсь одному: почему этот тип не послал японцев или милицию... Не успел, что ли? Кто он такой?

— А чорт его знает, кто он.

Глава 12-ая

ПОВСТАНЧЕСКИЙ С’ЕЗД

1. Возница

— Стой!

Телега останавливается. В телеге двое: седок, молодой, в рясе, и возница — маленький, покрытый лохмотьями и грязью кореец.

Седок выжидательно смотрит на часового и караульного начальника.

— Куда едете?

— Сюда, сын мой, в Анучино...

Караульный начальник хмурится.

— А ты кто такой?

— Я дьякон церкви Успенья в Никольск-Уссурийске... Перевожусь в анучинский приход.

— Очень надо!.. Как же... Ждем. — ворчит караульный начальник — однако, что же делать? Полещук! Сопроводи их в штаб.

Высокий партизан лезет в телегу. Возница дергает вожжами...

— Ну!

Лошадь трогается.

В штабе долго осматривают документы: паспорт, бумагу из епархии и прочее...

— ...Павел Савельевич Третьегорский... дьякон... Так. Вещи есть?

— Есть чемодан и постель.

— Обыскать. И самого тоже.

Партизаны ощупывают дьякона со всех сторон. Внимательно рассматривают содержимое чемодана и постели. Ничего подозрительного.

— Отпустить его.

Дьякон снова водружается на телегу. Кореец дергает вож-

жами — но-о!

— Ли! — обращается дьякон к вознице — поезжай к дому священника... Вот туда, прямо... Видишь?

Возница наклоняет голову — э-э.

Около дома священника два партизана смотрят на приехавших.

— Ишь, длинногривый!

Отец Никодим, стоя на крыльце, встречает гостя;

— Милости прошу, отец дьякон... С приездом. Проходите.

— Ли! Поставь телегу под навес... А лошадь в конюшню отведи.

Ли распрягает лошадь... Отводит ее в конюшню. Телегу закатывает под навес. Потом оглядывается... Никого.

Ли открывает мазницу и вытаскивает из дегтя небольшой жестяной яшичек. Раскрывает. Там другой черный ящичек. Жестяной он опускает обратно в мазницу, а черный — в небольшой грязный мешочек.

С мешочком в руке он идет в дом.

2. На с‘езд...

— ...Итак по всей долине и через горы, до самого океана...

— И на Тетюхэ? — Шамов едет рядом с Граховым.

— Да, и на Тетюхэ... Все такие же столбы. Вели их, ты знаешь, сразу со всех пунктов полевых штабов. Анучино только обратилось к волостям, и крестьяне сами привозили и ставили, ну, а наши саперы и телефонисты протянули проводку.

— И весь повстанческий фронт соединен телефоном...

— Да... Скоро за Яковлевку поведем и в Имано-Ваккскую долину, а там Хабаровск... Гурко с Морозовым ставят в своем районе столбы.

— Откуда у вас столько проводов взялось?..

Пертенко, тоже делегат на с'езд от Яковлевской волости,

присоединился к ним по дороге.

— Мы и сами долго не знали, как быть, да телефонисты сообразили: ведь у Колчака полные столбы проводов — ну, нельзя такое неравенство — пошли и поснимали частицу... Нам ведь тоже нужно... —

И Грахов громко, раскатисто, по-семинарски смеется.

— Здорово!.. Поделились малость, значит... — вторит ему звонким старческим голосом Пертенко.

— Ну, не один Колчак поделился, — Шамов выравнивает свою лошадь — выехали с тропы на дорогу, — у нас Шевченко, да Борисов заставили поделиться и японцев, много поснимали и телефонных проводов ночью, в гарнизоне.

— Вот, здорово! Еще чище... — И довольный Пертенко подгоняет свою кобыленку — тоже выровнялся на дорогу.

Кавалькада выехала на широкое Анучинское шоссе, спускающееся в долину. Как на ладони растянулось несколько разбросанное там урочище Анучино, прижатое сопками к реке Даубихэ.

Быстро, рысью спускается в село конный отряд и в улицы... Вот мимо церкви...

— Как у вас с попом — ладите?.. — Шамов к Грахову.

— Водолаз проклятый... Все лазит к Никольску...

— Не пускали бы... Или совсем выслали бы из тайги...

— Крестьяне... Да и некогда все... А доберусь и до него, погоди... — и Грахов нагайкой в сторону поповского дома — водолаз чортов!..

И Грахов на бегу сворачивает круто к воротам и осаживает лошадь, за ним весь отряд к большому зданию, к школе. Это — штаб.

— Приехали!.. — Грахов неуклюже и тяжело с седла в нагретую липкую пыль дороги.

— ...Ну, старуха, — благословляй — и чугуевский старовер Прохор Перетино вскарабкался на свою выхоленную широкозадую кобылицу.

— Не ехал бы ты, хозяин, не ехал бы ты... Что тебе там...

— Нельзя, стара... Опчество — с'езд...

— Большевики там, безбожники... Убивцы...

— А мы что — мы им хлебца даем... Они нас не трогают, — закону не нарушили — не воюем...

— Солдат кормим...

— Партизан — добро делаем... Да и кто же их будет кормить?..

— Мы, хозяин, да...

— Опчество, старуха, опчество... Потому — восстали...

— Восстали!.. вот вам Колчак придет, отобьют зады-то ...

— Руки коротки... — И старик подмигнул, высунув язык, — накося !.. и сплюнул.

Потом подобрал поводья, хлопнул пятками под крутое брюхо кобылицу:

— Ну, раскоряка... — тронулся.

\-----

Разные думки в голове у дида из Угадинзы. Идет он на первый повстанческий с'езд. Громада выбрала.

«Нельзя — восстали... воевать, — думает дид, — вот только б собрать хлеба, а там»... — И любовно шуршит под его корявой пятерней наливающийся крепкий пшеничный колос... «Хлеба-то нынче, хлеба... Помогает бог партизанам... Партизанский бог... Соберем, а там»...

— Пойду воевать — пропускает вслух сам себе. И шагает по меже среди полей крепкий дид из Угадинзы и думает, как они соберут хлеба, а там опять не страшен Колчак...

Потому — все сопки восстали... Громада!

3. Благочестивый отец

— Ловко, отец Павел. Значит, они на него и внимания не обратили?

— Нет. Меня обыскали внимательно, а его... Ну, кто же подумает, что этот корейский возница — японский капитан?

— Ловко.

Кореец входит в комнату. Отец Никодим бросается ему навстречу.

— Весьма доволен, господин На-о, вашим посещением.

— Не зовитце меня господзин На-о... Зовитце — Ли.

— О, не беспокойтесь... Я не проговорюсь. Желаете покушать? Грунюшка!.. Это жена моя, господин На-о... Познакомьтесь.

Японец сердито тычет руку и хмурится... Он недоволен такой неосторожностью.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь... Она не выдаст.

Дьякон через окно видит на улице группу.

— Отец Никодим! Кто это? Погляди-ка.

— Где? — Никодим бросается к окну — о!.. Это их главный комиссар Грахов и с ним начальники отрядов. Фамилии-то у меня записаны.

— Грахов?

Японец хватает мешочек и вытаскивает оттуда ящичек. Это фотографический аппарат.

— Отойдитце в сторону.

Поп и дьякон от неожиданности стукаются лбами.

Щелк... Японец, довольный, укладывает аппарат в мешочек.

Вечером, уложив гостей, отец Никодим раскрывает книгу и читает: «рече Господь: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят отца вашего — иже на небесех».

-----

4. С'езд

Во всех хатах большого села Анучино гомон. Мужики, что постарше, спокойно, с хитрецой, в бороды улыбаясь, рассуждают о повстанчестве, накачиваясь кирпичным сливаном у гостеприимных анучинцев. У каждого из них есть своя торба, откуда они с расстановкой, пошаривши, достают разную домашнюю снедь, заботливо положенную туда их домовитыми хозяйками. Но сотовый мед, коржики и большой кусок свиного сала обязательно у всех, как непременное и основное у с'ездовцев. Они редко кто вооружены.

Зато молодежь в большинстве без торб, налегке, по-партизански, но обязательно вооруженные до зубов... Это все партизаны из многочисленных приморских отрядов: кто пешком сюда пришел, отделав двести и триста верст, а кто и на коне, из кавалеристов больше...

Старики, во многом большие скептики и очень осторожные, взбудораживают неуемную партизанскую молодежь, которая бродит и кипит.

— Наступать надо... Взрывать города... Боронить дорогу... — покрывая всех в хате, молодо расходился шевченковский кавалерист, — чего смотреть, чего ждать.

— Не прыгай... не прыгай... Вот дождешься японцев...

— А что они сейчас нейдут?.. Прет их, слабит...

— Придут еще, не замай ...

— И пусть!.. — стукает карабином по лавке кавалерист.

А старики опасливо покачивают головами.

И идет спор, и разговаривают крепко, вплотную подходя ко всем вопросам, со всех концов, по крестьянски...

Целую ночь перед съездом на улице и в хатах гуторит большое село Анучино.

С’ехались впервой — узнают друг друга, щупают... С’ехались со всей Приморской области: и от далекого понизового Амура, и из-под Хабаровска, и от берегов Тихого Океана и от Китайской границы... Есть и от холодного севера, и из-под Аяна — гольды и арачоны; есть делегат и из далекой Кореи, от самого Сеула... Ким — его зовут.

Много делегатов — и шумит село.
И уж далеко за полночь...

–––––

Солнце жжет, и горит трава.

— Хорошо сейчас на бахчах ...

Серая бритая голова нервно ворочается на подушке.

— Сестрица... а, сестрица...

Два ряда коек — бело, чисто...

Больница, бывшая земская — теперь Центральный Повстанческий госпиталь.

Хирургическое отделение.

Немного бледная, с большими впавшими глазами — синими, глубокими и тихими — идет на голос по палате сестра. Подошла. Наклонилась.

— Ну, что, Ефим... Болит...

— Эх, Ольга... Не здесь — здоровой рукой на рану в плече, — а здесь. Крепко рукой на сердце,— вот где болит... Смотри... Арбузы сейчас на бахчах... Хорошо... и ребята — воюют... А здесь лежи...

— Успеешь. — Тихая улыбка у Ольги, — ты бойкий, наверстаешь; вот лучше не ворочайся лишнее, а то дольше пролежишь.

— Не заговаривай зубы, лучше скажи — как там с'езд идет: что наши крепкодумы выдумывают... Мужики наши, старики.

Ольга подсаживается к нему на кровати, — она немного похудела за это время; снова вработалась в обязанности сестры и даже заработалась: мало опытных сестер, а докторов и совсем нет, — один Малевский на всю область, да и тот больше любит с партизанами в цепи лежать, чем их лечить... а то с девчатами в хороводе ходить... Не доктор, а дьявол... Зато и любят его партизаны — блатной, говорят.

Подсела. Дала пить. Поправила полевые цветы, что сегодня утром ему нарвала... Часто она ему их носит...

— Ну? — нетерпеливо повернул к ней Кононов свое черное, сильно исхудавшее лицо.

Ольга знает, что не отвяжешься от него — надо рассказывать:

— Ну, что… Дружно партизаны решают все дела…

— Мужики… Мужики-то как?..

— И они хорошо… Говорят — воевать, так воевать… Коли взялись, надо кончать…

— Не боятся, что долго затянется борьба… Зазимуем… Об‘едим их…

— Ничего… Хотя молодежь надеется к зиме покончить с Колчаком…

— А старики?

— Ну, они подсмеиваются — храбритесь, говорят, храбритесь… Вот только, говорят, помогите нам собрать хлеба, а то кормить нечем будет…

— А с'езд что?

— Говорят — думают распустить тыловые части по домам на уборку хлебов.

— О мобилизации говорят?..

— Нет еще… Кажется, сегодня на вечернем заседании этот вопрос будут решать.

— Пора бы уж. А то полевые штабы замучила эта очередь. Две недели простоят на фронте и давай смену…

— Крестьяне… хозяйство у них.

— Да ведь для себя!.. —И больной рукой со злостью по койке:

Трах! И закусил до крови от боли губы.

. . . .

— Что, размахался… с Колчаками рубишься…— Точно насупившийся, поблескивая очками, мягко ступая улами, в синих китайских шароварах, подошел Малевский.

— Да что, товарищ доктор, вот она говорит…

— А ты не слушай ее…

А в углу тоже на койке сидит старик с бухты Ольги у партизана и тихо ему:

— Ты, Ванюшка, не нудь... Леворюция возьмет верх — сделаем тебе ноги, не хуже прежних... Да и что — за обчество пострадал, прокормим...

— Много нас... таких-то... — Партизан с ампутированными ногами грустно на обрубки посмотрел, пощупал... — Много... где уж...

— Всех, говорю — обчество постановило... И вот сейчас — вся громада — с'езд говорит: обязаны кормить... Прокормим.

И тихо тормошит старик у изголовья партизана, поправляет ему соломенную подушку.

— Не нудь... Бодрись — за обчество пострадал, дурашка ...

Помолчали.

— Вот только на пантовку ходить с тобой уж не придется...

Партизан шумно вобрал в себя воздух — и сильно его выдохнул...

Старик что-то отвернулся — часто замигал глазами.

Проклятые панты!

Он и сам не пойдет нынче за ними... Что панты — проживем и без них...

Опять помолчали.

— Ну, мне пора на с‘езд, Ванек.

Тоже делегат.

Все слушают. Говорит Грахов:

— Штабу тяжело держать фронт вечно сменяемыми партизанскими частями. Или фронт и тогда мобилизация — или только разрозненные партизанские отряды, и тогда можно обойтись и сменами, и простым добровольчеством...

Долго обсуждают важный вопрос мобилизации и питания фронта живой силой. Но все споры прекращаются, когда приходит на с‘езд Штерн — бесконечные рассказы о

нем партизан окружили его большим доверием и любовью крестьянских масс... Легендарный командир... Они все его слушают, затаив дыхание.

— ...И вот, товарищи! — Война есть война... Она несет с собой много тяжелых последствий и одно из них — отрывание молодых сил от станка и плуга. Нам теперь важно действовать применительно обстановке: где фронтом, где отдельными партизанскими отрядами. Но все-таки нужно держать широкий барьер, который бы охранял в глубокой тайге ваш мирный труд. Вот для этого штаб предлагает провести постановлением с'езда мобилизацию только трех молодых возрастов: 19—20—21. Это будет основное ядро постоянного кордона. Движущиеся же отряды будут формироваться из общих прежних очередей всех остальных возрастов. Точно также и большие отдельные операции.

Революция требует жертв...

Вы начали повстанчество, вы поднялись — надо его кончить с честью. Надо его выдержать и дождаться прихода Красной армии.

Кончил.

— И дождемся!..

— И выдержим!.. Общий гул голосов.

. . . .

Когда уже написана и проголосована резолюция, вдруг один голос из угла:

— А як нам быв — нам нельзя убивать...

— А у царя ходили на фронт... — несколько голосов староверу — старику из Чугуевки.

— У царя што — насилием... Мы ба вдвое давали провианта армии... Раньше нас штаб не трогал.

— Теперь вся громада воюет — нельзя!.. — Угодзинзовский старик с сердцем.

— Трусы вы!.. Иисусово войско, вот что... — кто-то из партизан молодо, озлобленно кричит.

И опять Штерн:

— Тише, товарищи. Пусть весь тот участок фронта, который падает по снабжению на Чугуевскую волость, — возьмут на себя одни староверы, тогда мы согласны их освободить от мобилизации... к тому же бойцов у нас достаточно и без них...

— Правильно...

— Верно...

— Согласны...

Согласен и старовер из Чугуевки.

Постановлено.

–––––

И от корейских партизан приветствовал с‘езд Ким. Из самого Сеула пробрался к ним в сопки со своим корейским отрядом...

«И Корея с нами, и Китай...» думали мужики и от удовольствия покачивали своими головами.

Макосеяние тоже разрешили: потому — поздно зря скашивать добро... А теперь будет валюта — треть опиума порешили дать в распоряжение корейцам, остальное — сдавать в штаб... Валюта будет — будут патроны и хлеб.

Тоже хорошо.

А с хунхузами, что не с честной мыслью пришли в сопки и обижают корейские уруги — беспощадно изгонять из области.

Всё порешили.

А потом написали:

Народам всего мира

Воззвание.

И быстро разошлись и раз'ехались.

А перед тем — снимались всем с'ездом на лужайке у штаба: старики важно выставляли бороды, а партизанская молодежь — свои винтовки, шашки, револьверы. Кому что важно.

Снялись...

А в эту же ночь у фотографа, остановившегося у попа, куда-то пропали пластинки.

Грахов качал головой.

— Ой, бестия поп, дождется, дождется... И огромный волосатый кулак в кармане хрустит пальцами.

_____

— Ну, ребята, ждите патронов! — Грахов на лошадь и опять в боевом дорожном виде.

Шамов, Штерн, Харитонов жмут ему руку.

— Ты пушку нам устрой. — Смеется Шамов.

— И это можно, не смейтесь: дай срок... У меня целый план есть...

— План?

— Не скажу до времени. Увидите.

Тронул. Обернулся:

— Про попа-то не забудь, Харитоша, тебе на почин оставляю.

— Не забуду...

Первый приказ после первого повстанческого с'езда пошел по фронту телефонограммой уже на другой день и был подписан:

Военный комиссар области

Х а р и т о н о в.

Командующий войсками области

Ш т е р н.

_____

Глава 13-ая

РОЗАНОВ ПРИЕХАЛ

1. Генерал не без храбрости

Генерал Розанов, усмиритель Сибири, переброшен Колчаком для такой же цели на Восток. Сегодня он во Владивостоке...

В штабе крепости угрюмое лицо генерала проясняется. Его встречает Бутенко — начальник крепости. В одной из комнат штаба сорганизован маленький, но обильный напитками, банкет.

И вот уже за вторым десятком рюмок коньяка генерал теряет обычную свою суровость и сдержанность. Он забывает про обстановку, где находится, и всецело уходит в исторические воспоминания своего доблестного прошлого.

— ...Гм... партизане, говорите... Они у меня во-от где будут!

Генерал протягивает вперед волосатую руку с растопыренными толстыми пальцами. Затем выразительно сжимает пальцы в кулак.

— Во-от где!.. Я этих сволочей...

И генерал начинает пространно рассказывать про свои подвиги под Красноярском. Там ему пришлось сражаться с партизанскими отрядами Кравченко и Щетинкина.

— Не было наших... я бросил отряд итальянцев... я...

Присутствующие заискивающе раболепно слушают генерала. А многие искренно думают:

— Да, да. Вот этот справится с партизанами.

2. Баронесса не унывает

Две атласных туфельки качаются взад и вперед. Взлетают

и спускаются властные крылья ресниц.

Удивленно:

— Вы думаете?

Либкнехт совершенно увлекся своею ролью. Он горячо убеждает баронессу.

— Используйте Розанова. Право, это лучшее, что сейчас можно предпринять.

А сам думает:

«Теперь все, что ты не предпримешь, — все будет нашим».

Баронесса лениво откидывает голову на спинку качалки. Не стесняясь Либкнехта, потягивается, зевает и так же лениво:

— Надоело!

Либкхнет с любопытством посматривает на нее. Дрожит насмешка в уголках его чувственных губ.

— Вы много работаете, баронесса. Вам надо отдохнуть.

Баронесса с благодарностью смотрит на него. На миг серые глаза лениво скользят по лицу Либкнехта... по широким плечам, груди. Опять обратно — останавливаются на глазах Либкнехта. Тонут все глубже и глубже. Затем баронесса протягивает руку, обнимает шею Либкнехта, тянет его голову к себе...

Вот уже золотистые локоны ее волос прикасаются ко лбу Либкнехта...

— Кхе-кхе, — рядом нерешительный кашель боя. На серебряном подносе карточка. Баронесса с недовольным видом берет ее.

— Кто это? — спрашивает Либкнехт.

— Это Таро. Я совсем забыла, что он сегодня обещал приехать. Прошу вас побыть тут, пока я покончу с ним.

К бою:

— Проси обождать. Я сейчас!

И через дверь из будуара в туалетную.

—————

— ...Надеюсь, вы остались довольны поездкой? — учтиво

осведомляется Таро.

— О, да! — отвечает баронесса. Вспоминает: ночь в купэ с Либкнехтом.

— Меня интересует, каковы ваши предположения насчет Семенова и в чем мы можем его использовать?

— Во всем! — решительно заявляет баронесса. И опять вспоминает: потная шея Семенова, похотливый блеск глаз...

Таро почтительно ждет комментарий.

— ...Пока это пусть будет кулаком против Колчака, — говорит баронесса. — А здесь... здесь я уже нашла другого, кого мы можем использовать.

— Кого же?

— Сюда приехал Розанов... видный русский генерал. Имел уже опыт по ликвидации повстанчества в Сибири...

Таро не без удовольствия целует руку баронессы. Потом, слегка наклонив голову:

— Баронесса, ваши заслуги достойны быть отмеченными в истории Великой Японской Империи...

— Вы льстите! — лукаво улыбается баронесса.

Таро продолжает:

— Я смею вас уверить, что японское командование сумеет выразить вам свою признательность в самом непродолжительном времени.

Баронесса вспоминает: черный ящичек с инкрустацией... К верхушкам напудренных щек чувствует горячий прилив крови.

Таро, не смущаясь:

— Разрешите мне остаться в уверенности, что дальнейшая наша совместная работа принесет только пользу обеим великим нациям.

И, церемонно поклонившись, Таро удаляется.

Баронесса нервно сжимает маленькие кулачки.

— Ну, хорошо. Пусть пока. Она еще сумеет взять свое. Она еще имеет преданных друзей...

И твердой поступью она направляется в будуар к ожидающему там ее Либкнехту.

-----

3. Хитрость Либкнехта

В казарме крепости сравнительно тихо. Послеобеденный час. Солдаты отдыхают, лежа на нарах. Попыхивают цыгарки, слышна болтовня...

Но вот мимо часового проходит кто-то, тоже в солдатской форме, но не из живущих в казарме. Караул окликает его:

— Эй, куда?

Солдат, не оборачиваясь:

— Братишка! К товарищу, — и проходит быстро дальше.

— Нельзя-а !.. — кричит караульный, но уж больше для формальности. Махнув рукой, садится у дверей на табуретку и лениво гладит ствол своей винтовки.

Вошедший же Либкнехт, — а это он, одетый в солдатском, подходит к одной из нар.

— Яшка, ты?

— Я! — потом, увидев: — Либ...

— Молчи. У меня дело к тебе. Выйдем куда-нибудь.

— Ну, ну, говори, — торопит Яшка, когда они усаживаются на краю пустого колодца, за складами, на дворе.

— Ты в штабе кого-нибудь знаешь?

— Как же! Там уборщики все мои земляки: Мач, Спрогис, Евдокимов...

— А кто из них ближе к начальству? Кто имеет доступ в комнаты штаба?

— Кто же их знает! Ах, да, вот-вот — Чирка — парнишка сметливый, курьером служит.

Либкнехт сразу:

— Вот это хорошо! А не подведет он?

— Что ты! Мы с ним на Двинском фронте не одно дело обтяпали...

— Ну, ладно! Только смотри, дело это серьезное.

— Ясно! Валяй, говори, — горит нетерпением Яшка.

— Вот что! Слушай! Сегодня вечером состоится в штабе чрезвычайно важное заседание. Так вот нужно, чтобы мы имели самые точные данные о решениях этого совещания.

— Понимаю. Но как?

— Подожди! Твой парнишка, конечно, подслушать не сумеет. Так вот возьми это и передай ему.

Либкнехт вынимает из-за пазухи что-то похожее на большой лист сложенной бумаги, передает его Яшке и начинает на ухо ему шопотом что-то об'яснять.

— Ну, и ловко же это придумано, — не удерживает свой восторг Яшка. — Ты сам придумал?

— Сам! — смеется Либкнехт.

— Молодчина! Ох, и ловко же!

4. Не чуя беды

Военное совещание открывается.

В мягких креслах за длинным столом полковники Враштель и Эвецкий, начальник крепости Бутенко и ряд штабных офицеров. Председательствует Розанов. Он же и докладчик сегодняшнего совещания.

— Господа! — говорит он густым басом заправского пьяницы. — У нас сегодня в порядке дня только один вопрос: план ликвидации партизан.

Ад‘ютант Розанова остро отточенным карандашом выводит:

П л а н   л и к в и д а ц и и   п а р т и з а н.

— Господа! Я сейчас разверну перед вами все, что мы намерены сделать в течение ближайшего месяца. Японское командование обещает нам всемерную поддержку...

— Да, да! — подтверждает кивком головы присутствующий уполномоченный Таро полковник...

— Господа! Мы обсудим наш план, и каждому из вас будет дана часть заданий по его осуществлению.

–––––

План генерала Розанова стратегически разработан безукоризненно. Штабные офицеры только из приличия скрывают свой восторг. Зато Эвецкий не может удержаться, чтобы не шепнуть Враштелю:

— Вот! Вот это и есть то, что нам надо. То, что мы ждали.

План генерала Розанова принимается с незначительными дополнениями. Сам генерал, с полным сознанием своей гениальности, энергично сморкается и приступает к следующей части заседания.

— Теперь, господа, нам нужно распределить задания. Начнем с полковника Эвецкого.

Ад'ютант отмечает:

Задание полковнику Эвецкому.

...Когда поздно за полночь часть членов совещания в крытом автомобиле едут в шантан, между ними нет двух мнений. Есть одно:

— Да — генерал Розанов справится с партизанами.

5. Перехитрить можно и генералов

Но никто из членов совещания не видит, как рано утром первым в комнату штаба входит молодой солдат — курьер Чирка.

Он исполняет свою ежеутреннюю обязанность: отрывает очередной лист стенного календаря, лениво смотрит в окно, потом...

...быстро подходит к столу и приподнимает край бумаги, которой покрыт стол. Смотрит под нее, и глаза его загораются.

— Есть!

А под бумагой, во всю длину стола, тонкий лист копировальной бумаги, а под ней, на другом большом белом листе, всякие записи, кружочки, цифры.

Это — отметки ад'ютанта — секретаря вчерашнего совещания.

— А ловко это вышло с чернилами!

Действительно ловко. Вчера во всем штабе нигде не оказалось ни капли чернил. Волей-неволей всем пришлось писать карандашами.

— Хе-хе, — смеется Чирка. Он-то знает, куда делись чернила.

Но некогда! Чирка осторожно вытаскивает оба листа. Комкает копировку и засовывает ее в печку. Белый же лист бережно складывает и прячет, за пазуху.

Теперь скорее отнести лист по адресу, который дал Яшка. И Чирка знает: сегодня он будет самым богатым человеком во всем гарнизоне.

–––––

А вечером того же дня Либкнехт, тщательно переписав записи с листа, отправляет его в сопки к Штерну.

— Теперь посмотрим! — улыбается он про себя. — Кто кого?

Глава 14-ая

«ЗАГОВОР В СОПКАХ»

1. В паутине шпионажа

Штаб Штерна.

Начальник дозора — рука к козырьку.

— Товарищ Штерн!

Штерн поднимает голову.

— Ну?

— Сейчас на Сучанском шоссе задержан мужик. Не позволяет себя обыскивать и говорит, что ему надо к вам.

— Он здесь?

— Да. Мы его привели. Он во дворе.

— Впусти сюда.

Через минуту, сутулясь и прихрамывая на одну ногу, в комнату входит человек. На нем изношенный, коричневого цвета, зипун, полосатые домотканные штаны и неуклюжие огромные лапти. При виде Штерна, он весело взбивает шапку на затылок.

— Наконец-то добрался до вас!

— Ты кто такой? — строго спрашивает его Штерн.

Мужичонко хитро подмигивает:

— Сейчас, сейчас, родной! Мандатики-то у меня замечательные...

Из неведомо где-то под рубашкой спрятанного мешочка он вытаскивает несколько разной формы листочков.

— Что это? — Штерн удивленно смотрит на них.

— А вот почитайте, тут мне путевочку черкнули, — и мужичонко передает Штерну маленькую записочку.

Штерн читает:

Приехал Розанов. На-днях приступит к активным операциям. Посылаю вам кое-какие записи о его намерениях.

— А! Так вот оно что.

Штерн просматривает листы. Думает. Повернувшись к мужику:

— Ты что ж, обратно поедешь?

— Ежели надо, так могим и обратно, — отвечает мужик.

— Хорошо! Я дам тебе записку. Ее ты доставишь тому, кто дал тебе эти листочки. Понял?

— Как не понять, чай я грамотный.

— Ну, посиди тут. Я сейчас...

Штерн удаляется в боковую комнату за конвертом для записки.

Мужичонко озирается, смотрит: на стене большая карта Сучанского района, вся испещренная крестиками и пометками.

Встал. Вытягивает шею, смотрит. Потом из кармана блокнот — чик-чирик. Что-то отметил.

Штерн возвращается:

— Ты что тут?

— Кхе-кхе. Так это. Любопытно поглядеть.

— Это показательная карта, — раз'ясняет Штерн.— План продвижения войск. Понял?

— Понимаю. Мудреная штукаI

— Так вот вам, товарищ, записка. Постарайтесь доставить ее поскорее.

— Само собой!

Мужичонко в дверях:

— Прощайте, товарищ Штерн! Успехов вам всяких!

\-\-\-\-\-

Тррррр...

Либкнехт подходит к телефону.

— Слушаю.

— Это я — Яша. Приходи сейчас же туда, где встречались прошлый раз. Очень нужно.

Либкнехт с недоумением надевает шляпу. Что случилось? Почему такой тревожный голос у Яшки.

Через двадцать минут он приходит в условленное место, недалеко от порта.

— Ну, что?

— Нашего человечка поймали. Его видели арестованным. Вероятно, отобраны бумаги и теперь все пропало,

— Это еще не беда, — у меня есть копии. Но вот как бы белые не устроили какую-нибудь пакость... Вот что. Надо немедленно отправить к Штерну кого-нибудь узнать, что там произошло.

\-\-\-\-\-

Вечером караул приводит к Штерну запыхавшегося мальчишку — посланника Либкнехта.

— Товарищ Штерн! Я от Либкнехта. Не приходил ли к вам кто-нибудь от него?

Штерн удивленно:

— Приходил.

— Вот так мы и думали! А где этот человек?

— Послал обратно с ответом.

— Товарищ Штерн! Беда! Ведь это ихний шпион.

— Но он принес бумаги от Либкнехта. Как же он...

— Говорят, нашего человечка поймали. Бумажки-те поддельные. Вот настоящие.

— То-то. Я и сам читал, думал, что-то не то. Ну, давай сюда.

Штерн перебирает листочки, и лицо его проясняется.

Вот это — да. Все это пригодится...

_____

И до поздней ночи Штерн со своими помощниками вырабатывает план контр-действия против Розанова.

Либкнехту же посылает задание проникнуть в штаб Розанова и занять там какой-нибудь пост.

2. Генерал решает загадку

На следующий день в кабинет Розанова входит прапорщик Николаев. Он сын гвардейского поручика и лучший из шпионов Розанова. Работает из любви к искусству. Розанов довольно приветливо встречает его.

— Вероятно, какие-нибудь новости?

— Рад стараться, ваше превосходительство! Не смел бы беспокоить.

— Садитесь.

— Благодарю, ваше превосходительство! Вчера я делал

разведку в Сучанском районе и случайно задержал какого-то партизана. При обыске у него была обнаружена записка, адресованная Штерну, и несколько листочков с записями. По характеру записок я догадался, что это решения вашего оперативного совещания...

— Как? У меня в штабе шпионы?

Лицо генерала растерянное. Он помнит всех, кто присутствовал на оперативном совещании. Кто? Кто мог из них совершить эту подлость?

— Рассказывайте дальше.

— Я сфабриковал несколько аналогичных листочков, — продолжает Николаев, — и отправил их с одним из моих подчиненных.

— Результаты?

— Увы! незначительные. Но все-таки. Ему дали записку обратно тому лицу, кто послал листочки.

— Где записка?

— Вот, ваше превосходительство:

Когда ознакомлюсь с планами, извещу. Действуйте дальше. Штерн.

— Кому?

— Ваше превосходительство! Лицо, кому предназначается записка, не указано. Наш шпион побоялся спросить, не желая выдать себя.

— Безобразие! У меня в штабе провокатор, и я не знаю, кто он.

— Ваше превосходительство! Может-быть, вы догадаетесь по этим листочкам.

Прапорщик передает генералу несколько обрезанных листочков. Генерал всматривается в них, и желтый цвет его щек переходит в красно-фиолетовый.

— О, чорт!

Тяжело дыша, он сжимает кулак и ударяет им по столу. Затем из заднего кармана брюк вытаскивает браунинг.

Прапорщик в испуге:

— Что с вами, ваше превосходительство?

— Будьте спокойны, господин офицер. Приготовьте ваш револьвер и будьте готовы.

Прапорщик с недоумением вытаскивает револьвер, опускает предохранитель и ждет...

. . . .

3. Чувство и расчет

— Я хочу уехать, баронесса!.. — капризным тоном говорит Либкнехт, лаская руку баронессы.

Они сидят за утренним чаем на веранде квартиры баронессы.

Внизу бухта, наверху — солнцем залитая лазоревая чаша небес. По краям сопки. На пепельно-синей глади бухты суда и джонки — издали маленькие, точно приклеенные к воде...

— Вы недовольны! говорит ласково баронесса. — Скажите, что вы хотели бы...

— Мне надоело бездействовать...

— А!

Чуть заметная ирония на губах Либкнехта:

— Вы все работаете, особенно вы, баронесса. А я, как трутень, только любуюсь вашей работой...

— Зато есть, кто любуется вами, — отвечает лукаво баронесса. — Разве это мало?

— Баронесса!.. — Либкнехт с поддельной порывистостью сжимает ее руку. — Я вам многим обязан... Я так счастлив, но...

— Ну, что но... Говорите. Может быть, я смогу вам помочь.

— О, баронесса! Вы всегда ко мне так щедры. Но я не хочу больше пользоваться вашей добротой. Я хочу сам принимать деятельное участие в работе, хочу оправдать ваше расположение ко мне.

— Либкнехт — милый мой мальчик! Я вам дам работу. О! Я вас сделаю великим человеком. Вы мне верите, Либкнехт?

Она смотрит ему прямо в глаза.

Либкнехт выдерживает ее взгляд. Опять жмет ее руку.

— Верю, баронесса! Верю!

— Сегодня же, — не без волнения в голосе произносит баронесса, — вы поедете со мною в одно место. Я познакомлю вас с полковником Эвецким… Баронесса Штарк забудет свое будущее, если она не исполнит своего обещания.

Либкнехт наклоняется к ее руке. Когда он поднимает голову, губы его встречаются с… губами баронессы.

…Поцелуй долгий, истомой слабящий, как знойное солнце в летний полдень…

\-\-\-\-\-

В одном из фешенебельных ресторанов Владивостока, в ночь на 13 июня, особо тщательным вниманием пользуется кабинет под номером 2.

То и дело, ловко жонглируя подносами, подбрасываемыми на пяти пальцах, бесшумно скользят в дверь кабинета официанты. Сам метр частенько прохаживается по коридору и наводит справки у официантов:

— Все ли в порядке?

В кабинете, пользующемся таким исключительным вниманием, баронесса Глинская, полковник Эвецкий и… Либкнехт.

— Это надежнейший человек, — рекомендует она Либкнехта.

И когда Либкнехт на минуту удаляется в общее зало и стриженый затылок полковника находится под уровнем подбородка баронессы, последняя говорит:

— Назначьте его чем-нибудь поответственнее. Он очень способный…

И вспоминает…

...А затылок полковника все еще на том же уровне. И только где-то снизу шопотом голос из чем-то прикрытого рта:

— Вслллшаюс!

4. Полезный труп

Розанов нажимает кнопку звонка.

Через несколько секунд в дверях ад'ютант:

— Ваше превосходительство...

— Идите сюда.

— Слушаю-с, ваше превосходительство.

Ад'ютант подходит к столу. Генерал быстро поднимает руку с револьвером.

— Руки вверх!

Ад‘ютант, ошеломленный неожиданностью, почти механически вскидывает обе руки. Смотрит широко раскрытыми глазами на генерала.

Генерал, продолжая держать в правой руке револьвер, левой берет со стола один из листочков, принесенных Николаевым.

— Ваш почерк?

Ад'ютант смотрит, ничего не понимая.

— Мой, ваше превосходительство!

— Кто велел вам снимать копии с протокола оперативного совещания?

— Ваш превосх... ваш...

— Отвечайте!

— Я не снимал... я...

С побагровевшим от злости лицом генерал подсовывает ему листочки под самый нос.

— Ваш почерк?

Зубы ад'ютанта подпрыгивают. Неуклюже через нижнюю губу вываливаются слова:

— Мммой... Ваш превосход...

...Пахxx...

Ад'ютант не договаривает. На момент между ним и генералом облачко дыма. Когда дым рассеивается, ад'ютант лежит на полу.

С остервенением генерал бросает браунинг.

— Трус! Он не посмел даже сознаться.

К прапорщику Николаеву:

— Распорядитесь убрать труп.

Генерал знает: теперь все в порядке.

–––––

А на следующий день в докладе Розанову, предлагая кандидатуры на новые посты, Эвецкий говорит:

— ...Либкнехт. Знаю как энергичного, исполнительного офицера. Прекрасный стаж и лучшие рекомендации.

— Вы ручаетесь за него?

— Я... Да. Да.

— Пришлите его ко мне.

Глава 15-ая

ХУНХУЗЫ

1. Закон хунхуза

Высоки в глухой тайге сосны и кедры. Солнце добирается до папоротников внизу только в полдень в июле. А в остальное время там прохладно и темно. Идешь — нога тонет бесшумно во мху.

Так неслышно, бесшумно двигается гуськом —корейским строем — большой хунхузский отряд.

В голове его, опираясь на длинную палку, легко шагает старый хунхуз Ли-Фу.

Трудно понять — идет ли отряд тропой или целиной тайги прокладывает он себе путь... Но одноглазый, с длинной косой, Ли-Фу, начальник отряда, старый хунхуз, подслеповато смотрит, но видит сквозь мох, папоротник и валежник — ясно, по-собачьи чует он носом, широко раздувая ноздри, — старую хунхузскую тропу... Нога его, одетая в легкий и мягкий ул, чутко чувствует эту тропу, и хунхуз легко и уверенно шагает — ему не нужно карт и компаса.

От времени до времени свободной рукой он заламывает ветки кустов, оставляя надлом в сторону, откуда идет отряд... Так он условно, по-таежному, по-хунхузски разговаривает со своими отрядами и дает им направление, куда двигаться...

Идет он весь в синем — в тужурке и штанах, плотно перехваченных внизу, у щиколоток ног. На голове хунхуза платок; крепко, по-особому, без узлов стянут он на затылке. За плечами у него новый японский карабин; крестом — патронташи из пулеметных лент, и на поясе кольт. Хорошо вооружен хунхуз.

Все они хорошо вооружены — и все они одеты одинаково.

Только за плечами у старшего небольшая сумка, у остальных — все отрядное добро: и чумиза, и мука, и табак, и палатки, и травяные лекарства...

Так бесшумно, глубоко в Приморской тайге, в тылу у партизан — идет большой хунхузский отряд. Уже неделю, как идет отряд из-под Сан-Сина, — там нашел Ли-Фу приказ Чжан-Цзо-Лина.

Через Ханку, по корейским уругам, вглубь, к самому Сихотэ-Айлиньскому хребту, туда, откуда зачинаются и расходятся дороги самых больших таежных волостей — Чугуевской, Яковлевской, Анучинской...

Как раз там...

—————

Сверху посмотреть — хоть на самый хребет забраться — ничего не видать... Только дымок выдает: в тихую погоду

белым столбом подымается, а в ветер — так и этого не увидишь...

А спустись на дымок — все равно не найдешь... Так и не будешь знать, откуда он...

. . . .

Большой таежный костер трещит смоляной сушью. Хунхузы палят кабана.

Тут же рядом флегматичный старик хунхуз, — глаза его прищурены — он сладко затягивается третьей затяжкой и негромко с присвистом считает:

— Ига, лянга, санга, сыга, уга...

А под счет раздается свист лозы, и хлесткий удар по красному взбухшему телу — нарушает тишину тайги...

Это — наказывают провинившегося хунхуза.

Он, полуголый, перегнувшись через колоду, лежит, выпуча глаза —зубами впившись в кору колоды... Ни звука не вырвется из его хунхузского рта.

Иначе — он не хунхуз!..

А старик все считает, считает... Он уже сделал шестую затяжку опиума... Лицо его блаженно, но далеко еще до сна, и успеет он отсчитать положенное число розог провинившемуся хунхузу.

И хлещут попеременно — до двухсот раз... А хунхуз молчит...

Таков закон, и карает он его за то, что он лишнюю затяжку опиума обманно получил...

Нельзя — в отряде нельзя обманывать... Можно убить ирбо, не спросясь начальника отряда... Ограбить китайского купезу или того же ирбо — ничего... А взять лишнюю затяжку опиума в отряде — двести розог, а то и совсем выгонят...

Таков закон хунхуза.

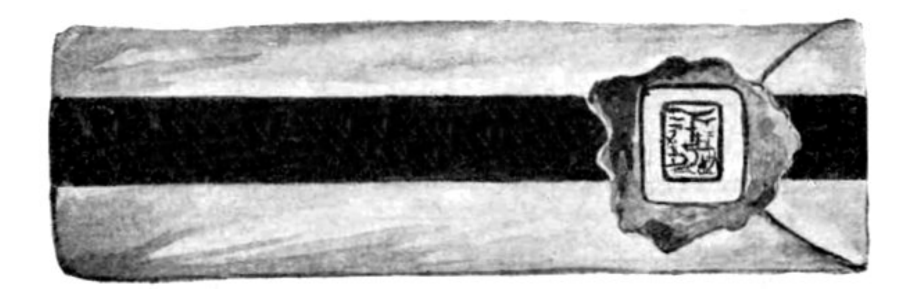
А старый хунхуз все считает... Он делает и другие дела в отряде — он и хранитель опиума отрядного и хранитель денег, это — Сын-Фун-Ли, — второе лицо в отряде и старый

испытанный хунхуз... Он почетный хунхуз, — в своей сумке он не несет ничего больше: он хранитель всех ценностей отряда. Его боятся и уважают больше самого начальника.

Самый младший в отряде, самый молодой по хунхузничеству несет во время передвижений всю отрядную долю, какая падает на Сын-Фун-Ли.

Таков хунхузский закон.

Один глаз, а все видит — насквозь...

Любовно осматривает он большую черную тушевую печать — шибко большого капитана! А на другой стороне конверта столбиками приказ, где и когда распечатать.

Так и делает Ли-Фу.

Теперь прибыли на место: можно и распечатать.

Но недаром же он, одноглазый Ли-Фу, начальник многих хунхузских отрядов, правая рука самого Чжан-Цзо-Лина во всех тайных делах. — Он знает, что в конверте написано. Но все-таки распечатывает и читает:

«...Завязать сношения с партизанскими начальниками... Продавать им патроны... Выследить все их штабы... Грабить русских крестьян и корейцев... Дезорганизовать партизанский тыл... При удобном случае нападать и уничтожать партизанские отряды. Действовать осторожно, по-хунхузски... Не оставлять никаких следов... Доносить каждые с е м ь

с о л н ц по летучке в Мукден, лично мне. Чжан-Цзо-Лин».

2. Партизанская дипломатия

— Товарищ Шамов, этот? — Снегуровский оборачивается к нему, подает каракули хунхуза — его визитную карточку...

— Да, этот... — Шамов взял, смотрит подпись: — «Лифу», — этот самый!.. и пропуск в его владения...

— Тоже, губернатор трех провинций!.. — Снегуровский смеется, — придется ехать?..

— Конечно!..

Огромные папоротники раздвигаются, и дуло винчестера на тропу. Из-под повязки левый глаз прищурен,— точно на прицеле.

Это сторожевой хунхузский пост.

. . . .

Хунхуз идет вперед, ловко перепрыгивая через коряжины. Вот он припал, послушал и дальше...

Шамов и Демирский на лошадях двигаются за ним.

Хунхуз останавливается, издает несколько гортанных звуков, похожих на птичьи.

И в ответ ему, откуда-то совсем близко, также:

Кхарр... кхаррр...

И из папоротников с винчестером ширококостный скуластый хунхуз.

— Ваша!.. Ему лошака оставь... — Хунхуз провожатый к Шамову, — наша здесь мала-мала пешком ходи...

Лошади оставлены хунхузу-часовому.

Совсем без тропы, прямо по целине тайги ведет их посланный. А потом они долго идут вдоль по горной речке.

— Ну, и хунхузня... Осторожные, собаки... — ворчит Демирский, хлопая улами по воде.

. . . .

По тому же папоротнику, осторожно раздвигая лопух, извиваясь змеей, скользит Серков. Старый охотник недаром ходил за тигром — он знает, как красться.

Впереди его идет, насторожившись, собака — его старая охотничья лайка, пришедшая с ним с Тетюхэ. — То одно ухо поднимет, то другое и носом поводит... Знает она из тысячи таежных запахов один хунхузский ул, на который ее навел Серков еще там в штабе, когда был посыльный — хунхуз...

Хрустнула ветка под ногой у лайки. И собака и Серков замерли...

. . . .

Хунхуз насторожился — опять с винчестером на тропу, через папоротник, но там никого, только лошади прядут ушами и отмахиваются от овода хвостами... — Хрустнуло где-то позади?..

Хунхуз туда... — Прополз несколько шагов, залег, слушает... Только тихо шумит тайга своим неумолчным шумом, как вечный прибой океана, однообразный, певучий, порой едва уловимый, но постоянный шум...

Ничего больше.

Обратно хунхуз ползет к тропе...

. . . .

Солнце уже ушло за сопку и в черной прохладной тени долина.

Уже поздно, и вечер...

А одноглазый Ли-Фу все еше покачивается и попыхивает трубкой и гостеприимно угощает пампушками, большими ломтями свинины только-что зажаренного кабана и крепким корейским табаком своих партизан-гостей...

Переводчик-китаец тоже хунхуз, на ужасающем жаргоне говорит с Демирским, который тоже не лучше говорит по-китайски.

Шамову уже давно надоело — он видит насквозь политику хитрого одноглазого Ли-Фу. Но он терпит — надо дождаться сигнала Серкова...

— Хорошо... Передайте Ли-Фу, что мы согласны с ним дружить, если:

П е р в о е — и он пишет на блокноте:

Хунхузы будут мирно жить в тайге и не грабить русских крестьян и не брать своих «налогов» с корейских уруг.

В т о р о е — и опять пишет:

Ли-Фу для своего отряда будет получать опиум от штаба в обмен на патроны и оружие.

Т р е т ь е —

Отряд Ли-Фу, как вооруженная сила на территории повстанческой армии, подчиняется всем распоряжениям полевого партизанского штаба в округе, где он находится, и несет охранную службу на участке, особо для этого установленном полевым штабом.

Ч е т в е р т о е —

Отряд получает надел земли, удобной под макосеяние и табак, а также вьючных лошадей в количестве до 10-ти штук.

П я т о е —

Отряд, если будет в том необходимость, по первому распоряжению полевого штаба, вливается в повстанческую армию для борьбы, как с колчаковцами (русскими белыми), так и с японцами, действуя при этом, как самостоятельная боевая единица, получающая особую директиву и участок фронта. Держит для этого непрерывную связь со штабом.

Ш е с т о е —

Штаб партизанских войск предупреждает начальника отряда Ли Фу — в случае неподчинения его

распоряжениям — хунхузский отряд будет разоружен и отведен к границе Китая.

С е д ь м о е —

В случае неисполнения, хотя бы одного пункта данного договора, та и другая сторона может считать себя свободной в своих дальнейших действиях и взаимоотношениях.

. . . .

Долго бормочет что-то переводчик.

Ли-Фу — то расплывается в улыбку и произносит, прищелкивая языком:

— Хо!.. Хо!.. — когда ему читают пункт второй.

То яростно плюется и ругается:

— Во-цхо!.. Пуё...— когда ему читают пункт шестой.

Сын-Фун-Ли, полуголый, как и все в фанзе, кроме часовых у дверей и на тропах в засаде, — наклонился и длинной кистью, тушью, на пергаменте пишет свои столбики крючков и клеточек, переписывает таинственными китайскими письменами договор, предложенный хунхузу Ли-Фу Шамозвым.

Договор переписан.

Хунхуз плюется долго, но потом искорки огоньков в одном глазу, и хунхуз, что-то пробормотав, берет кисточку и подписывает:

(Начальник хунхузских отрядов Сан-Синской провинции, капитан Ли-Фу).

Переводчик добавляет, что капитан согласен, но что он хочет только один пункт добавить об американцах, с которыми он не хочет воевать.

К пункту пятому примечанием добавляют:

> *Примечание:* С Америкой хунхузы друзья — они не вступают с ней в войну.

. . . .

— Гавв!..— Неожиданно в хунхузском лагере.

Несколько хунхузов бросаются в кусты:

Тах... — Кто-то стреляет из них.

Визг по лесу... А потом хунхуз притаскивает собаку к фанзе.

Она ранена... Увидала Шамова, завиляла хвостом, визжит...

Переводчик спрашивает Шамова:

— Твоя, капитана?

Шамов отрицательно качает головой.

Китайцы что-то между собой быстро-быстро говорят... Ли-Фу крикнул, — все замолкли... И рукой хунхузу, принесшему собаку — что-то сказал злобно.

Хунхуз взял собаку и потащил в кусты... Только визг... Тише... Глуше...

«Неужели задавят, проклятые?..» — мелькает в голове у Демирского.

«Где-то Серков сейчас?» — думает Шамов.

. . . .

Бултых... Круги по воде... Пузыри и больше ничего.

Но вмиг сзади, как клещи — пальцы в горло хунхуза— без звука валится тот в кусты, на мягкую траву. Еще нажим на сонную артерию, и хунхуз лишается сознания.

А в это время — опять вода брызгами... Круги и пузыри... и голова Серкова выныривает из воды, и быстро одной рукой гребет он к берегу...

Вышел... А с ним лайка... Перегрыз зубами петлю, оторвал камень от шеи и давай ее растирать...

Оттер... В мешок... Карабин за плечи и нырнул в тайгу...

Очнулся хунхуз — никого нет...

. . . .

Ли-Фу хитро мигает одним глазом своему помощнику Сын-Фун-Лину, передавая ему грамоту-договор, подписанный Шамовым.

А Демирский в это время прячет себе в сумку копию, подписанную Ли-Фу и написанную китайскими иероглифами.

Те и другие довольны.

Опять процедура завязывания глаз у Шамова и Демирского и их уводят из лагеря.

Кружат...

А потом они подходят к своим лошадям. Из папоротника выскакивает тот же хунхуз и гортанно:

— Каррр... — несется по лесу.

Они садятся на лошадей и быстро едут...

Их уже обратно никто не провожает.

Уже ночь. И звезды.

Легко бегут отдохнувшие лошади.

Из-за сопки показывается серебряным рогом месяц.

3. Хунхузский комиссар

Входит цепочкой на обширный двор Одарковского завода хунхузский отряд. На каждой винтовке, как мак пылает — красный бантик, завязанный вверху на стволе, у шомпола.

Сзади отряда какая-то огромная железная труба, которую несут два хунхуза: она тоже перевязана красной лентой, — это — самодельная хунхузская пушка.

Впереди хунхузов старик.

Вдруг отскакивает от отряда, машет карабином и кричит что-то... Прыгает.

На полушаге остановлен отряд.

Потом все по команде — повертываются лицом к штабу и винтовки, блеснув затворами, прижимают к правому плечу.

Старик хунхуз бежит в штаб:

— Ваша!.. Начальника! встречай!.. — и подает Снегуровскому пакет от Штерна.

Снегуровский берет пакет и выходит на крыльцо штаба. Смотрит...

Хунхузский отряд развернулся шеренгой-цепью и держит на караул...

Старик хунхуз, церемонно широко шагая, снова подходит к крыльцу, так же берет свой карабин к плечу и рапортует:

— Капитана, моя шибко борщевика!.. — Тоже партизана... Игаян кампания... Моя к тебе воевать... Моя был у того, шибко большого капитана — Анучина...

— У Штерна?

— Штерна!.. Хунхуз улыбается. — Моя далеко ходи, Гирин ходи... Японыска... Макака моя воюй... Ир-рыбо... Много ирбо мой отряд ходи, Сеул ходи, макака стреляй...

Снегуровский улыбается — берет под козырек.

Хунхузы все сверкнули зубами — довольны...

Рапорт принят.

А потом они «дефилируют» мимо штаба, неся на руке свои новенькие винтовки.

Это — хунхузский парад.

. . . .

Куо-Шан доволен — хорошо его принял штаб. Накормили его и его отряд. Теперь партизаны с хунхузами расположились кучками по зимовьям тайги у завода и дуют чай и гложут кукурузу...

И как-то разговаривают...

. . . .

Приехали Шамов и Демирский, а с ними и Серков. Серков озабочен и с мешком сразу проходит на санитарный пункт.

Там он что-то долго шепчется с отрядным фельдшером Марченко. По временам раздается собачий визг, то жалобный скулящий вой.

— Ну-ну, потерпи!.. — уговаривает, точно человека, Серков свою подстреленную лайку, — погоди, сволочи, я им дам перцу...

— Ничего, кость цела... — Марченко успокаивает Серкова, делая лайке перевязку.

— Ууууууууу...— жалобно скулит собака.

— Вот тебе Куо-Шан и товарищ от штаба! — говорит Снегуровский.

. . . .

Бухта, командир левого фланга — широкоплечий, коренастый, белобрысый, с детской улыбкой синих не мигающих глаз — сидит тут же за штабным столом. Он учитель из Чернышовки и хороший партизан.

Совещание кончено. Выработаны меры связи и снабжения отряда Куо-Шана и назначен... комиссар.

— Вот тебе и комиссар в отряд! — Шамов потягивает табак, подаренный хунхузом, из тоненькой трубки, также преподнесенной им лично Шамову.

— Хо!.. Капитана — моя шибко знакома, есь! — говорит он, и морщится его старческое, черное от непроходящего загара, лицо. — Шибко хо, капитана!.. — И он хлопает по широкой спине Бухту.

— Он будет твоя помочника... — Снегуровский старается ему об'яснить, — он хорошо знает воевать!.. Может командовать твоим отрядом, если ты захочешь...

— Ых!.. Шыбыка машинка, твоя!.. — И хунхуз Куо-Шан смеется желтым беззубым прокуренным ртом... Грозит пальцем Снегуровскому: — Хо!.. Шыбыка машинка, капитана,

есь... Шыбыка хо, капитана!.. — И Куо-Шан шевелит выразительно большим пальцем руки, сжатой в кулак:

— Хо!!.

Бухта на утро уходит с хунхузским отрядом на левый фланг, а там дальше в прорыв между Днучинским и Спасским фронтами, к магистрали дороги, под деревню Черниговку.

Прощаясь, Куо-Шан опять улыбается и грозит пальцем:

— Шыбыка машинка, капитана, есь!..

Потом опять подымает большой палец и гортанно выкрикивает!

— Хо!!.

Глава 16-ая

ГОРОД СЛУХОВ

1. Газетное сообщение

На сером каменном здании вывеска:

АТЕЛЬЕ МОД
М-м Танго

Во дворе здания открытая веранда. За ней маленький садик. По соседству другое здание. В нем — американский штаб.

Летом девушки работают на веранде. Слышен веселый говор, смех, песни...

Длинноногие янки — писаря штаба — находят, что рассуждения о шоколаде и цветах гораздо интереснее их штабных занятий.

Воздушные переговоры и метание взглядов идут полным ходом, когда на веранду врывается маленькая Ольга.

У нее в руках газета. Сама бледная, испуганная.

— Что с тобой, Олечка? — обступают ее подруги.

— Штерн и Снегуровский убиты. Вот напечатано. Читайте.

Все бросаются к газете. Там:

> ...Наконец то мы можем свободно вздохнуть...
> ...Краса и гордость большевистской армии Забайкалья — Штерн с своим отрядом разбит. Сам Штерн убит...

И дальше:

> ...Конец бандитскому засилью.
> ...Командир бандитского отряда Снегуровский пойман и застрелен под Никольском...

И еще дальше:

> ...Граждане могут быть спокойны, зная, что власть энергично охраняет их жизнь и мирный труд...

— Ну, будет тебе читать газетные бредни, — успокаивает Ольгу одна из девушек. — Мало ли, что напишут в газете.

Но маленькая Ольга не моЖет успокоиться.

Она уже представляет Снегуровского где-то лежащим на сопке с пулями в груди...

Слезы катятся по ее круглым щекам, и конечно — где тут до работы.

Через полчаса в ателье заходит Ольга большая. Она храбрится, но видно, что и у нее заплаканы глаза. Она ласково гладит маленькую Ольгу по головке.

— Ну, не плачь, успокойся. Может быть, это и в самом деле все выдумки.

— А как же нам узнать? Кто скажет?

— Ильицкий — вот кто! Пойдем к нему в штаб.

Маленькая Ольга бросает работу. Обе уходят.

–––––

Среди реакционных кругов города общее ликование. На улице все с газетами в руках оживленно обсуждают напечатанное. Делятся впечатлениями:

— Здорово это их! Сразу обоих.

Рабочие читают — не верят глазам. Больно сжимается сердце...

Штерн — их последняя надежда.

2. Блатная попадья

— Ну, тетя, готова?

— Готова, сынок. Уже пятьдесят лет, как готова.

— Запомнила все, что надо?

— Помню, как же. Память не мешок дырявый, не потеряет.

— Ну, вот. Поезжай счастливо.

— А поезд-то как?

— Будь спокойна, не тронут. Приказано.

Это — разговор в Одарковском штабе. Пакет с важными бумагами передается Варваре Власьевне — попадье, жене Татьянинского попа, — уж что может быть безопаснее!..

А чтоб случайно поезд с попадьей не очутился под откосом — приказ по фронту:

«Пропустить четвертый, одиннадцатого».

Медленными шажками тетя Варвара пробирается к вагонам. Встречного будочника:

— Тута в Владивосток? — спрашивает.

— Тута, тута. Только гляди, вместо Владивостока в царствии божием очутишься.

Варвара поднимает глаза к небу и широким жестом крестится.

— Что ж, батюшка, все там когда-нибудь будем...

В вагонах пусто. Кое-где едущие по делам офицеры. Знают: ехать — рисковать жизнью. Но где ж теперь без риска? Фронт. Приходится. Служба.

Разговор как-то не клеится. Больше сидят спокойно, углубившись в свои думы.

— Вот сейчас, после Свиягина, — говорит один из офицеров, — начинается самый опасный район.

— Ммда...— сквозь зубы отвечает другой. Не особенно приятно знать, что в любую минуту человек может уподобиться кукле, которую в каком-то ящике на колесах бросают вниз головой.

Тетя Варвара разместилась недалеко от офицеров, развязывает узелок и начинает уплетать за обе щеки пирог с медом.

— Что, подкрепляешься на всякий случай? — пытается шутить один из офицеров. — Дорожка туда (он поднимает палец вверх) дальняя.

— Что ж, сынок, вместе туда поедем, не скучно будет.

— Однако, ты веселая. Далече едешь?

— До Владивостока. К сыночку погостить.

— Я сын твой кто?

— Да кто ж его знает. Кажись, аптекарь, али в штабе служит. Всяк промысел для бога хорош.

За Свиягиной у какого-то раз'езда поезд замедляет ход. Один из офицеров, взглянув через окошко:

— Партизане! — и сам под скамейку.

Другой с быстротою кошки вскарабкивается на верхнюю полку, втягивает ноги и лежит, не шевелясь.

Тетя Варвара подходит к окошку и улыбается во всю ширь своего добродушного лица.

— Родненькие, куды-ж это вы? Никак нас на тот свет отправить хотите?

Партизаны улыбаются.

— Не твое дело, тетя. Знаем, что делаем.

3. Они живы

В американском штабе Ильицкому работы по горло. Главное дело — переводы всяких телеграмм. А от знакомых сотрудников штаба — сколько новостей, конечно, по секрету.

Вот сейчас он держит в руках пачку копий телеграмм, расшифрованных сегодня. Читает:

> *...Слухи об убийстве Штерна и Снегуровского ложные. Оба живы, но к убийству их безусловно приняты меры.*

Ильицкий не может сдержать улыбки, читая последнюю фразу.

— Ха-ха! Безусловно уже второй год. Придется вам еще подождать.

Он перебирает дальше телеграммы.

Стучат.

— А ну, кто там?

Открывается дверь, и в комнату входят обе Ольги.

— А! ласточки! Что это у вас вид такой обиженный?

Обе сразу: — Ты знаешь, Штерн и Снегуровский убиты.

— Ха-ха! Это слух.

— Как слух? Это напечатано в газете.

— Все равно. Не верьте. Вот вам, читайте.

Он показывает им расшифрованную телеграмму.

Лица обеих девушек проясняются. Только маленькая Ольга недоверчиво:

— А ты нас не надуваешь? Это настоящая телеграмма?

— Ну да, настоящая. Это же от их шпионов. Те- то знают

получше газетчиков.

Ольга опять:

— А вдруг не знают?

— Ах, ты неверующая! Я сегодня же видел Татьянинскую попадью. Она привезла пакет для Ревкома. Все в сопках живы и здоровы. Схватили Пьянкова заложником...

Маленькая Ольга уже не слушает. Большую за руку.

— Бежим!

— Куда?

— Ребятам рассказать, а то все носы повесили, не умеют храбриться, когда надо.

— Ну, идем, идем.

Она сама бы не прочь кричать, чтобы слышал весь Владивосток:

— Штерн жив!

Глава 17-ая

ИЗ-ЗА АМУРА

1. Смоляные запахи тайги

. . . .

Гей не дивуйте, добрые люди
Що на Вкраине повстало —
Там пид Дашёвым, пид Сорокóю
Множество ляхив пропало!..

. . . .

Подбоченился, заломил шапку, оперся крепко на берданку и затянул Грицко...

...Затянул, заходил заунывную про вольную волюшку Каспия, про золото степей, — да про Дон, да про ратную Сечь...

...И поет, катится бархатом тенор Грицко — все про вольную Сечь, да про вольную вольницу.

...Весело, удало, хорошо партизану Грицко, опершись на берданку, козырем выводить, запевать перед дивчатами, перед хороводом.

...И плачут, и разливаются по вишневым кустам, вишневыми пахучими голосами дивчата в деревне Вишневке...

. . . .

Уже давно ночь. Но крепок смоляной запах тайги, и вечеряют партизаны с дивчатами деревни Вишневки.

Кругом, хороводом ходят... А то вон сидят на поляне кружками и поют, поют...

Дивчата вплели в волоса веночки и скалят белые зубы— смехом вкрадчивым, задорным дышат их пунцовые раскрытые, жадные губы, — блеском серых глаз заволакивает партизанское сорви-головье, сердце ухарское, парняцкое...

И ребята не остаются в долгу — крепко мнут медвяную, таежную, упругую девичью грудь... Партизанской хваткой берут они дивчат и весело до утра, до белесых туманов на сопках они целуются по кустам... И смехом медвяницей шумят вишневые кусты в деревне Вишневке, завороженной круторогим серебряным месяцем.

Это партизанский отряд отдыхает между боями — гуляет...

Но заставы чутки попрежнему и не гуляют...

Там идет тихий разговор, простой, крестьянский: ...вот победим, а там отдых и спокойная своя жизнь, и на свободной земле, и свой легкий и радостный труд...

— Но чу?.. — насторожилась застава,

... — По переду Дорошенко...

. . . .

и топот копыт вместе с голосами доплыл.

— Э-э!.. Наши из-под Черниговки... — Начальник заставы спокойно опять ложится в кучку партизан и продолжается разговор.

Это возрашается Иван Шевченко со своей кавалерией с лихого набега.

И оттуда слышно — все ближе и ближе доносится:

... — А по...
... — А по заду Сагайдачный...

. . . .

Що променяв жинку
На тютюн да люльку... необачный...
...Эй!., долыною гей...
Широкою — необачный!.

. . . .

Что им до жинок, когда здесь так много дивчинок — и всякая — крепкая, как репка... таежная, смоляная... Одно слово — партизаны, вольница!..

. . . .

И тянет с сопок и дышит смоляными запахами ночь — таежная, густая, звучная... Такая же звучная, как меткий выстрел партизанского карабина.

2. Партизан Липенко и его рассказ

Далеко за полночь.

Шамов заканчивает последнюю фразу воззвания к колчаковским солдатам:

«...бросайте свои гарнизоны — идите к нам в сопки... в раздолье полей... по селам и деревням вас ждут здесь наши

девушки, чтобы петь вам про свободную, крестьянскую, смоляную, таежную жизнь... А парни — наши партизаны, ждут вас в свои отряды, чтобы с вами, плечо к плечу биться за волю и землю — за свободную крестьянскую и рабочую жизнь...»

Встал, расправляет, вытягивает свои отерпшие руки — хрустят суставы.

Зевнул — спать пора.

В штаб — стуком винтовки и двумя парами ног... входят...

Партизан к нему:

— Товарищ Шамов, с заставы послали — вот проводить в штаб... говорит — партизан... Из-за Амура... кивком головы на приведенного.

Шамов к тому — смотрит, ждет...

— Да, товарищ!.. — Тот просто и прямо на Шамова— из Мошковского я отряда, для связи послан к вам в Приморье.

— Что-нибудь есть у вас?..

— Как же, товарищ... — И новый партизан низкого роста, уже пожилой, в бороде и усах, живо сел и начал разматывать онучи... размотал, покопался что-то и...

— Вот, товарищ!..

Шамов взял лоскут белой материи, на которой была печать и явка Мошковского отряда.

— Липенко — ваша фамилия?..

— Да, Липенко! — И маленькие охотничьи глазки Липенко сверкнули весело, — Липенко, товарищ!.. Амурский партизан... Вот к вам пришел посмотреть, как вы здесь живете, воюете...

— Ничего, не плохо... — Демирский вышел на разговор...

А потом и Марченко — фельдшер, и машинист штаба, и начхоз фронта, — все повылезили — захолонуло партизанское сердце:

Связь пришла, из-за Амура!.. Вот откуда идут!.. Значит, наши дела не плохи... — Каждый думает. И все с любопытством глазами в маленького невзрачного Липенко. Кто он? Крестьянин или рабочий? А больше подойдет — охотник, а еще лучше — настоящий амурский партизан,— хорошо и лег-

ко по-таежному одет— все как-то крепко и аккуратно прикручено на нем.

— Партизан — одно слово, таежник!..

И вот, когда его покормили, Демирский не выдержал...

— Ну, товарищ Липенко...

Тот улыбнулся спокойно, набил свою носогрейку, зажег, затянулся — причмокнул сладко и начал ровно, не торопясь, по-таежному серьезно и крепко свой рассказ, как они там воевали с колчаками и японцами, там, далеко за Амуром...

3. Под белым саваном

...Всем партизанским командирам Амурской области

. . . .

Мошков.

И все.

Много пакли намотано в шпалы, в кладку под мостом... облито керосином, нефтью — все это.

— Ну, живей там!.. — С полотна дороги начальник команды лыжников.

Чирк! — спичка и огонь. Охватило все шпалы, загорелась пакля...

А кругом — снег... и тихо...

И черный густой дым скоро заволакивает всю кладку, и большим костром горит деревянный временный мост из шпал.

— Готово!..

Весело потрескивает костер.

Команда лыжников уходит дальше к следующему такому же мосту...

Это амурские партизаны, в белых халатах, в белых гольдских унтах.

Они неслышно скользят вдоль Амурки и зажигают мосты...

А по станциям железной дороги:

Д-дуу-ду-ду-ду... ду-ду-ду... ду-ду-ду... Гудит фонопор, — мечутся японские коменданты:

— Аната, оой![1]

Но нет ответа — порваны провода.

Горят мосты.

Начальники японских отрядов лишены связи и возможности передвижения, разделены... как в ловушке.

Они тревожно насторожены и посматривают в синь тайги... А оттуда, с сопок двигаются партизаны.

Горят мосты — нельзя подать помощи японским гарнизонам, разделеннным между собой.

. . . .

Благовещенск.

Мечется по кабинету начальник 14-ой дивизии генерал Иши-Зо.

— 317 мостов!.. 317 мостов в одну ночь! Проклятые!.. — кричит он по-японски. И не выдержав: — Сворочь!.. Боршуика... Мошинка!..

—————

Холодная амурская ночь.

На синем бархате вселенной мириады звезд, близкие, белые, огромные, как глаза, которые смотрят на землю и что-то ждут...

Тайга молчит. Лишь изредка треснет где-нибудь столетний дуб, разодранный морозом.

Вот какой холод в амурской тайге.

[1] Эй, вы там, слушайте!

. . . .

Пах-пах-пах... чак-чак... чок-чок...

И опять:

Та-та-та-та-та... тарррр... та-та-та — пулеметом в ответ по невидимому неприятелю, по снежным сопкам.

И дальше идет японский батальон... Третьи сутки уже идет он, все глубже, все глубже в тайгу.

Это по плану начальника 14-ой дивизии Иши-Зо стягиваются кольцом в глубь тайги японские войска для окружения и разгрома партизанских штабов и отрядов.

Двигается японский батальон по снежной целине тайги. А вокруг — редкой цепочкой по флангам идут партизанские отряды лыжников. И не видно их, и везде они... Идут и постреливают. А ночью не дают зажигать костров.

Мерзнут японские солдаты.

А партизаны все постреливают...

. . . .

Чуть утро.

Выглянет... опять спрячется... Выглянет — опять спрячется...

— Что за чорт! — не видит он, что ли?.. Один из лыжников партизан... И перебежал несколько деревьев, прячась, останавливаясь... Вот совсем близко— опять выглянул:

Стоит японский часовой — на белом, желтый неуклюжий с мохнатым воротником, как копна врос в снег, твердо держит винтовку.

Стоит на посту часовой — не шевелится.

Лыжник ближе...

— Гааааав! Гаф!.. — И замер за дубком партизан... Тишина... Чуть выглянул опять — стоит как столб часовой...

— Ну, готов, значит!.. — и бегом на него с винтовкой наготове.

Подбежал, ткнул...

Качнулся часовой — и мягко в снег, как полено.

. . . .

Тук-тук-тук... тук-тук-тук ... тук-тук-тук-тук-тук-тук... По застывшим деревьям тайги палкой стучит лыжник.

Откуда-то издалека донеслось два глухих стука:

Тук-тук...

А потом и вся тайга застучала...

И с сопок отряды один за другим в долину скатываются... Кольцом окружают японский батальон.

Желтые, на корточках взводами японские солдаты спят...

Вот офицеры группой — тесно прижались друг, к другу — спят...

Японский батальон уснул мертвым сном — замерз.

Только вьючные лошади вздрагивают, прядут ушами, озираются... Спит батальон.

. . . .

А через неделю белые сопки... Белым саваном закрыло голые трупы японцев.

Не найти батальона. Снег запорошил все следы.

. . . .

А амурским партизанам что — они не боятся холода... Гольды их одели в теплые мягкие унты, они ходят и посвистывают. Русскому таежному человеку холод — удовольствие: румянец и крепость мускулов.

И ходит он по тайге, да постреливает, да поджидает вот такую звездную, холодную ночку, а под утро...

. . . .

Спит японский батальон, покрытый белым саваном.

. . . .

И есть у партизанов новое оружие и много патронов.

4. И хорошо и плохо

Ночью на запасных путях во Владивостоке много вагонов с Амурки, а вокруг них ходят японские часовые и никого не допускают.

Грузчики на Эгершельде шепчутся:

— ...Навезли мороженого мяса, сами и грузи эту падаль...

И не грузят.

. . . .

— ...Отказываются грузить, ваше высокопревосходительство... — Таро замер. Ждет.

— Хаарррр... тьфу!.. Заставить силой!!.. — О-ой выругался по японски и еще:

— Хар ... тьфу!..

— Неудобно... ваше высокопревосходительство — консульский корпус.

— Уррр... хр... тьфу! — рвет и мечет, выхаркивая О-ой.

. . . .

Грузчики отказались грузить мороженые трупы японцев для отправки в Японию. Так и отказались — не помогла даже высокая поштучная плата, по иене со штуки.

Благовещенск.

Начальнику 14-ой дивизии генералу Иши-Зо... Дальше 20-ти верст в тайгу японским войскам не ходить. Ответственность... на Вас.

Главнокомандующий Экспедиционными Войсками Тихо-Океанского побережья и Д.В.

Генерал О-ой.

. . . .

Сидит в кабинете у себя генерал Иши-зо и скрежещет зубами:

— Боршувика!..

Но у него сегодня есть утешение.

. . . .

Утром сегодня атаман Кузнецов лично был у него.

—-Ваше превосходительство, вождь партизанских отрядов Ямурской области большевик Мошков сегодня при попытке бежать застрелен конвоем... — И в казачьи усы Иудина улыбка.

— Аригато![1] — Мертвое желтое лицо японского генерала — чуть огонек в глазах.

Больше ничего.

Глава 18-ая

ДОЛЛАРЫ И ЦВЕТЫ

1. Вильсон и партизаны

Кабинет Вудро Вильсона.

Секретарь. Нажим кнопки. Следующая бумага.

Секретарь читает:

Доклад генерала Грэвса. Партизаны. Их много. Ряд неудач. Что делать?

Вудро Вильсон:

— Ответьте: и им и нам. По-хорошему. Нам больше.

Секретарь пишет:

«Временно придерживаться дружелюбной политики по отношению к партизанам».

---

[1] Спасибо.

Бумага с резолюциею летит (по Синклеру) в 42-ой этаж. Оттуда в 29-ый. Опять в 37-ой, вниз. Десять пальцев миловидной девушки нажимают механический пресс:

...В узком цилиндре подземной почты послание Вильсона летит на пароход.

–––––

Генерал Грэвс сидит в плетеном кресле и слушает, как переводчик знакомит его с общественным мнением Владивостока по скудным данным «Голоса Родины».

Генерала главным образом интересуют кражи, убийства и передовая статья.

«Сколько потенциальной энергии в этом народе! — думает генерал. — Но абсолютное отсутствие техники это возмутительно!»

— Господину генералу, срочно. Пакет:

Штаб Американских экспедиционных войск.

Генералу ГРЭВСУ.

Владивосток.

Генерал расписывается в получении пакета и немедленно распечатывает его.

Это письмо Вильсона.

Генерал читает, и философский взгляд его зацепляется за кончик его желтого ботинка.

— Дружелюбную... Гм... Хорошо!

–––––

2. В кабинете маски

— Я предпринял все, что мог.

— Безрезультатно?

— Да. Вторая часть документа безследно исчезла.

Таро возмущен.

— Чоррт! Неужели при наличии нашего аппарата разведки нельзя было найти эти проклятые лоскутья. Из-за них погиб генерал Сизо... О-ой требует...

— Я использую последнее средство...

— ?

— Я поищу документ у американцев.

— Это идея! Действуйте.

— Вы должны мне дать возможность проникнуть в американский штаб.

— Иес! Вам будут поручены переговоры, касающиеся некоторых концессий. Под этим предлогом вы можете иметь дело с генералом Грэвсом, майором Ходжерсом и другими.

Когда дверь за Таро закрывается, маска вынимает блокнот и пишет:

Москва ВЧК.
Дайте более конкретные директивы относительно американцев.
Дроздов.

3. Поездка к туземцам

Важно пыхтит округлая гондолочка — четырехместный автомобиль майора Ходжерса.

Столь же важно попыхивает черной манильской сигарой и сам майор Ходжерс.

И вероятно не менее важно бьется и майорово сердце, спрятанное где-то выше округлого чинно колыхающегося

живота.

Три прочих мистера, находящихся в автомобиле, настроены не менее важно... У их ног камеры фотографических аппаратов и какие-то тщательно завернутые округлые цилиндры.

Это — ручные гранаты.

Ни в экспедицию за страусовыми яйцами, ни в исследование гробниц фараонов, — мистеры не едут. Они едут в Свиягино для переговоров с партизанами.

— Нам нечего опасаться, — успокаивает майор своих спутников.

Однако, наружное спокойствие майора не мешает трем пальцам его правой руки спустить предохранитель револьвера, спрятанного в кармане майора.

В хорошо блиндированном броневике американцы приезжают в Свиягино.

Оттуда, по ветке, верст двадцать, около Белой Церкви назначено место переговоров.

Важно высаживаются американцы. Местным жителям не каждый день приходится любоваться таким зрелищем.

Старый Мартын, железнодорожный будочник, объясняет своей дражайшей половине:

— Американцы хорошие люди, что и говорить...

...Однажды кто-то проездом бросил ему полбанки сгущенного молока.

4. Доллары и цветы

На полянке у опушки леса — место переговоров.

Партизане стараются сохранить серьезность, но это удается трудно. Важность мистеров их смешит.

Штерн, занятый военными операциями в Сучанской долине, не успел сам приехать на переговоры и поручил их начальнику отряда Возному — ближайшему в районе свидания с американцами.

...Нет переводчика. Американцы совсем упустили это из виду. А во всем партизанском штабе только один из городских — самоучка Смирнов — знает немного по-английски.

— Тащи его сюда.

Партизаны бросаются искать Смирнова. А он, пользуясь свободным временем, у ручейка разделся, разлегся на солнышке, и нет ему дела до каких-то американцев.

— А ну их!

— Возный приказал.

Смирнов, что-то ворча, встает и с явным недовольством начинает одеваться.

_____

. . . .

— Принципы американского народа, — это прежде всего принципы гуманности и миролюбия — говорит майор Ходжерс.

Он напрягается, чтобы вложить в свои слова побольше чувства.

Он напрягается очень, ибо американцу говорить с чувством не так-то легко. Но дипломатия вообще вещь не легкая...

— Насчет миролюбия говорит, — попросту переводит Смирнов.

— Чтож, скажи им, что мы тоже не прочь — отвечает Возный. Пусть только не мешают.

Смирнов что-то говорит по-английски, делая огромнейшие паузы. Повидимому, недостающие в его лексиконе слова он заменяет другими, более или менее схожими.

Мистеры укоризненно качают головами. Затем Ходжерс опять напрягается и произносит:

— Американский народ согласен во всем итти вам на встречу. Мы дадим вам обмундирование, галеты, медикаменты...

— Снабжать нас обещают, — переводит «переводчик».

— Чтож, и это хорошо. Спроси, бесплатно или за деньги.

— ...Мы просим только не беспокоить средства сообщения, — продолжает Ходжерс. — Не разрушать дороги, не взрывать поездов...

— Говорит, чтобы мы в сопках сидели и поездов не трогали — об'ясняет Смирнов.

Партизаны хохочут. Возный:

— Тише там! — К переводчику:

— Скажи им, что мы не будем трогать участка дороги, охраняемого американскими войсками, только при том условии, если на этот участок не будут допущены Калмыков и прочие. Если поездами не будут пользоваться наши враги для передвижения своих войск.

— Американские экспедиционные войска примут все зависящие от них меры... — заявляет Ходжерс.

— Тогда пусть дают галетов! Мы согласны!

Мистеры оживленно переговариваются. Видно, что они в восторге от достигнутых результатов.

Ходжерс выпячивает грудь и начинает произносить, повидимому, весьма содержательную и прочувствованную речь.

Переводчик, вначале прислушивающийся, скоро машет рукой:

— Одним словом, приветствует нас, — дает он конспект речи майора.

Майор же, сам расчувствовавшийся от своей речи, опускает руку в карман, что-то ищет, пока, наконец, не вытаскивает чистенький новенький доллар.

Переводчик настораживается.

— От имени американского народа примите этот доллар в знак нашей дружеской поддержки и миролюбия.

— Подарочек вам, товарищ Возный, в память, значит.

— Скажи спасибо. Только что же им в обмен дать? Эй, ребята, кто там! Нарви цветов для американцев.

Человек десять партизан бросаются рвать цветы.

Ходжерс, закончивший свою торжественную речь, садится на пень. В эго время один из партизанов кладет ему на колени огромную охапку полевых цветов.

Возный к переводчику:

— Вот. Скажи им, что это от нас. Тоже в память.

Непонятно и долго вымучивает переводчик, но видно что все мистеры «растроганы»…

— Я вам сказал, — говорит Ходжерс на обратном пути своим спутникам. — Это самый глупый народ. Я всегда был уверен в их миролюбии.

И с облегчением майор Ходжерс зажимает предохранитель своего кольта.

5. Тайна маски

В комнате Ильицкого в американском штабе Ольга. Разговор вполголоса:

— Майор Ходжерс остался очень доволен переговорами. Буржуи братаются с партизанами.

— Интересно, что из этого получится.

— О! Американцы всегда умеют оценить положение. Они…

Кто-то, легко постучав, открывает дверь.

— Простите, мне к генералу Грэвсу.

— Генерал только что уехал… — Ильицкий не договаривает. Вошедший в упор смотрит на Ольгу. Ольга на него. Потом:

— Андрей!

— Ольга!

— Вот неожиданность!

— Откуда?

Они пожимают друг другу руки. Ольга к Ильицкому:

— Это Дроздов, мой земляк. Будь знаком.

— Что же вы тут к генералу Грэвсу? — с удивлением спрашивает Ильицкий, пожимая протянутую ему руку.

Дроздов наклоняется к обоим и полушепотом:

— Дела ВЧК.

— А! Вот оно что. Как же вы познакомились с генералом Грэвсом?

— Через Таро. Я с ним тяну тут волынку насчет одного документа.

— Документа? — восклицает Ольга.

— Да. Документа, касающегося белых. Одна половина его уже имеется у меня, и я хочу при помощи японцев разыскать другую.

Ольга порывисто хватает его за руку.

— Значит, человек в маске это ты?

— Откуда ты знаешь?

— Один наш парень тебя уже выследил. Вторая половина документа имеется у него.

— Как? В самом деле?

— Да, да.

— Тогда нечего мне тут с Грэвсом возиться. Едем к твоему парню.

Все в восторге: наконец-то тайна документа будет раскрыта.

Глава 19-ая

КОРЕЙСКИЙ ОТРЯД

1. Ким‘ы

— Сколько у вас Ким'ов,— оборачивается Штерн, передавая приказ начальнику Корейского отряда.

— Много, товарищ Штерн! — Тот улыбается.

— Как у нас Ивановых, — смеется Баев.

— Дрались вы хорошо, товарищ Ким... — Штерн повернулся к нему совсем, — как настоящие партизаны-революционеры... Только... учить вас надо, дела военного совсем не знаете...

— Верно, товарищ Штерн...

— Ну, дело поправимо — я вам инструктора дам. А вот насчет политического просвещения вы уж сами как-нибудь наладьте работу, а с чем не справитесь — вот вам верный помощник... — Штерн на Баева.

— Я уж сговорился с товарищем Харитоновым.

— Ну, и хорошо.

— У нас это дело теперь наладится... — Ким запнулся.

— А что? — Штерн на него.

— Один кореец из наборщиков достал нам шрифт... — бронза Ким'овых скул засияла: — газету свою будем выпускать...

— Хорошо... Только откуда этот кореец, наборщик?..

— Из Владивостока... Да и в Сеуле он работал, свой.

— Надежный?

— Совсем... Я даже явку на его брата в Никольске устраиваю...

— Ну, твое дело...

―――――

Губы младшего Ким'а оттопырились, и за кисточкой, обмакиваемой в тушь, они то раздвигаются, то вытягиваются, описывая соответствующие эллипсы и дуги такие, что ложатся на лист корейской партизанской газеты. Ким младший ее иллюстрирует каррикатурами на японцев...

— У-у, макака... — выдувает Ким из трубообразно сложен-ных губ. А потом:

— Не нравится мне Цой...—тихо по-корейски добавляет он. — А ты его еще назначил начхозом отряда...

— Он дрался с японцами, как пантера... Что ты на это скажешь? Он принес нам типографию... — разве это мало?

— А все-таки... что то он не умеет глядеть на солнце...

— Ты очень недоверчив, брат.

— А разве это плохо?..

— Знаю...

— Когда среди наших бедных рабов столько предателей ...

— Знаю...

Цой дрожит, прижимается к пряслу — глаза мутнеют, и где-то внутри их чуть блеснул свет и потух... — боком протискивается в калитку и пропускает мимо себя телегу, на которой сидит возница отца Павла. — А потом вдруг как-то неожиданно кричит:

— Эй, ты, слепой. Что не смотришь... — и к вознице — толкает его кулаком в грудь, потом дергает его и, покрутив еще рукою в воздухе, плюется.

Тот выезжает из двора анучинского попа и спускается в долину на Никольский тракт.

Цой идет к отцу Никодиму.

— Моя нада вози хлеба... — кричит он попу в окно со двора, — телега нада... штаба приказал... — бери моя...

И идет под навес к дрогам.

Поп раскрывает рот и хочет выругаться совсем не по-святому, но чья-то мягкая ладонь ему на рот..,.

— Успокойся, отец Никодим... за терпение бог воздаст вам сторицею, — отец Павел сзади.

— Угу... Э-э... — урчит отец Никодим, ничего не понимая.

А за околицею, уже на тракту, далеко за Анучино, возница копошится у себя за пазухой, а потом вынимает оттуда маленький комочек бумаги. Развертывает его. Читает. Злобный огонек в глазах, а глаза в сторону Анучино...

— У-у... боршуика! — сжимает кулак возница.

Это — капитан Нао.

2. Эстафета

— ... Доехав до станции Куаньченцзы, ты пройдешь в поселок и в опиокурильне Тын'а увидишь нашего брата Пэ-и.

Пусть он едет дальше в Сеул, — закончил Ким инструкцию посланцу корейского партизанского отряда.

Ким встал, достал из походной сумки сверток и вынул из него корейские туфли.

— Одень. А в Куаньченцзы отдашь их Пэ-и. Пусть в них едет. Теперь иди.

Лю — посланец — утвердительно кивнул головой, одел туфли и вышел.

Ч-чах... ч-чаххх... чшшшш...

Дан-н-н...

Куаньченцзы. Пассажиры суетливо выходят из вагонов. У площадок стоят японцы, пытливо всматриваясь в каждое лицо.

Из вагона II класса выходит солидный японец, сыщики почтительно расступаются, а за японцем идет Лю, неся чемодан. Японцы, пропустив их, снова пытливо смотрят в вагон.

Лю оглянулся и презрительно сплюнул.

— Макака!..

Затем, поставив чемодан на нанятого японцем рикшу, легким шагом скрылся в проулках.

. . . .

Опиокурильня Тын'а на самой окраине поселка. Большая фанза занавесом делится на две комнаты. Первая, маленькая, устлана цыновками, а вдоль стен низенькие столики для чая. У входа сидит Тын — хозяин — старый сухой кореец с реденькой козлиной бородкой. Он безучастно, с совершенно неподвижным лицом, получает деньги, выдает трубки с опиумом бойкам и следит за угощением.

А в соседней, большой, — сизый, одуряюще-пряный дым окутывает гостей. Всюду на цыновках лежат или сидят, мерно покачиваясь, еще не уснувшие гости, а между ними

безмолвными тенями мелькают фигуры прислуживающих.

В глубине на цыновке сидлит Пэ-и. Сегодня, как всегда, он пришел ждать вестей от Ким‘а, а попутно выкурить трубку, уносящую в царство грез...

— Пэ-и! — голос справа.

— Слушаю.

— Ты уже курил?

— Нет. Что нового, Лю?

— Получил письмо от отца. Скоро праздник Луны, и моя сестра Сан зовет тебя приехать в Сеул.

Пэ-и повернул голову и посмотрел на говорившего. Затем встал, и оба вышли.

— Когда ехать?

— Сегодня.

— Хорошо.

— Ты поедешь в моих туфлях. В Сеуле передашь их нашим.

— А ты будешь ждать здесь?

— Да.

Обменялись туфлями.

— Прошай.

_____

Пэ-и ушел, а Лю через минуту погрузился на его цыновке в сладкий сон после третьей затяжки опиума.

Ночь. Поезд мчится к Сеулу.

Через вагоны, грубо расталкивая сбившихся в проходе корейцев, идут два японских жандарма. Скуластые, лоснящиеся физиономии «господ» презрительно бросают в толпу ругательства.

У выхода на площадку стоит Пэ-и.

Жандармы подходят.

— Прочь! — и звонкая пощечина гулко раздается по вагону.

Пэ-и не шелохнулся, только сжавшийся кулак выпрямился, и передний японец с разбитой скулой покатился на пол

вагона.

— Собака! Раб!..

Пэ-и на площадку...

Навстречу:

— Куда? Стой?

. . . .

Три пары рук сковали тело Пэ-и, хриплый крик из сдавленного горла, и через минуту в открытую дверь вагона с площадки падает тело корейца...

Поезд дальше.

А кругом... Ночь. Серебристый диск луны медленно поднимается по небосклону. Холмы громадными шапками угрюмо прижались к земле, и без счета сплошным огненным морем по всей безбрежной степи горят священные костры, вокруг которых тысячи теней, тысячи корейцев, протягивая руки, молят дочь солнца сбросить с них рабство...

Сегодня праздник Луны.

3. Маковое раздолье

Когда цветет мак — вся Улахинская долина заливается красным маревом. А кругом под сопками фанзы китайских чао и пыи корейских уруг.

Еще они садят здесь табак и кукурузу, а ближе к Никольску и Пссьету даже рис.

Теплый, туманный, мягкий, благодатный край... Недаром же здесь родится пьяный хлеб, а вот все остальное желтое, восточное, произрастает хорошо.

. . . .

Уже цвет опал.

Большая зеленая головка мака, а вокруг нее тонким двойным лезвеем, как бритвой, — черная маленькая правая рука проводит поперечные полосы — надрезы. Левой — она подставляет глиняную чашечку, в которую ловко счищает с головки маковые слезы — сок из надрезов. Это — мякоть будущего опиума.

Маленькую девочку-кореянку не видать из-за огромных стеблей мака. А по полям их ходят десятки и сотни.

Кореец старик, в соломенной конусообразной шляпе, сидит у фанзы и попыхивает в свою длинную трубонку, флегматично наблюдая за работой.

Это последний срез. Скоро будут косить. А у иных уруг уже скосили — раньше было засеяно.

Солнце жарко и не шелохнут маки.

—————

Синие повязки на головах.

Одноглазый Лифу смотрит на бумагу с японской печатью.

Хунхузский отряд раскинулся по скошенному маковому полю. Хунхузы зарылись в мак и отламывают сухие головки от стеблей, скусывают чашечку головки, а потом трясут в рот, стукая о зубы... И сыплется мак из головок.

Уже неделю не давал хунхузам старый Сын-Фун-Ли опиума: — вышел, говорит, весь, надо итти брать у корейцев...

И вот пошли...

А пока заменяют опиум маком. Наедятся и будут спать до ночи, а там...

Кругом коричневые скошенные поля мака — сухие и пьяные.

И мирно, как пчелы, работают корейцы на своих уругах.

4. Сеул

Древний Сеул, столица Кореи, просыпается.

Яркое утреннее солнце радостно стелет ласки своими лучами на рисовые поля, безбрежно развернувшиеся вокруг города. Белые корейские домики кажутся сдавленными большими зданиями японских правительственных учреждений, а древний замок корейских князей, стоящий около Сеула, будто выкинут за черту города победителями с островов.

По еще безлюдной улице Сеула идет нищий. Бессильно свисает его левая рука, а правой он опирается на палку. Медленно подходит он к корейскому домику.

Тук... тук-тук...

Спят. Настойчивее:

Тук... тук-тук...

Из дома:

Тук... тук-тук...

Нищий оглядывается.

Никого.

Безшумно раздвигается дверь.

— Войди!

Молодая девушка подозрительно оглядывает пришельца...

— Пэ-и! Ты? Мой господин. Что с тобой?

Нищий, обессиленный, упал со стоном на цыновку:

— Туфли... передай... Ихо-Сан...

Старый кореец вышел из-за ширмы.

— Кто пришел?

— О, отец! Пэ-и пришел... оттуда. Принес туфли, а сейчас... умер...

Старик нагнулся и осмотрел корейца.

— Ничего, будет жить. Промой ему раны и дай вина. Туфли принеси мне. Выйди и посмотри, нет ли кого около дома.

—————

— Ли, дай нож. Притвори, как следует, дверь и будь осторожна.

Старый Ихо-Сан взял нож и осторожно стал надрезать туфли.

Между подкладкой и верхом туфли на узкой ленте четкий шифр:

> *«Начальник… корейского… партизанского отряда… старшему… брату… Сеул…*
>
> *Партия наших в тридцать человек прибыла 17 июня благополучно. В последних боях с японцами нам удалось отбить большой обоз с вооружением. В бою уничтожили 250 человек японской пехоты. Мною расстрелян взятый в плен собака — Моцумато тот, который предал в Сеуле наших братьев..»*

Глаза Ихо-Сана блеснули довольным огоньком.

Дальше.

> *«Через русскую границу установили связь. Сообщаю, что явка в Никольске на брата Цой. Пароль, как уговорились».*

— Явка на Цой? Цой — предатель, и они не знают об этом… Ли!

— Что, отец?

— Когда едет в Чаньчун Каиуура, госпожа нашей маленькой Киу? И едет ли девочка с нею?

— Да. Они едут через три дня.

— Пойди сейчас и позови ее ко мне.

— Господин, можно войти?..

— Да. Здравствуй, Киу… Скажи, сможешь ли ты выполнить мое поручение в Чаньчуне, но так, чтобы никто о нем не знал… Это поручение будет от меня одному из моих зна-

комых в Куаньченцзы для закупки опиума. Ты должна будешь пойти к Тын'у и найти у него Лю. Скажешь ему, что Ихо-Сан просит передать письмо. А кому — Лю знает. Разговаривать с ним ты должна так, чтобы никто не видел и не слышал вас. В особенности будь осторожна с Тын'ом.

Киу, ты маленькая девочка, но я знаю, что ты любишь старого Ихо-сан и сделаешь все очень осмотрительно.

Если, когда вернешься, госпожа Кацуура будет спрашивать, где ты была, скажешь, что ходила за кимоно к своей подруге.

— Хорошо, господин, я исполню твое поручение.

— А когда ты вернешься обратно, я подарю тебе красивый пояс. Возьми вот этот пакет. Это то, что нужно передать Лю. Спрячь его как можно дальше, чтобы никто, никто не видел. А теперь можешь итти.

―――――

И опять ночь...

Снова поезд летит на север к Мукдену и дальше, а древний Сеул — столица рабов — тонет во мраке ночи среди степей рабской Кореи.

5. Факелы

— ...Сообщи Нао, что приказание его исполню: отряд будет на шестое солнце в Белой Церкви — там его можно захватить ночью в плен или перебить весь.

— А как тебе дать сигнал... — басистый тихий голос из тьмы.

— Ракетой. Я буду поджидать... Я встречу и проведу.

— Дело!.. — бас крякнул.

. . . .

Ухо от переборки отклеилось. Беззвучно, ощупью тень в окно, а там в тайгу...

. . . .

— Ну -у... чо-чо... — выехал с постоялого двора за отрядом Цой. А тайгой, впереди него, догонял отряд младший Ким.

_____

Высоко в утреннее тихое небо черными столбами из тайги смоляной дым. — Лётом идет корейский отряд на пожарище.

Вот уже и совсем близко — сквозь лес видны белые фанзы-уруги... Доносятся крики и выстрелы.

Бегом, раскинувшись широким полукругом, подходит корейский отряд. Остановились, залегли и...

Таррр-ах... — разнобойным залпом в кучу синих повязок.

Но одноглазый Лифу не растерялся, — быстро в цепь рассыпает отряд, и ответным огнем заговорила тайга.

А старые сосны еще сильнее задымились — и страшный вой из тайги вместе с дымом в тишь и синеву неба...

— Куарры... туы... — взвыл старший Ким и бросился к соснам, прямо на хунхузов. За ним весь отряд.

Зубами, прикладами дрались корейцы, — как пантеры...

Не выдержал старый хунхуз.

— Спасай опиум... — крикнул он по-китайски своему Сын-Хун-Ли. И хунхузский отряд, отстреливаясь, скатился с пригорка к речке, а там через тракт в тайгу...

Ким не преследовал их. — Отряд бросился спасать деревню и горящих людей.

Жжжжжиии... шшшии... — шипит тело гарью и мясом паленым со смоляных сосен на Ким'а... Он к крайнему дереву.

— Братка мой... — стоном с горящего дерева...

. . . .

Сняли всех. Только старый Тиу умер раньше всех, а другие умирали.

На улице, в фанзах стонали и тихо плакали кореянки девушки, всхлипывали, изнасилованные хунхузами.

Маленькая Лие держала младшего Ким'а за руку и не могла поднять глаз — она молчала.

Младший Ким все понял.

. . . .

Так!

— Ты что смеешься, собака... — прикладом по голове еще.

Цой свалился с телеги, но быстро вскочил и...

Тахх. — В упор в младшего Ким'а.

— А-а-а... — Ким пошатнулся, но сдержался... К нему бросился партизан, а старый Ким уже связывал Цоя.

— Готово... — привязать его к сосне... — скомандовал партизанам.

— Ничего, братку. Пуля прошла под ключицу... Ничего... — и он помог Ким'а уложить на телегу.

Тут же с белыми закушенными губами уже стояла маленькая Лие — невеста младшего Кима. Впрыгнула на телегу и к раненому Ким'у. Маленькой ладонью на жесткую щетинистую голову Ким'а, а глазами впилась в рану...

— Что с ним делать? — подошел Ким к телеге.

— Он японский шпион, брат... Я знаю... Я слышал — он сговорился с русским попом... нас предать...

— Где... когда... — Ким насторожился, наклонившись к младшему Киму.

Но в это время верховой в'ехал в деревню и прямо к нему.

— Лю... ты вернулся. Что привез...

— Вот... от Ихо-Сана Пэ-и послал тебе пакет...

. . . .

Начальнику корейского партизанского отряда, старшему брату Ким'у.

... Немедленно ликвидировать явку на Никольск к Цой. Цой — предатель. У нас есть точные проверенные сведения: — посланный морем второй отряд схвачен японцами в Посьете по доносу Цой. Нами было послано вам сообщение об этом в начале июня и, вероятно, донесение перехвачено. Цой имеет в Никольске связь с японским военным атташе.

К исполнению:

1. — Уничтожить явку в Никольске.

2. — Уничтожить предателя Цоя.

3. — Явку установить в урочище Полтавка.

4. — Посылаем морем третью партию в двадцать пять человек в середине июля. Высадка будет в бухте Чень-Ювай.

5. — Передать благодарность нашему брату Штерну.

Корейский Ревком, г. Сеул.

. . . .

— Ты прав, братка. — И он еще ближе наклонился к младшему Ким'у. — Цой предатель: вот пишет старый Ихо-Сан. Надо скорей итти к Белой... А потом в Анучино.

. . . .

Оставив небольшую заставу, на утро отряд спускался в долину.

На пригорке одиноко горела сосна, а на ней Цой. Визг его долго раздавался по лесу... А дым тихо уходил черными клубами в небо.

Корейские партизаны шли и оглядывались.

— Ну, мала-мала молись... собака.

Отец Павел белками глаз повел по сторонам. Стал на колени. Не выдержал — грубо изругался...

Чак!.. — в упор выстрелили два партизана из винтовок попу в голову. Череп сорвало: на траву — слизью мозга и крови...

И все.

. . . .

— Товарищ Штерн... докладывает об экспедиции начальник корейского партизанского отряда, старший Ким. А сбоку от пояса у него блестит серебряная цепь, снятая с поповского креста: он ее прицепил к кольту, взятому у убитого хунхуза.

— Хороший шнур!.. — кто-то в штабе шутит.

. . . .

А в это время маленькая Лие в анучинском лазарете ухаживает за младшим Ким'ом.

Доктор Малевский посмотрел и сказал:

— Не опасно!..

Глазенки маленькой Лие запели.

Глава 20-ая

ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

1. Одновременно

На Тетюхэ.

И Ольгинская история повторилась в Тетюхэ.

Только там было в марте, а здесь — в июле...

Вся и разница.

–––––

Четвертые сутки уже не спит гарнизон белых в Тетюхэ — карательный отряд, посланный Розановым.

Пустил их Серов мирно, ни одного выстрела...

А потом —

— Нет! Это чорт знает, что. Разве можно так воевать?.. Не знаешь, откуда в тебя стреляют... Где тебя ждет глупая смерть...

— И от кого?.. От бандита ... — поддакивает, чеканя зубами, ад'ютант штаба карательного отряда.

— Э-э. Все равно — от кого... Факт — смерть... Глупая, как всякая смерть... Не на поле брани, а откуда-то из кустов... Из-за забора... Из-под пенька, из-за камня... через окно... Чорт знает еще, откуда... — и полковник возмущенно вскидывает кулаки.

Громко стуча каблуками, он ходит по комнате.

— Как парии — сидим без огня по ночам... Вот уже второй день без горячей пищи — на консервах... Я на германском фронте за все четыре года один день не ел супа... Вы понимаете — за четыре года... На мировой войне... А здесь... — машет рукою, ходит. И опять: — треть отряда уже перебита и... никого не видали — нет неприятеля...

— Да, здесь, господин полковник, и бабы-то ихние хуже всяких «неприятелей», то и гляди, чем-нибудь отравят...

— Ну, бабы, как бабы — верные бабы... Вон немки в начале войны какие нам свиньи подкладывали... Патриотизм у них тоже... Свой, должно быть...

— Сопочный... — хихикнул ад'ютант...

. . . .

Стемнело.

Входит в штаб офицер.

— Господин полковник, разведка возвратилась: двое убитых, одного принесли раненого... Никого оцепить не удалось... Стреляют отовсюду... Вот слышите... — опять...

Чеок... чеок...

— Это по южной разведке — там еще опаснее — скалы... совсем нельзя проходить...

— Ать, чорт... Трое выбыло из строя... Опять...

В темноте.

— Нужно пополнение, господин полковник.

— Ад'ютант, пишите!

В темноте вынимает полевую книжку...

... — Командующему Приморским военным округом генералу Розанову... — диктует полковник.

— Темно... ничего не видать... Нельзя ли огонь зажечь... — робко, сам колеблясь, спрашивает ад'ютант...

— Зажигайте!

Зажгли.

— Ну, написали?

— Да.

— ...нужна помощь. Третьи сутки ведем операцию окружения партизан... Успеш...

— Дзань... дзаннь... дзаннь... — в окно три пульки.

— Ай, — схватывается за плечо ад'ютант.

Без звука падает офицер, только что пришедший с разведки.

Полковник прихлопывает лампу, разбивая ее сапогом.

Тьма.

— Будь ты проклят!.. Вот стрелки... — полковник взволнованно кричит в соседнюю дверь: — Санитара...— Потом: — Нет, я больше не хочу... сидеть в этой проклятой клетке и ждать, пока эти собаки тебя не подстрелят, как куропатку...

— Нет... — К ад‘ютанту на полу: — вы еще живы, ад'ютант?

— О-ох ... — стонет ад'ютант под лавкой.

— А вы, поручик... — нет ответа... Чорт... Должно-быть, убит... — Волнуясь, торопясь: — Нет, я не могу... Я сейчас сам схожу на радио... Надо скорее... Ординарец...

— Есть, — из тьмы.

Уходят.

_____

А на утро пароход Чи-Фу, продырявленный меткими пулями стрелков отряда Сергеева, утекает в густом дыму своих

котлов; а на нем — и весь уцелевший «карательный отряд» полковника.

Удирает во Владивосток.

_____

На Сучане.

— Почему на этой шахте нам ожидать подхода других отрядов. Ведь, кажется, полковник Враштель говорил — внизу, у ст. Фанза?.. — один офицер другому.

— Здесь в приказе ясно сказано...

— Ну, ясно, так остаемся... Составь!.. — командует он отряду.

Отряд располагается у шахты № 3, как раз под средней штольней в выемке, под обрывом...

А ночью...

У-у-ухх... — и зашаталась глыба, и ухнула, и завалила отряд.

Карательный отряд, посланный Розановым на Сучан, погиб. Ловко сделали шахтеры из отряда Грача, направленные туда по специальной директиве Штерна.

. . . .

— Есть, товарищ Штерн!.. — несется забористое Грача по телефону из Фроловки в Анучино.

— Есть, с’едят-те мухи !..

2. Под Прохорами

Есть и другой Иван, Иван Шевченко, Сла̀вянский..

. . . .

Ночью Снегуровский у телефона слушает приказ Штерна:

В а ш л е в ы й ф л а н г с о с р е д о т о ч ь т е у д е р е в н и П р о х о р ы: т у д а б у д е т д в и н у т к о л ч а к о в с к и й б р о н е в и к и з С п а с с к а н а п о м о щ ь И п п о л и т о в к е. В с т р е т ь т е, н е п р о п у с т и т е...

— Есть, товарищ Штерн.

И скачет на левый фланг ординарец с эстафетой к Ивану Шевченко, временно командующему левым флангом Яковлевского фронта.

. . . .

— Есть! — говорит весело Шевченко, — ребята — Полищук... Кобзарь... Приготовьте подрывные снаряды, живо...

И чуть рассвет — отряд уже лежит в седловиной сопочке. А Иван Шевченко сбежал на будку к мосту и возится — минирует мост с подрывной командой. Готово.

Охрана моста давно снята, еще когда было темно. Теперь все «благополучно».

Залегли. Ждут броневик.

— ...Господин полковник, срочное распоряжение генерала Розанова выйти броневиком на ст. Мучная.

Полковник Стрепалов думает:

«Да. У меня сказано было во вчерашней шифровке — выйти девятнадцатого... а сегодня».

— Семнадцатое.

— Раньше на два дня...

— Наверное во изменение приказа...

Трын... трррын...

— Алло! Начальник гарнизона... Кто спрашивает?

— Майор Ватанабэ...

— А-а! Господин майор... Чем могу служить ?.. — и лицо Стрепалова в благоугодной улыбке у телефона.

— Я... броневик... хотцу... Ипполитовка... распоряжение... Владивосток... Штаб.

— А-а-а... — значит, правильно... И у меня распоряжение Владивостока на Мучную.

— Да... Я посылаю... Уже...

— Я сейчас же, господин майор... Вместе...

— Хоротцо!..

_____

Из-за цементных сопок по равнине выползли две черных ленты, вот ближе... Дымок застилает, окутывает насыпь дороги... Еще ближе — все теперь уже ясно видно... Броневики.

Впереди — японский... на передней площадке часовой, японец.

Солнце на красном околыше фуражки и на штыке горит... Ясно, далеко видно.

Вот вкатывается броневик на мост.

И — взрыв:

Гулом оглашаются горы и дымом заволакивается на миг мост.

Высоко над дымом взлетает часовой, японец, и, лягушкой перевернувшись в воздухе, падает вниз, за мост прямо в реку —

Бух... и даже пузырей нет.

Из бойниц броневика открывается пулеметный огонь...

— В атаку!.. На броневик... — кричит Борисову, начальнику отряда, Шевченко, а сам...

. . . .

Броневик белогвардейцев спешит на выручку — пролетел будку... Остановился — затрещал пулеметами... Ухнула трехдюймовка...

Но сзади ничего не замечает...

. . . .

А там —

балластный поезд идет в Мучную... Машинист увидел броневики — застопоривает паровоз и только хотел дать свисток, как к нему в будку с наганом в кожаной тужурке кто-то:

— Я Шевченко!.. — Долой с паровоза... Живо...

Кубарем валятся кочегар и машинист на насыпь.

А Шевченко на регулятор — пар во всю и полный ход — на броневик...

А сам соскакивает.

Тарр-рах... Что-то ухнуло... Громыхнуло, загремело, сталкиваясь, ползут друг на друга вагоны. Смяло белогвардейский броневик. Свалило с рельс броневую площадку. И вся эта куча на японский броневик— и вдребезги — только обломки и груды мусора.

У-ух... — взрыв котла одного из паровозов. И пламя — огромный костер...

— Назад... Отставить атаку... — хрипло надрываясь, кричит Шевченко, подбегая к цепи, уже близко надвинувшейся к горящим броневикам.

— Довольно и этого!.. — кричит он Борисову.

— Есть...

У Ипполитовки.

В ту же ночь, под утро.

— Это Спасскому району на закуску — не велено трогать.

— Почему? — Зарецкий скрипит зубами, с завистью посматривая, как уходит из-под носа эшелон колчаковцев в сторону Мучной.

— Таков общий план: — и Харитонов плотнее закутывается своей шинелькой, крепко прижимаясь, влипая в полотно, — вот наша цель... — рукою на станцию Ипполитовку.

— Знаю!.. Да и это жаль — упустили...

— Ничего, наше от нас не уйдет...

. . . .

И засвистела трава, и захрустел валежник, и запели пули...

— А-а-а-а-а-а!.. — атака цепью к станции, водокачке — к теплушкам ...

А там — в рукопашную в самых вагонах, на нарах, штыками друг в друга...

Только хруст...

На водокачке засело трое японцев... — никак не подойти...

Но нашлись смельчаки: двое партизанов туда, во внутрь по лестнице наверх штыками подковырнули и вниз:

Шлеп — мешками три японца на гравий...

А Зарецкий:

— Урра!!. — и цепь на станцию повел...

. . . .

Взята станция.

А к вечеру этого дня сводка в кабинете у Таро:

Ипполитовка: — 73 японца («весь гарнизон станции» — пометка рукою Таро).
— 28 колчаковцев.

Мнет, кусает губы Таро — надо скорее итти на доклад к О-ой.

3. Секрет успеха

Штаб Розанова работает энергично. Не столько штаб, сколько сам Розанов:

— Раздавить партизанов! Истребить...

Энергично работает и ад'ютант Розанова Либкнехт. Отправка приказов генерала исполняется со всей точностью и аккуратностью.

— Приказ полковнику Стрепалову отправлен? — спрашивает Розанов.

— Так точно, ваше превосходительство. Выйти 19-го с броневиками.

— Хорошо. Пошлите приказ Эвецкому. Временно остановиться на станции Мучной.

–––––

Либкнехт смотрит в свою книжку, что-то соображает. Потом пишет приказ Эвецкому:

«Немедленно двинуться из Мучной на Черниговку, Лунзу и Мещанку».

Главнокомандующий генерал Розанов.

Ст. Мучная.

В тот же день быстро из эшелона сгружен отряд. Пехоты немного — это резерв и полковник Эвецкий оставляет его на всякий случай на Мучной.

Полковник весел: утро хорошее, прохладное... Славный кавалерийский рейд он сделает в тыл Анучино со своими лихими тремя сотнями егерей.

Враштель в это время делает такой же рейд с главными силами кавалерии на Анучино с юга.

— Вот будет им баня... — говорит Эвецкий весело, вскакивая на седло.

— И хорошая... — его ад'ютант натягивает поводья.

— Марш-марш!.. — и шпорами в бока своего вороного. Полковник первым выезжает со станции в поле на дорогу...

А там — Черниговка... Лунза...

Бодро себя чувствует полковник — точно двадцать лет с

плеч.

И по шесть в ряд галопом выходит кавалерийский отряд на шоссе.

. . . .

Сзади вьюками идут пулеметы.

... — И еще дело, — по телефону Штерн, — твой старый знакомый полковник Эвецкий хочет проделать кавалерийский рейд в тайгу. Из Мучной пойдет на Черниговку, Лунзу, Мещанку...

— Очень удобно... — Снегуровский вешает трубку телефона. — Сан-Си, — кричит он. Оттуда лётом китаец неслышно:

— Моя, капитана, зови?

— Да... Вот... — и Снегуровский подает ему маленький пакетик... — Ко-Шану и Бухте... Ига[1] солнце...

— Хо!.. — китаец исчез.

. . . .

— Товарищ Демирский, едемте на левый фланг... — встает из-за стола Снегуровский, пристегивает кобур револьвера к поясу плечевым ремнем, — вам придется взять нашу конную разведку с собой...

— Есть...

. . . .

— Твоя шибыко хитрый, капитана... — и Куо-Шан мигает обоими глазами и трясет руку Снегуровскому.

— Нельзя, Ко-Шан... Ваши моя не знай...

— Моя, шито... моя знай — твоя правильно делай...

Подходит еще китаец и широко улыбается...

---

[1] Один (или — в один день).

— А, чорт!.. Тебя и не узнаешь — совсем хунхузом стал, — Снегуровский жмет руку Бухте.

Бухта загорел и сделался настоящим хунхузом — такая же синяя роба и синяя повязка на голове по-хунхузски — совсем хунхуз.

Они садятся на траву, и начинается зачерчивание оперативного плана совместных действий.

. . . .

В расщелине между двух сопок вьется внизу дорога — это шоссе с Мучной на Лунзу.

А внизу — прижатая с одной стороны речкой, а с другой — сопкой лежит хунхузская цепь в засаде с Бухтой: он же и командует цепью. Теперь его знают хунхузы и верят. Куо-Шан — начальник хунхузского отряда, тот прямо за сына его считает: лучшие пампушки ему дает — сам варит.

У хунхузов на новых японских винтовках — красные бантики мелькают в траве — этим они отделяются от обычных хунхузов...

— Они — тоже боршевика... — говорят эти китайцы.

А на сопочке лежит с цепью партизанов — спешенных кавалеристов, Демирский. Как раз во фланговом ударе и хунхузскому отряду, и тем, кто покажется на дороге.

. . . .

— Шибко машинка, капитана!.. — Демирский смеется, вспоминая слова хунхуза.

Тар-рррррааааххх-рах... — разнобойно залпом хунхузская цепь в кавалерию.

И еще... и еще... и еще...

Рванулись казаки, дрогнули — часть назад, а другая в пустырь на противоположную гору... Хочет пробраться по шоссе к Лунзе.

— Цепь!.. Пли!.. — и Демирский метко ссаживает переднего кавалериста...

И эта группа смялась...

–––––

— Шибыко хо... Бухыта! — Шибыко хо, капитана... Ой ...

— А здорово они строчили пулеметами, если бы не река сзади, да ваша цепь — пожалуй бы, мои китаёзы поутекали б... — Бухта Снегуровскому.

Куо-Шан слушает, улыбается...

— Шыбыка машинка есть, капитана ... — шибко хо!..

. . . .

А поздно ночью Снегуровский сообщает в Анучино:

> «Эвецкий неожиданностью смят — вернулся на Мучную...»

— Очень хорошо... — из Анучино.

4. Попались

Эвецкий срочно прибывает в штаб.

— Ваше превосходительство! Мы понесли большие потери под Лунзой и Мещанкой. На всех флангах поражение.

Генерал, как от толчка, вскакивает.

— Кто вам велел лезть туда?

— Ваше превосходительство! — в исполнение вашего последнего приказа.

— Я вам приказал сидеть на Мучной.

— Ваше превосходительство, вот приказ.

Генерал всматривается в измятый лист.

— Это провокация! Что это значит? Позовите сюда моего ад'ютанта.

Входит Либкнехт.

— Кто отправил этот приказ?

— Не знаю, ваше превосходительство! Несомненно, это провокация.

— Наведите немедленно справки, с кем был отправлен приказ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Либкнехт удаляется. Генерал волнуется:

— Чорт знает, что такое. Давно ли, как пристрелил одного ад'ютанта, — опять. И это тут в штабе...

— Ваше превосходительство! — замечает Эвецкий, — а вы не допускаете, чтобы этот ...

— Что? Ведь это же ваша рекомендация! Вы сами предлагали! Вы уже успели забыть?

— Нет... нет, ваше превосходительство... Это человек, несомненно, надежный...

А сам думает: «Чорт его знает. Все баронесса»...

_____

Либкнехт немедля отправляет несколько депеш, забирает из стола кой-какие бумаги...

Эвецкий, проходя через комнату, замечает торопливые движения Либкнехта. В один момент его подозрения из предположений превращаются в уверенность.

— Стойте, куда вы?

Вместо ответа Либкнехт подбегает к нему. Меткий удар по виску сваливает полковника с ног.

_____

Около полуночи.

Баронесса Глинская только-что освободила свое тело от стесняющих одежд и с наслаждением роняет его в мягкую перину. Сверху балдахина над кроватью струится мягкий голубой свет ночника.

Мысли баронессы плывут далеко, далеко... Мелькают многие знакомые лица, имена... И останавливаются на одном:

— Либкнехт.

Восемь букв разноцветными огнями танцуют перед глазами, теряясь в голубом балдахине и уплывая куда-то в высь...

Как скучно без него!

А он единственный, герой... Наконец она нашла, что искала. Пусть простой офицер, но как он работает, какая энергия...

...тррррр... — в соседней комнате, кабинете, звонок телефона. Слышно, как горничная говорит:

— Квартира баронессы Глинской... Барыня уже спит. Кто? Полковник Эвецкий? Как? Будить? Я не знаю...

— Катя! Постойте! Не кладите трубку. Я сама.

Накинув легкий ночной пеньюар, баронесса проходит в кабинет.

— Полковник Эвецкий, я вас слушаю...

— Баронесса, в штабе паника. Ваш ад'ютант сбежал и чуть не убил меня. Он — провокатор!

— Как? Не смейте так говорить...

— Баронесса, факты на-лицо. Им был отправлен ряд ложных приказов от имени Розанова. Неудачи последних дней — дело его рук.

Трубка в руке баронессы дрожит. Дрожит и рука с баронессой.

— Это ужасно! Это неправда! Я не верю в это!

— Баронесса! Он скрылся с бумагами штаба. Что теперь делать?.. Помните, я предложил его кандидатуру, доверяясь вашей рекомендации... Теперь я погиб. Где он?

Баронесса роняет трубку и опускается на стул. Она ничего не понимает. Только в глазах застыл немой испуг. И мысль:

— Как она могла...

А сердце колючими тисками сжимает уязвленное самолюбие!

— Она, баронесса Глинская, ошиблась...

-----

5. Снова документ

А через два дня вечером Грач хохочет, слушая рассказ Штерна:

— Хо-хо-хо! ай-да Либкнехт! Здорово! Ты, значит, их как зайцев бил... Ну, а мы япошек, как куропаток, подстреливали. Твои по полю прыгали, а наши из окон летали. Да, чорт возьми! хотел бы я знать, что сейчас во Владивостоке творится.

— А вот погоди — говорит Ефим — поправлюсь окончательно и поеду во Владивосток, а, когда вернусь обратно, для тебя специально доклад приготовлю.

— А ты что?.. опять за своей маской гоняться хочешь?

— Вестимо. Что ж мне, спасовать что ли?

— Ой, брат!., смотри... Выловишь пулю. Да уж теперь не в плечо, а в лоб.

— Ну, в лоб, так в лоб... А уж я, во что бы то ни стало, узнаю, кто он такой.

— Узнаете, узнаете... непременно узнаете. Если хотите, я даже представиться могу: Андрей Дроздов.

Все оборачиваются, глядят удивленно.

На пороге, только-что открыв дверь, стоит маска. Из-за его плеча выглядывает, улыбаясь, Ольга. А за ней еще какой-то высокий человек в австрийской тужурке.

Ольга, смеясь, представляет Дроздова и рассказывает, как Ольга-маленькая узнала его.

У Ефима рот, как деревенский калач. Он еле-еле приходит в себя.

— Так... за что же вы меня продырявили?

— Да кто ж вас знал, товарищ? За мной ведь все следят... И японцы тоже, хотя я и считаюсь у них на службе. Я вас за японского шпика и принял.

— Благодарю.

— Не стоит.

Все смеются.

Человек в австрийской тужурке подходит к Дроздову.

— Ну, Андрей, давай скорее... Мне, брат, некогда.

— Ах, да!.. Сейчас, сейчас. Это мой товарищ Семен Орлов — сотрудник ВЧК, сейчас он едет в Москву. Я с ним хочу отправить наш документ.

Все с любопытством посматривают на Орлова.

— Как же вы, товарищ, поедете? — интересуется Штерн.

— Сначала морем... А потом через финляндскую границу. Я вот и тороплюсь попасть на пароход. Ну, где же ваш документ?

— Да, да! — обращается Дроздов к Ефиму — давайте-ка вашу половину. У нас останутся копии. Я со своей половины снял... А вы?

— Еще бы! — отвечает Ефим, вытаскивая бумагу — вот она... А вот и подлинник.

— Все подвигаются к столу. Маска аккуратно складывает половинки. Разорванные буквы совпадают точно.

— Ха-ха!.. Есть!

Читают...

— Однако, что же это? — говорит Ефим — фразы-то как фразы, а все-таки чепуха какая-то.

Маска смеется:

— Это шифр. Я даже знаю, какой. Можно расшифровать. Шифр, правда, сложный... Часов восемь на такую бумагу потратить надо.

— Ну, мне некогда, — заявляет Семен. — Вы уж тут по копии разберетесь... А мне давай подлинник... Я поеду. Какой шифр-то?

— 8 Б. Н.

— Вы будете информировать Москву о нашем положении?— спрашивает Штерн.

— Да!.. я получаю задание от Ревкома во Владивостоке. Сведения у меня полные.

— Ну, отлично.

Штерн дает Орлову пропуск. Все выходят на крыльцо.

— Передайте, товарищ, привет Москве. Скажите, что мы скоро поднесем ей Дальний Восток.

— Скажу, товарищи, скажу. Желаю вам всего хорошего.

Орлов прыгает в седло и быстро исчезает в ночи.

6. Поквитались

— Ну, давайте расшифровывать... — торопит Ефим маску.

— Подожди, Ефим! — говорит Штерн. — Ребята, наверно, проголодались. Давайте сначала поужинаем.

— Я ничего не имею против, — говорит маска.

— А я — с удовольствием, — заявляет Ольга.

После ужина Дроздов раскладывает документ.

Подвигают лампу. Под лампой подставка — жестяная банка из-под кофе.

Андрей диктует Ольге, и она записывает расшифрованные слова.

Все теснятся к столу, внимательно следя за работой.

Ефим, чтоб лучше видеть, забрался с коленями на табурет и, облокотившись на стол, так и тянется к документу.

Вот перевели две фразы.

— Ого! вот так номер! — вырывается у Ефима — здорово! Ну-ка, дальше.

От волнения Ефим ерзает на табурете. Вдруг табурет подвертывается под ним и падает на пол. Ефим грудью тычется в стол и, взмахнув от неожиданности рукой, задевает лампу.

— Дзинь! — разбивается стеклянная лампа, падая на стол.

Керосин брызжет во все стороны, заливает бумаги, рукава Дроздова и — ппафф! — вспыхивает от горящего фитиля. Огонь разливается по столу.

Бумаги в пламени.

Дроздов, растерявшись, хочет потушить документ руками и тычет их в огонь. Облитые керосином рукава вспыхивают.

— Ай-яй!— кричит он от боли и начинает махать руками, как факелами. Пришедшие в себя зрители бросаются к Дроздову. Штерн срывает с постели одеяло и кутает руки Андрея.

Потом это же одеяло бросает на стол.

Огонь тухнет.

Успокаиваются. Ольга мажет салом и перевязывает обож-

женные руки Андрея.

Документ сгорел.

— Эх, дьявол! — досадует Дроздов. — Товарищ Штерн, давайте пропуск. Я еду.

— Куда?.. С больными-то руками, — протестует Ольга.

— Все равно. Медлить нельзя... Быть-может, я успею догнать Семена во Владивостоке и снять с документа копию. Эх, дьявол! Почему мы не догадались снять несколько копий?

Ефим, понурив голову, сидит в стороне, как побитая собака. Вина пожара на нем.

Взглянув в его сторону, Дроздов приходит в веселое настроение и смеется...

— Товарищ Ефим! Теперь мы с вами квиты.

Глава 21 -ая

ЗУБОВНЫЙ СКРЕЖЕТ

1. Желтый решает

— Хар-тьфу!

Таро тихонько трет носок правой ноги о голенище левой. О-ой по ошибке попал ему на сапог.

О-ой не видит. Глаза генерала налились кровью. Из глаз во все стороны — иголки и змеи.

— Продолжайте!

Таро продолжает...

— Спастись не удалось ни одному. Все триста погибли в пламени.

О-ой хрипит и сжимает кулаки...

— Мерзавцы!.. негодяи!.. барсучье отродье!.. змеи проклятые!.. Они кусаются из-за кочек. Хорошо... Я им покажу. Довольно медлить. Они у меня узнают, как нападать на японские гарнизоны. Это проклятое мужичье, эти русские

собаки... Они не понимают доброго отношения... Отлично. Теперь они у меня так завоют, так завоют... Хар-тьфу!

Генерал стучит кулаком и скрипит зубами...

— Таро!

— Я.

— Мы начинаем наступление.

— Слушаюсь.

— Разработать план.

— Слушаюсь.

— Если нужно, я брошу в тайгу не одну дивизию... Я задушу партизанскую змею... Я оторву ей голову... Хар-тьфу! Таро!

— Я!

— Завтра собери совет оперативного штаба.

— Слушаюсь.

— Чтоб через три дня был готов план.

— Слушаюсь.

Таро уходит. Генерал О-ой подходит к окну. Опираясь руками в косяки, генерал крестом рисуется на фоне неба.

По улиие с песнями проходит рота белых солдат.

— Идиоты! — думает О-ой, — вы не можете справиться с красными... Хорошо... Справлюсь я. А потом и вас в шею.

А солдаты поют:

«Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет...»

2. Желтый подготовляет

Редеет кипа бумаг в руках Таро. На столе лежат грудой прочтенные листы.

Десять японских генералов исчиркали заметками свои блок-ноты.

Второе заседание совета оперативного штаба приходит к концу.

Таро дочитывает резюмэ доклада ...

— «...Только таким образом можно начать и провести широкое наступление и захват тайги.

Должен сказать, что почти все стратегические моменты намечены самим командующим, и только развиты мною. По мысли генерала О-ой, разработано, как фронтовое движение от Сучана и Никольск-Уссурийска, так и обходное, по Спасскому тракту, с фланговыми ударами в Имано-Спасском районе.

Привезенные из Хабаровского топографического отдела русские карты проверены. Наши оказались точнее. Впрочем, кое-чем можно воспользоваться.

Теперь я должен сообщить вам, господа, основную схему по организационно-строевому вопросу.

Эти положения поручено развить подробно инспектору пехоты и инспектору артиллерии.

Генерал Нава-Ками и генерал О-Мато приготовят свои доклады к третьему заседанию совета».

Таро медленными глотками выпивает стакан воды и продолжает:

— «Местные топографические и этнографические условия не позволяют действовать армии в ее прежних административно-строевых формах.

В диких сопках, в глухой тайге, с редким населением, крупные воинские организации, с малодеягельностью их мелких делений, становятся беспомощными и бесполезными.

Захватить край неразрывным фронтом невозможно. Для этого не хватит всех войск Императорской Японии.

Нужна иная, специальная организация. Край нужно захватить небольшими отдельными гарнизонами, разбросав их густой сетью по наиболее важным заселенным пунктам.

Такие гарнизоны должны обладать наибольшей самостоятельностью, как в административном, так и в боевом отношении.

На этом принципе необходимо сформировать особую горную дивизию.

Каждая рота в полках этой дивизии будет представлять совершенно самостоятельную единицу.

Состав роты полностью — сто один штык.

К роте придаются:

> взвод кавалерии, два легких пулемета, скорострельная пушка Гочкиса, полевой радиотелеграф и четыре сыскных почтовых собаки.

Кроме того, при роте находится один саперный офицер и два драгомана.

Обоз роты вьючный.

Такие роты могут быть разбросаны по всем большим селам и деревням.

Укрепившись в селе, рота не будет допускать туда партизан, ликвидирует их скопление и организацию.

Рота будет делать быстрые налеты на соседние деревни и вылавливать партизан.

Рота сможет изучить свой район и узнает, члены каких семей ушли в отряды. За такими домами рота будет вести особенно внимательное наблюдение. Кроме того, изучив население своего района, рота будет знать, растут или редеют партизанские ряды.

Таким образом, партизанские штабы и отряды принуждены будут покинуть населенные пункты и уйти в тайгу, в лес.

Лишившись постоянного крова, партизаны разбегутся... И само партизанское движение умрет. К зиме, во всяком случае, наверняка.

Штаб горного полка будет следить только за выполнением общих заданий и назначением гарнизонов.

Боевые же операции в своем районе каждый гарнизон будет вести самостоятельно.

К штабу горного полка придается:

> кавалерийский дивизион, конно-горная батарея, два блиндированных автомобиля и четыре аэроплана.

Таким образом, связь между штабами и отдельными ротами будет производиться, где возможно, конными, собака-

ми и броневиками, а где невозможно — аэропланами.

Районы для полков я уже наметил в стратегической части моего доклада. Хотя этот пункт, по всей вероятности подвергнется наибольшему изменению со стороны командующего войсками.

Ваши замечания, господа члены совета оперативного штаба, я прошу систематизировать и представить в письменной форме до третьего заседания совета. На третьем заседании план будет нами выработан оконча тельно.

Четвертое заседание будет происходить в присутствии командующего войсками... И все доклады будут представлены на рассмотрение генерала О-ой».

Таро встает и кланяется.

Десять пар рук прячут в карманы желтых мундиров об'емистые блок-ноты.

Десять щетинистых голов, одна за другой, плывут к двери.

Проводив генералов, Таро снова садится и пишет на штампованном бланке:

Полковнику Изомэ.

По приказанию командующего войсками генерала О-ой, быть завтра на приеме в 4 часа дня.

Нач. Штаба
Ген. Штаба Полковн. Таро.

3. Желтый начинает действовать

Два мундира: один желтый, другой цвета жеваной травы.

— Передайте генералу Грэвсу благодарность за высказанное соболезнование... Да, да... И эту экспедицию мы предпринимаем для выяснения виновников нападения на Пьянковский завод и Ипполитовку.

Желтый мундир кланяется.

Жеваная трава — тоже, еще ниже... Потом медленно направляется к дверям.

«Ну, и лисица же этот О-ой», — думает, выходя, полковник Виксон.

«Ну, и барсук же этот Виксон», — думает, оставаясь, генерал О-ой.

—————

— Таро!

— Здесь!

— Изомэ пришел?

— Да!

— Позвать.

Таро удаляется.

Немного спустя в комнату быстро, прямо, по военному входит Изомэ и, приложив руку к козырьку, останавливается.

О-ой смотрит...

— Садись.

—————

— Гм... ты прав. Что же дальше?

— Мне кажется, что двинуть войска неожиданно ни в коем случае не удастся.

— Ну?

— Партизаны о наступлении узнают раньше, так или иначе.

— Так... Ну?

— Они успеют составить общий план действий: боев или отступлений.

— Бои не опасны.

— Я понимаю... Для нас они даже желательны. Поэтому у меня явилась идея.

— Говори.

— Необходимо перепутать им карты.

— Так.

— Необходимо поселить в их среду разлад и неуверенность.

— Так.

— Нужно их убедить, что в нашем правительстве и в войсках растет партия, идущая против интервенции, стоящая за признание советского правительства.

— А-а?

— Этим можно получить отчасти их доверие. Этим можно внушить им образ действий, желательный для нас.

— Понимаю. Сегодня на совете сделаешь об этом доклад. Дня через два направишься в Анучино для переговоров.

— Слушаюсь.

Через два дня Изомэ, под'езжая к вокзалу, видит клубы черного дыма над крейсером «Микасо».

А на крейсере в каюте командира лежит на столе приказ:

ШТАБ
Командующего войсками
Японских Экспедиционных войск
в Сибири.
2 августа 1919 г.
№ 18/03
г. Владивосток.

КОМАНДИРУ
Крейсера „МИКАСО"
Капитану 1 ранга
Я-МА-ГУЧИ.

Приказываю вам немедленно выйти в плавание к бухтам: Ольге, Тетюхе и Америка.

По прибытии на место, постарайтесь убедить местное население, что японские моряки против интервенции. Раздайте населению продукты и медикаменты. Обещайте им скорый увод войск.

Командующий войсками
генерал О-ой.

4. Болтливый американец

Шумно, весело в «Маяке».

Клуб полон.

Впереди на стене, — где лестница — наверх к буфету плавают в табачном дыму четыре буквы:

Y. M. C. A.[1]

В середине зала, на помосте чешский оркестр играет какой-то бравурный марш.

Кругом на плетеных диванах и креслах развалились американские и чешские солдаты.

В стороне за колонками два биллиарда. Оттуда беспрестанно несется говор и щелканье шаров.

— Пятнадцать... дуплем ... в уголь!..

Щелк! — с треском шлепается в лузу шар.

Длинный чех доволен. Победно трясет кием.

Недалеко от оркестра, навалясь на спинку кресла, сидит Ильицкий и читает газету.

Вдруг он чувствует на своем затылке присутствие чего-то постороннего.

Оборачивается...

На соседнем кресле — американец... В зубах трубка... в руках газета... Ноги кверху... на спинке кресла Ильицкого.

— Послушайте... мистер. Вам, кажется, неудобно сидеть?

— Нет... Корошо. Блягодару.

Американец улыбается и пускает дымовую завесу.

— Какова скотина! — Ильицкий пожимает плечами.

— Хо-оо!.. Мистер Илиски... Добрый вечер...

Ильицкий оглядывается —

— А-а! Мистер Флогер... good evening.

— Нет, нет! говорить по-русски... Я кочет практика.

---

[1] Young men Christian association — христианский союз молодых людей.

Мистер Флогер, — писарь секретно-оперативного отдела штаба американских войск. Они с Ильицким приятели. Мистер Флогер заметно навеселе.

— Прошю в буфет, мистер Илиски... Хотель кофе?

— Можно... С удовольствием.

Вверху, на хорах — дешевый буфет.

У стойки пожилая дама выдает талончики на чай, кофе, какао, пирожки и прочее.

Друзья находят удобное местечко в стороне за отдельным столиком и усаживаются.

Американец оживлен. Улыбается, хохочет и хлопает Ильицкого по плечу.

— Хо-о! мистер Илиски. Я имель получить сегодня письмо... Из Филадельфия... от мой невеста. Это корошо?.. правда?

— Правда. Поздравляю.

— Блягодару. Я биль очень довольный.

— Понимаю, понимаю... Ну, что-ж она здорова?

— Здоров.

— Что пишет?

— Хоо!... Что пишет!!?

Американец закрывает глаза и блаженно улыбается...

— Я сегодня... радый... Потому пиль коньяк. Я только два час... освободиль от работа...

— Работали? Так поздно?

— Да!.. Эти проклят джапенцы...

— В чем дело?

— Биль сообщений... Они будут наступлений в сопки...

— Что вы? Когда?

— Точно... нет известно... Но скоро... Только вы мольчить... Я вам... по секретный. Мистер Илиски, пошоль ко мне... Я имель коньяк.

— С удовольствием.

Друзья покидают «Маяк».

По дороге американец рассказывает, какая у него красивая, добрая, «замечательный» невеста Бэтти. Он очень любит Бэтти. Она его тоже. Когда он вернется домой в Филадельфию...

А на утро следующего дня Ольга-маленькая получает через мадам Танго записку:

Японцы решили начать наступление в сопки для ликвидации партизан. Предупреди немедленно. Когда узнаю подробнее, сообщу дополнительно.

«И.»

Глава 22-ая

ЖЕЛТАЯ ДИПЛОМАТИЯ

1. Посев

— Как доехали, господин Изомэ? — Штерн находит нужным проявить любезность.

— Благодарю вас. Я убедился, что партизаны более организованы и дисциплинированы, чем это думают у нас. Меня везде встречали любезно и давали проводников. Я вам очень благодарен.

— Не стоит. Садитесь.

— Благодарю вас.

Изомэ низко кланяется и, придерживая рукою саблю, садится на табурет.

— Я очень рад, господин Штерн, что мне приходится говорить с вами наедине. То, что я скажу — тайна, которая должна остаться между нами для моего и вашего блага.

Изомэ вопрошающе смотрит на Штерна.

— Говорите.

— Меня послал к вам генерал О-ой. Он предлагает вам прекратить нападение на японские гарнизоны и перейти

на мирное сожительство с нами, сохраняя дружеские отношения. По этому вопросу я должен заключить с вами условие.

— Передайте генералу О-ой, господин Изомэ, что мирные отношения невозможны до тех пор, пока на территории Дальнего Востока находятся японские войска. Если интервенция будет прекращена, то Советская Россия сумеет наладить дружеские отношения с японским народом. Вы не должны вмешиваться в наши дела. Русский трудовой народ сам знает, что ему надо делать. Передайте это генералу О-ой.

— Я с вами совершенно согласен, господин Штерн.. Генерал О-ой, поверьте, знает, что вы должны ответить. Он послал меня не для заключения мира. Своими переговорами я только должен отвлечь ваше внимание… — Изомэ выдерживает паузу.

— …Готовится наступление на партизан. Японские войска будут брошены в сопки. Выработан план захвата всей области и ликвидации партизанства.

В лице Штерна дрогнула усмешка. Голос иронически спокоен:

— Что вы говорите?! Серьезно?

— Вы не верите? Поверьте. Формируется особая горная дивизия.

Я могу вам рассказать ее устройство и цель. Я могу вам рассказать план наступления.

Оно начнется через две недели в районах Никольск- Уссурийска, Сучана и Спасска.

— ??!

— Я вижу, вы удивлены, что я выдаю вам наши тайны. Не удивляйтесь, господин Штерн — для нашего общего блага необходимо, чтобы я был откровенный. Господин Штерн! Выслушайте меня и поймите.

— Я вас слушаю.

— Я теперь сторонник той части японского общества, которая стоит против интервенции. Мы понимаем, что Колчак будет разбит. Он уже накануне падения. Рано или поздно на Дальнем Востоке будет советская власть. В интересах Японии жить с Россией в дружбе. Но… дипломатия — одно,

а военное командование — другое. Среди военных, хотя и много наших сторонников, особенно среди моряков, но...

Изомэ разводит руками...

— К сожалению, в большинстве военная партия, во главе с генералом О-ой, стоит за интервенцию. Под ее давлением проводится и наступление в сопки. Это наступление очень тревожит нашу партию. Мы считаем, что оно сильно повредит в будущем нашим добрым отношениям. Вот почему я решился нарушить тайный приказ генерала О-ой и поговорить с вами откровенно.

Изомэ вздыхает.

В глазах Штерна задумчивость и назревшее недоумение.

— Какой же ваш вывод? Что вы можете предложить?

— Вы видите, господин Штерн, что я действую в нашу общую пользу. Я предлагаю вам прекратить враждебные действия против японских войск. Не сопротивляйтесь во время наступления. Сопротивление бесполезно. Распустите партизан или уйдите из населенных мест в тайгу. Военные действия повредят нашим отношениям в будущем.

— А не лучше ли вашей партии добиваться отмены наступления?

— Партия сейчас слаба. Военное командование оправдывает свои действия вашими нападениями и беспорядками в крае. Если же вы не будете проявлять враждебных действий, мы сумеем добиться отмены захвата края. Прекратите нападения и на белых. Колчак скоро падет, и мы сумеем передать вам власть и вывести свои войска.

— Уведите сначала войска, а власть мы возьмем сами.

— Я понимаю, но сейчас это невозможно... Послушайте меня, господин Штерн...

И уже ночь. Горит керосиновая лампа.

Опираясь на стол локтями, внимательно слушает Штерн хитроумного японского дипломата.

2. Всходы

— Как вы хотите, а я этому желторожему не верю, и баста... Снегуровский! Поддай пару!

— Ведро давай!

— Возьми у Шамова!

— Здесь, здесь... на!

— Ффффшшшшш, — белые клубы пара вырываются из каменки и жмутся под потолок.

— Еще поддай!

Ффффшшшшшш, — верхняя половина бани исчезает в молоке.

Из белой пелены свисают вниз волосатые ноги. Тела не видно.

— Э-эээх! Здорово!.. Жжет! Грач яро хлещет веником по животу — та-а-а-к!.. Хорошо.. А я все-таки не верю, товарищ Штерн, не верю. Хитрит, желтая собака.

— Я сам, товарищ Грач, не верю... то-есть не верю в его искренность, но мне кажется... (Дай-ка мыло!..) мне кажется, что в его словах есть много справедливого...

Белая пена покрывает курчавые волосы.

— А я не понимаю, — Снегуровский, стоя посреди бани, растирает мочалой грудь, — я вот не понимаю... не могу догадаться, какая у него тайная цель... Шамов! потри-ка спину.

— Погоди, сейчас... Вфурррр! — Шамов тычется головой в шайку — ну, давай!

— Мне кажется подозрительным — продолжает Снегуровский — что Изомэ... (Повыше, повыше, между лопатками!)... усиленно рекомендует нам итти в тайгу.

— И мне тоже, — отвечает Штерн, — но вместе с тем он прав, что сопротивление бесполезно, то есть не то, что совсем бесполезно... Но наступление мы не остановим, а силы потерять можем, если примем бой по фронту, отстаивая деревни. Но почему это рекомендует Изомэ, я что-то не понимаю... Искренности его, я уже сказал, не верю.

— Во-во! — беснуется Грач, жестикулируя веником. — Что вы?.. японцев не знаете? Да если японец что говорит, то

все наоборот понимать надо. И по-моему тут просто: напугать япошка хочет... (Ааааа! сволочь! Шамов! дай, брат, другой веник)... Я и говорю... Они знают, что с нами нелегко справиться... Уже пробовали. Вот и хотят хитростью взять: авось, мы испугаемся, да пропустим их. А там они и укрепиться успеют. Нет!.. По-моему встретить их, биться... не пускать. Ну, отдадим несколько деревень... Зато они, как увидят, чего это стоит, то, глядишь, и побоятся поглубже-то нос всунуть. По-моему, товарищ Штерн, так.

— Нельзя.

— Да почему?

— А если мы в таких боях весь наш кадр потеряем... Тогда что? Ведь мы этим все движение погубим на долгое время. Нам ядро сохранить необходимо. Колчаку жить недолго осталось: советская армия подходит к Омску. Изомэ это подтверждает.

— Эх! Изоме-е-е!..

— Да мы это и без него знаем.

— Знаем-то знаем, да все-таки... Поддай-ка пару, Снегуровский.

— Да куда тебе, к дьяволу! И так кожа лезет.

— Вы мне скажите одно — говорит Шамов, опрокидывая на себя шайку — брррр, фуу, ааа!.. Вот зачем Изомэ откровенничал, если врать хотел.

— Во-первых, мы не знаем, насколько он откровенничал, а во-вторых... — Штерн замолкает.

— Ну, что во-вторых?

— Во-вторых он хотел...

— Что?

— А чорт его знает, что!.. Должно-быть... чтобы у нас головы кругом пошли. Я знаю одно: мы будем поступать так, как нам подсказывает собственная голова... вне зависимости от указок Изомэ. Я говорил это на собрании, говорю это и теперь: фронтового боя нам принять нельзя.

Грач с яростью запускает в каменку ковш воды.

— Ааааааа!. сволочь! — орет Снегуровский — что ты делаешь?

— Да… я… только пару поддать, — смущенно говорит Грач.

— Пару поддать… Чего ж не предупредил? Смотри… всю спину сжег.

— Ну, не сердись. Дай я тебя холодной водой окачу.

3. Начало жатвы

Замолкли.

У каждого в голове тревожные мысли путаной вереницей ползут.

Впереди плеяда тяжелых, зловещих дней. Нужны решения продуманные, твердые, но… Отсутствует самое важное: ясность.

Молчат.

Грач кончил париться. Сердито скребет ногтями мыльную шевелюру. В каждом мускуле узловатого тела протест против… против чего-то… Грач сам не знает, против чего.

Снегуровский сидит на полке, полусогнувшись. Широкие ладони скользят по изгибам ног, по животу, груди и обратно… Массирует.

Шамов наполняет шайку холодной водой и поднимает вверх. По телу мелкая дрожь в предвкушении холодного потока. Немного колеблется… Потом разом опрокидывает шайку на голову — Ввввв, брррpp, хааааа… Окатился… Наливает вторую.

Штерн в предбаннике одевается.

Молчат.

— Товарищ Штерн! — дверь предбанника настежь. На пороге высокий партизан. Винтовка через плечо, в руках нагайка… Конный.

Снегуровский сверху кубарем…

— Борисовец! В чем дело?

— Товарищ Снегуровский! На Одарку напали японцы. На автомобилях приехали. Завод сожгли. В Спасске, говорят, два эталона японцев высадилось… В Никольске тоже. Ни-

кита Паншин приехал. Говорит, японцы на Ивановку двинулись.

Молча, быстро одевается Штерн.

Остальные застыли.

У Шамова вода из шайки на пол.

Грач широко открыл глаза. Мыльная пена, воспользовавшись случаем — пеленой по глазному яблоку.

— Ааа, чорт! — говорил я вам...

Грач злобно плещет водой в лицо и трет глаза кулаками.

Встрепенулись.

— Говорил я вам... обманет япошка... Через две недели... Как же?.. Вот и дождались. Ууууу!..

— Одевайтесь быстрее! Жду на совет. Товарищ ординарец! идите за мной.

Штерн быстро уходит. За ним — ординарец Снегуровского.

— Ну... что ж?.. — Снегуровский делает три приседания и начинает одеваться.

Грач сжимает кулаки...

— Хорошо... увидим.

— Да! Я не меняю своего плана. Выясните положение на местах... Если началось общее планомерное наступление, то больших боев не давайте. Размыкайте фронт и пропускайте японцев вглубь. В крайнем случае отходите сюда. До свидания, товарищ! Товарищ Зарецкий! вас я немного задержу.

— Ладно.

— Эээох! — Грач машет рукой.

-----

4. Фантастическая ночь

Ущербленная луна багровым пятном вылезает из-за опушки леса. Вот забралась на седловину двух сопок и, скосившись, смотрит на дорогу.

По дороге гуськом едут три всадника.

Добрые кони идут размеренно крупной рысью. Ритмичный стук копыт да изредка звякание подковы нарушают ночную тишь.

Снегуровский впереди. Он возвращается в свой район.

Задумался.

Мысли тугие, тягучие, как эта ночь, что прощальным приветом августа зажала, затянула сопки черным холодом.

— «Ну... что ж... — думает Снегуровский — посмотрим. Даааа... Пропустим. Хотя конечно... попытаться задержать надо... Хммм... Изомэ... Скотииина!»

Что-то дергает руку Снегуровского.

Это лошадь споткнулась и мотнула головой, потянув повод.

— Ты что?.. А?.. Устала?

Снегуровский слегка натягивает повод и пускает лошадь шагом. Наклонившись, ласково гладит ладонью под гривой...

Теплая, влажная кожа перебегает мелкой дрожью.

— Эх!.. тыыы!..

— Товарищ Снегуровский!

Борисовец и Солодкий нагоняют и пускают лошадей рядом.

— Красиво?

— А?.. Что?

Снегуровский подымает голову. Смотрит.

Тихо колышутся складки ночи.

Из них в безветренном воздухе, как в старой сказке, вылезают сопки.

И тишина... Особая звенящая тишина.

Безоблачное небо — густо в мерцающих огоньках звезд. ...

Они дрожат, колышатся... падают... Вот сходят на землю...

Летают, мелькают, кружатся зелеными точками...

Ах, это не звезды.. Это светляки. Миниатюрные электрические фонарики.

Как их много! Тысячами мелькают в воздухе... Реют... вьются хороводом... Садятся на платье, на гривы лошадей... горят повсюду зелеными блестками.

Ночь.

Фантастическая ночь.

Глава 23-я

КАК ЭТО БЫЛО

1. Гнилым утром

Гнилой Угол потянул туманом.

В мутной слизи люди серыми, расплывчатыми пятнами бродят, натыкаясь друг на друга.

Потянулась сквозь туманище тонкая паутина дождя... Нудная, беспрестанная... сеет... сеет... сеет...

В это гнилое утро японский резидент купец и промышленник Мацура получает пакет:

«...Штаб японских экспедиционных войск в Сибири предлагает вам явиться для переговоров по делу, имеющему к вам отношение».

На бумаге подпись начальника штаба полковника Таро.

Внимательно читает бумагу Мацура сквозь широкие американские окуляры.

— Бой!

— Ию!

Слуга-китайченок появляется в дверях.

— Одеваться.

Китайченок приносит черный котелок и широкий черный плащ с пелериной.

Мацура одевается, берет в руки зонт, медленно выходит из дому:

До штаба полтора квартала.

— Идзвосчик!

Лихач торопливо дергает вожжами.

— Куда, барин, прикажете?

Мацура медленно садится, разваливается — нога на ногу — и тыкает зонтом вперед.

— Цо-цо! ну, милый!

Лошадь дергает...

— Цтой!

Полтора квартала проехали.

Японец медленно вылезает... не глядя на извозчика, протягивает ему иену и спокойно направляется в штаб.

Извозчик от изумления раскрывает рот и снимает шапку.

— Покорнейше благодарю, сударь.

2. Сговорились

Ладони вниз между колен, лодочкой... и низкий поклон друг другу. Затем...

— Садитесь, — Таро любезно показывает на кресло. — Я вызвал вас по поручению командующего войсками. Для блага японской армии необходимо свершить одно дело... Но на это нужно иметь ваше согласие.

— Я слушаю.

— У вас имеется в Уссурийском крае в селении Одарка завод?

— Да! Завод сухой перегонки дерева.

— Он целиком ваш?

— Нет! Но в большей части. Мой компанион и директор, русский — владелец меньшей доли.

— Как завод поставлен?

— Превосходно. Фабрикаты — до пятисот названий — лучшего сорта.

— Тем хуже. Скажите, большую он вам дает прибыль?

Мацура смотрит удивленно...

— Раньше давал хорошую... Но ведь Одарка теперь в руках партизан, вы знаете сами... И завод мне не дает ничего.

— Да!.. Я это знаю. Именно поэтому японское командование обращается к вам с предложением.

— Я слушаю.

— Завод вам ничего не приносит... А вместе с тем он работает. Вся продукция целиком поступает в руки партизан. Это дает им немалые средства. Таким образом, ваш завод работает на усиление наших врагов. Его необходимо уничтожить. Мы не хотели этого делать без вашего разрешения по многим причинам. Но ведь, вы же любите свою страну и желаете блага для своей армии.

Мацура внимательно смотрит. Какие-то мысли скачут в его голове. Он встает.

— Господин Таро! Я безусловно согласен.

— Мы не сомневались. Еще одна просьба.

— Я слушаю.

— Вы напишите заявление к русским властям, с копиями японскому командованию и консульскому корпусу, с протестом против захвата завода и просьбой для него охраны. Мы пошлем части... И...

Таро смеется...

— ...Партизаны, отступая, сожгут завод. Вы понимаете?

— Да! Конечно.

— Теперь я должен сообщить вам, что поданное вами заявление о вывозе и охране осиновых чурок, а также о рыбалках на Сахалине и Амуре будет подано на доклад завтра. Я надеюсь, что оно получит благоприятное разрешение.

Маиура сияет довольной улыбкой.

— Благодарю вас, господин Таро!

И опять ладони лодочкой между колен... низкий поклон друг другу.

Оставшись один, Таро потирает от удовольствия руки. Есть еще один предлог для посылки войск... Предлог, маскирующий общее наступление.

3. Налет на автомобилях

Утро такое тихое, светлое, прозрачное.

И в штабе тоже тихо. Воскин (он теперь начальником штаба — Шамова замещает), потягиваясь и позевывая, медленно выходит на крыльцо.

Полусонная Одарка нежится в лучах солнца.

В глубине двора возятся около штабных лошадей два партизана... Да начхоз Серков о чем-то деловито ворчит.

Почти пусто в Одарке. Отряды разосланы по линии фронтовых деревень... туда... ближе к полотну железной дороги. Снегуровский уехал к Штерну в Анучино. Шамов тоже там.

В штабе только Воскин, да ад'ютант Демирский, да начхоз, да еще человек тридцать партизан... И все.

Да впереди, в Татьяновке, человек пятьдесят... Заставы по тракту держат на всякий случай.

Замолкла Одарка. Нет прежнего шума. Отдыхает спокойно штаб.

— Воскин! — кричит из окна Демирский.

— А-ась!

— Чай иди пить.

— Сейчас.

А в это время по широкому Спасскому тракту шуршит и трещит гравий.

Мелкие камешки отлетают к краям дороги, на бровки канав. Низко стелется, клубится барашками дорожная пыль.

Прорвавшееся эхо разносит гулом по тайге непривычные для нее звуки тяжелого железного тарахтения и протяжного сиплого гуда.

Это едут по тракту грузовые автомобили. Шесть машин одна за другой, сохраняя дистанцию сто — полтораста шагов, летят, громыхая, полным ходом.

На коробе каждой машины, на длинных скамейках плот-

но теснятся желтые мундиры японских солдат.

Сидящие по краю выставили щетиной во все стороны стволы винтовок, уперев их на боковые стенки короба.

Внимательно вглядываются в каждый кустик, готовые при первой тревоге открыть огонь.

На переднем автомобиле среди японцев несколько чехов. Какой-то чешский поручик, наклонясь над ухом японского капитана, орет во всю мочь:

— Скооороо Татьяяяновка.

Капитан мотает головой и смотрит внимательно по сторонам.

А в Татьяновке — Липенко с небольшим отрядом. Партизаны спокойно по избам сидят. Липенко сам и с ним человек десять во дворе на жаровне свинец плавят в жестяной банке... Пули льют.

А застава в овражке на траве разлеглась. Лежат на животах и слушают, как Пашка Кособрюхов сказку рассказывает... Смеются...

— ...Вот, значит, когда купец уехал, купчиха и зовет меня к себе в комнаты. Вы, говорит, Павел Андреянович, как я слышала, парень способный. Вот вам, говорит, сто рублей.

— Погоди, ребята. Слышь?

Замолчали.. Насторожились. Чуткое ухо ловит протяжный, дрожащий гул. Гул все слышнее... слышнее.

Встревоженная застава мигом бросается к дороге. Смотрят...

Вот вдали из-за сопочки, по изгибу тракта показалась большая, черная коробка.

— Машина!

— Еще!..

— Правда!

— Еще! Гляди!..

Застава всполошилась... растерялась... не знает, что делать.

Гул все громче и громче. Быстро приближаются автомобили.

— Шесть штук, ребята... Гляди!

— Бежим!

— Стой! — орет начальник заставы — погоди!.. Пугнем.

А уж близко, близко первый автомобиль.

Наспех, торопясь, вскидывает застава ружья.

— Пли!

Неровный, трескучий, пугливый залп рывками раскатывается в воздухе.

Еще не успевает замолкнуть эхо, как первая машина останавливается. Желтые точки градом летят с автомобиля... и сразу — в цепь.

А с короба—дах-дах-дах! —хохочет пулемет Льюиса.

Застава мигом — в кусты... Кубарем вниз в овраг... И вдоль по оврагу бегом... что есть мочи... пока целы ноги.

Пулемет смолкает. Японцы лезут в короб. Шофер дает полный ход.

В Татьяновке Липенко, как только услышал выстрелы, бросается собирать партизан. Встревоженные, бегут они со всех сторон, но не успевают еще сообразить, в чем дело, как на околице показывается автомобиль.

Партизаны разом кидаются по дворам... бегут через дворы, через огороды... прыгают через прясла... и — врассыпную... кто куда.

Трясутся стены избушек. Звенят стекла в рамах.

Шесть автомобилей, не останавливаясь в Татьяновке, стрелой проносятся через деревню и прямо туда... к Одарке.

Вот уже справа встала крутая лесистая сопка. И слева тоже. Вот низкая седловина... ущелье... поворот... И впереди справа, за мостом, краснеют крыши завода Одарки.

-----

4. За минуту до смерти

На столе кипит пузатый самовар.

Воскин и Демирский, отдуваясь, пьют чай из больших эмалированных кружек. Воскин отрезал большущий ломоть хлеба и старательно, ровненько размазывает по хлебу густой белый душистый мед.

Демирский сердится.

— Ну, ты!.. Скоро?.. Давай нож.

— Подождешь.

— Товарищ Воскин! — врывается в комнату начхоз Серков, — выйди-ка, послушай... Мне кажется в Татьяновке пулемет строчил.

— Пулемет?!

Ломоть падает из рук и лепится в штаны медом.

— Приготовить лошадей! Партизан к штабу! — приказывает Воскин ординарцу.

Демирский торопливо собирает штабные бумаги в большой самодельный портфель желтой кожи.

Начхоз хлопочет около лошадей небольшого вьючного обоза.

Воскин и Демирский, выскочив на крыльцо, слушают.

Стрельбы не слышно.

— Серков! Тебе не померещилось?

— Смотри!

Демирский хватает Воскина за руку.

Далеко впереди за мостом, из-за крутой сопки выезжают один за другим автомобили.

— На коней! — орет Воскин.

Через задние ворота... на проселочную дорогу... Дальше налево тропой... по кустам... в лес.

И через несколько минут в Одарке ни одного партизана.

–––––

Четыре автомобиля остаются за мостом. Из них японцы

— налево и направо в цепи. Залегли.

Две машины перекатываются через мост и быстро влетают в завод.

Японцы и чехи с горготаньем и криками разлетаются во все стороны... бегают по заводу... шарят, ищут.

Два японца и чех ведут Алену Сизых, жену партизана (кто-то выдал).

Цепляясь за юбку матери, рядом с Аленой бегут мальчик и девочка. Это дети Алены. Напуганные глазенки в слезах... Губы дрожат...

Сама Алена бледна, как мел.

— Где твой муж?.. Куда бежаль тэн... штаб з отрядем? — кричит Алене чешский поручик.

Алена молчит.

— К стене!.. Растршелять! — беснуется поручик.

Японцы ставят Алену к стене. С ней рядом дети.

— Братрше поручику! Смотри!.. тэн... быть дольжно... большевиков начхоз...

Маленький корявый чех показывает в сторону крыльца.

На крыльце бледный, встревоженный, в одном белье, с портфелем в руках — старик, директор и компаньон завода.

Чешский поручик говорит что-то японскому капитану. Капитан отдает короткое, хриплое приказание. Три солдата бросаются к старику и тащат его к стене... Рядом с Аленой.

У директора пляшет челюсть.. Треплются седые волосы. Он что-то хочет сказать, но язык не слушается... Захватило дыхание...

Японские солдаты скидывают винтовки и...

В этот момент с крутой сопки, что осталась позади — тах-да-дах, тах! — раздается залп.

Чешский поручик и два японца падают навзничь.

Тах-да-дах-тах! — гремит второй залп.

Паника.

Это Липенко успел собрать своих партизан и занял крутую сопку.

А к этому же времени очухался и Воскин. Раскинувшись цепочкой по скату широкого холма, что на задах завода, Воскин тоже открывает огонь.

Паника.

Японский офицер бросается в лабораторию завода. За ним шофер с банкой бензина.

Через минуту из окон завода хлещет пламя.

Офицер отдает приказание... Японцы, забыв о директоре и Алене, бросаются к автомобилям, еле успев захватить трупы.

Цепь арьергарда открывает пулеметный и ружейный огонь по сопкам, поджидая своих.

Быстро приближаются две машины.

Вот уже одна переехала мост. За ней в'езжает другая.

Вдруг — трах! — трещит настил моста.

Три прогнивших доски уходят под колесами. Машина носом тюкается в щель.

Японцы соскакивают, кричат, гогочут и бесплодно пытаются вытащить автомобиль.

Обрадованные партизаны сосредоточивают огонь по мосту.

Капитан что-то кричит солдатам. Те бросают вторую машину и громоздятся на первую.

Капитан открывает крышку мотора второй машины и бросает туда ручную гранату. Через четыре секунды с грохотом рвется из мотора вверх столб дыма и пламени. Мотор взорван.

А завод... пылает.

5. Новый партизан

Японцы уехали.

Партизаны стягиваются к заводу. Приходит штаб. В стороне в одном белье стоит печальный старик, хозяин завода, и уныло смотрит на пожарище.

— Серков! — говорит Воскин, — выдай старику обмундирование.

— Да, да, товарищ Воскин, — тихо говорит старик — оденьте меня и... дайте мне винтовку. Мне теперь делать нечего... Останусь у вас.

— Дело! — смеется Воскин, — из буржуев да прямо в партизаны... Ловко.

Глава 24-ая

В ТУМАННОЕ УТРО

1. Японцы едут

По ровным волнам Японского моря бесшумно скользит крейсер.

Дым над трубами точно повис. Чуть слышный ветерок вяло колышет повисшие на фок-мачте флаги...

А на крейсере шесть двенадцати-дюймовых пушек. Две стальные башни с четырнадцати-дюймовыми жерлами дальнобойных. Два зенитных орудия тупыми клювами вверх. Сам крейсер окован сталью и на нем 1.515 штыков японской армии.

Это — «Микасо».

...Мирно дремлют прибрежные сопки. Утренний туман окутал их нежной паутиной сна.

А там, где сопки тонут в тумане, — небо серое, мутное, нависшее над миром, как тяжелый свинцовый колпак.

–––––

Ильицкий влетает в ателье Танго.

— Ольга тут?

— Сейчас только ушла, сказала — домой.

Ильицкий за ней. Догнал.

— Что случилось? — Ольга с явной тревогой.

— Надо сейчас же известить Штерна. На Ольгу и Тетюхэ идет «Микасо». Нужно предупредить находящихся там товарищей, организовать связь...

— Я поеду!

— Тебе нельзя. Тебя могут узнать. Пусть кто-нибудь другой поедет, но не откладывая, сегодня же.

— Хорошо!

2. Заговор мести

Баронесса опускается в кресло. Две резкие складки сдвинутых бровей. Затем встает и направляется в кабинет, к телефону.

— Квартиру полковника Эвецкого.

— Слушаю!

— Мне только-что сообщили, что в штабе имеются сведения о местонахождении Либкнехта.

— Баронесса!.. при всем уважении к вам, я должен отказать в любой вашей просьбе, касающейся Либкнехта. История с его назначением мне стоила слишком много, и только чувство к вам...

— Полноте, полковник! Я совсем не собираюсь просить что-нибудь для него. Скажите только, что вы собираетесь с ним делать.

— То, что заслуживает провокатор. Виселицу или, в лучшем случае, пулю.

— Вы правы, полковник. Но, если для вас важна только смерть его, то и я могла бы участвовать в этом акте возмездия.

— Я вас не понимаю, баронесса. Что вы хотите предложить?

— Я пришлю вам труп Либкнехта так же скоро, как вы сделаете это сами. Скажите только, где я могу его встретить.

— Баронесса! Вы толкаете меня на новое преступление. За поимку Либкнехта я отвечаю своей головой.

— И моей, полковник! Но я была бы больше рада видеть их вместе живыми...

— Баронесса!.. я ваш слуга.

3. В расставленные сети

«Микасо» подошел.

Бабахают пушки. Наугад щупают в сопках местонахождение партизан.

А партизаны в надежном месте. Снарядам не достать.

— Скорей бы нам помощь, — угрюмо Серов.

— Да, нашими силами с крейсером не справиться, — говорит Сонькин, старый вояка. — Только в сопках сидеть. Долго ли.

...А японцы на берегу уже хозяйничают. Рубят лес — строят бараки и укрепления.

–––––

Либкнехт уже вторую неделю как из Анучина. Послан Штерном для организации связи. Безуспешно пытается ободрить повстанцев. Несколько раз сам делал разведки, отправляясь к самому берегу, к японскому крейсеру «Микасо»...

Однажды...

— Либкнехт, ты?

Либкнехт смотрит: знакомый офицер. Где-то он его видел. Кажется, у Семенова в штабе.

— Что ты здесь делаешь?

— Я — по разведке, а ты?

Либкнехт понимает, какую роль он должен играть. Но неужели этот не слышал и не знает про его проделки у Розанова. На всякий случай:

— Я тоже тут по делу, от штаба.

— А! Хорошо, что встретились. Зайдешь ко мне?

Либкнехт соображает. Радушие офицера, непринужденность... здесь его вряд ли кто-нибудь знает... И как раз удобный случай выведать кое-какие нужные сведения.

— Хорошо, зайду! Только вечером.

Офицер дает ему адрес, и оба расстаются.

Офицер заходит в плохонькую гостиницу и звонит комуто по телефону.

— Исполнено!

— Когда? — спрашивает женский голос.

— Сегодня вечером.

— Хорошо. За расходы получите.

4. Смерть Либкнехта

И вот вечером Либкнехт в маленькой каюте офицера. Рассказывают о своих похождениях. Пьют. Офицер невзначай:

— ...Когда я гостил у баронессы Штарк...

— Как, ты знаком с баронессой?

— Немного! Вот тут маленький подарок от нее.

Из стенного шкафика он вынимает роскошно переплетенный альбом.

— Полюбуйся, а я немного покину тебя.

Офицер выходит. Либкнехт раскрывает альбом. Глаза его заволакиваются томной дымкой.

...На сорока листах альбома снимки баронессы. Только ее. Глаза улыбающиеся, задорные, злые, коварные... Губы страстные, надменные, гордые, кроткие... Сама она вся манящая, зовущая...

Как грустно ему стало! Томительно грустно. Или это от выпитого вина...

Нет, нет. Это просто запах его любимых чайных роз, приятный, одуряющий. Кто их тут принес?

Он наклоняется к огромному букету, стоящему на угловом столике, глубоко вдыхает аромат цветов, но вдруг...

глаза его ширятся.

Там карточка:

Баронесса Глинская фон Штарк

И на обороте: «Либкнехт — любимый. Ты умрешь. Жди меня».

Что это? Что это значит? Отчего так долго не возвращается офицер? Отчего так душно в каюте?

Либкнехт к дверям. Заперты.

Ловушка! Да, да.

Что-то тяжелым кольцом сжимает сердце. Здесь душно, душно!

Либкнехт к окну. Закрыто. Бьет кулаком в стекло — ставни закрыты.

Душно... душно...

Он падает на диван. Хочет встать, — не может. Томит слабость в ногах... Кровь, как раскаленная лава, клокочет в жилах.

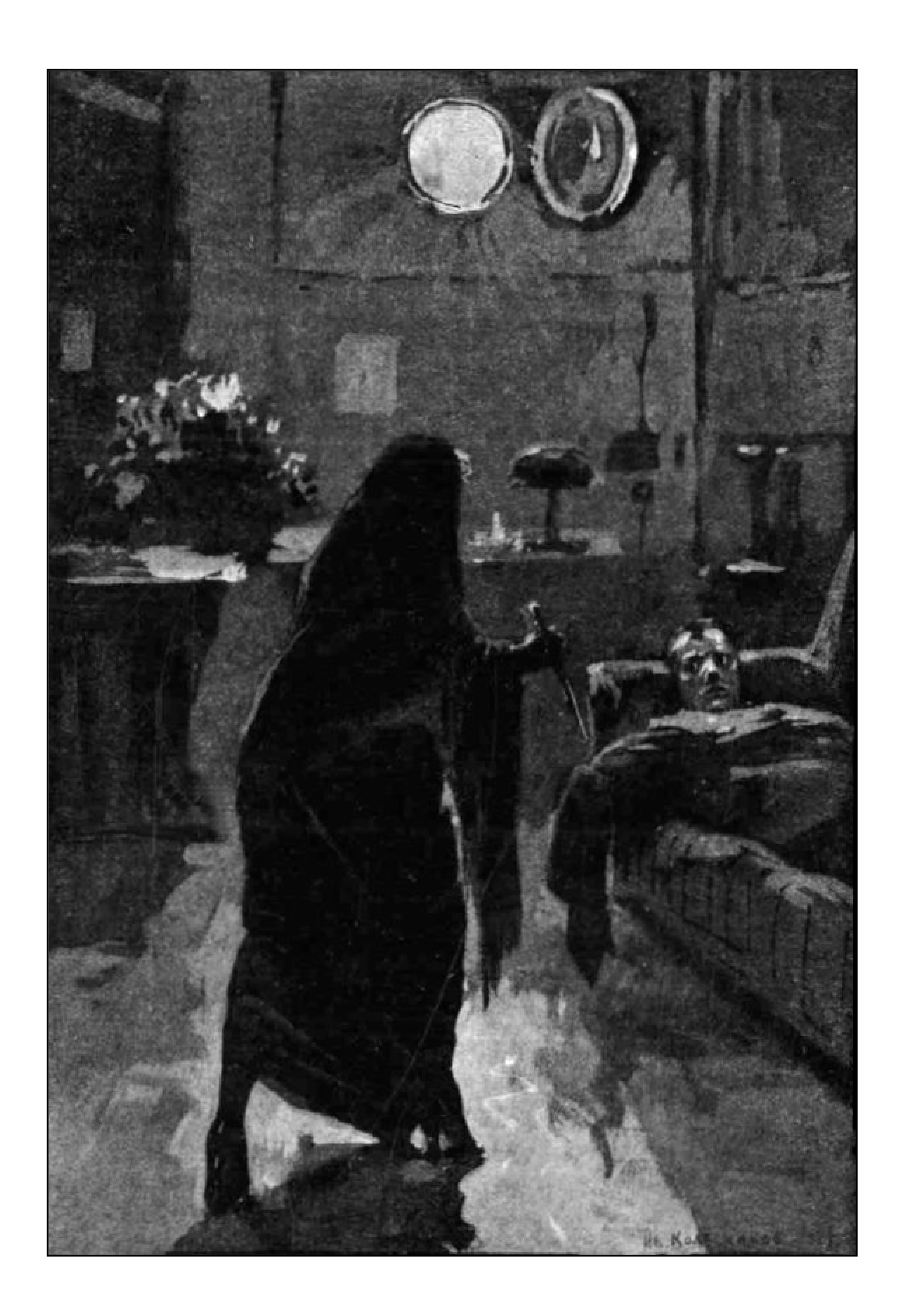
Смотрит, и крик вырывается из его уст: в дверях — баронесса.

В ее руке сверкающий сталью кинжал. Она приближается к Либкнехту и смотрит в упор в его глаза. Чрез стиснутые зубы одно слово, тяжелое, как гиря, падает в сознание Либкнехта:

— Изменник!

Либкнехт не может шевельнуть ни одним мускулом. Тело парализовано каким-то дьявольским снадобьем, которое он, вероятно, выпил вместе с вином. Он только чувствует, как острый клинок кинжала прикасается к его груди. Как огнем, обжигает ее боль, и клинок врезывается все глубже и глубже...

. . . .

Баронесса вскакивает. Платье ее обрызгано кровью. Конвульсивно дрожащими губами она припадает ко лбу Либкнехта.

ГЛАВА 25-ая

БАЛЛАСТНАЯ СОПКА

1. Горный батальон

Над станцией Евгеньевка нависла темная ночь.

Поселок спит.

Но в стороне от вокзала, на запасном пути, слышатся сдержанная возня и легкий шум.

Вокруг длинного и мрачного эшелона быстро шныряют японцы и почти бесшумно выгружают из вагона лошадей, снаряды, патроны... С платформ скатывают орудия.

Это вновь прибывший батальон горного полка.

\-----

В японском штабе небольшое заседание.

Командир батальона майор Нао-Кайша дает задания командирам рот.

— Эти дураки, очевидно, решились принять бой, — говорит майор — тем лучше... Мы их разобьем, не отходя далеко от линии. В дальнейшем нам уже будет легче.

— Отлично.

Офицеры довольны.

— По собранным сведениям партизаны не очень держатся за центр и не очень его укрепляют... Я говорю про Одарку. Дальше-то у них есть окопы.

— Где?

— На полупути к Яковлевке. Сейчас же у них главным опорным пунктом служит Балластная сопка перед деревней Нахимовкой.

Командиры рот впиваются в лежащие перед ними карты — ищут Нахимовку. Вот она... Гммм...

— Нахимовка будет главным пунктом нашего наступления. Разбив их здесь, мы двинемся дальше. Прошу выслушать план. С вечера послезавтра мы открываем артиллерийскую подготовку. Утром...

Офицеры слушают внимательно.

—————

Время за полночь.

По широкому Спасскому тракту во тьме безлунной ночи движется черная длинная тень.

Не слышно разговоров.

Только мерный топот шагов, да изредка звякание ружья или кружки.

Это батальон горного полка передвигается в Татьяновку.

2. У Снегуровского своя голова

— Ты думаешь? — спрашивает Воскин.

— Да! — отвечает Снегуровский, — хотя японцы и решили переть прямо на Яковлевку, но они в любой момент могут передумать.

— Так что?

— То, что отряды из Нахимовки перетягивать сюда не годится. Балластную сопку нельзя ослабить.

— А если они все-таки попрут прямо?

— Ну, в крайнем случае, расступимся и пропустим их. Пускай лезут куда им угодно. Мы сохраним фланги и все-таки останемся вблизи линии.

— Так...

— Да!.. Демирский, пиши-ка приказ. Пусть Здерн продвигается поближе к Татьяновке. Если японцы будут брать Балластную сопку, он ударит к ним с правого фланга. Так. Липенко пусть укрепится на Лесистой сопке. Так. Тебе, товарищ Воскин, придется остаться здесь. Если будет туго, отойдешь на холмы, за заводом. Держи под огнем ущелье.

— Хорошо... Я ты где будешь?

— На Балластной сопке. А дальше... Увидим.

3. Сосна

Лесистая сопка стоит между Одаркой и Татьяновкой.

Ее скат, обращенный к тракту, особенно крут и густо зарос лесом.

Почти у подошвы, всего саженях в семи от дороги, стоит гигантская сосна. Далеко ввысь тянется и торчит над другими деревьями ее мохнатая корона. Ствол — в три обхвата.

Легкий ветер, пробегая, шумит вершинами деревьев. Шум леса заглушает шум шагов.

Медленно спускаются по скату шестеро партизан.

Впереди идет Липенко.

У одного партизана на плече пила, у другого за поясом топор, двое тащат по мотку веревок.

Подходят к сосне.

— Стойте! — говорит Липенко.

Партизаны останавливаются.

— Подождите здесь.

Партизаны усаживаются у корней великана.

Липенко быстро спускается на дорогу и смотрит в сторону Татьяновки: не идет ли японская разведка.

Никого нет.

Успокоившись, Липенко возвращается обратно.

— Бочар! Иди вниз, карауль. А топор давай мне. Ну, ребята!.. принимайся.

И через минуту кипит работа. Четверо партизан в две смены в'едаются пилой в толстый ствол векового дерева.

Липенко вырубил и в стороне обтесывает две жерди и четыре толстых, крепких кола.

— Мы вам приготовим закуску, — ворчит он, усмехаясь, — по желудку придется... Уж будьте уверены.

4. Бой за Балластную сопку

А с вечера — буух... буух!.. — заухали пушки.

Японская батарея стоит около Татьяновки.

С тонким вкрадчивым свистом летят снаряды через Балластную сопку. Японцы бьют по Нахимовке.

— Жарьте, жарьте! — смеется Снегуровский — много ли толку будет? Попробуй, попади... когда 21 двор на две версты растянулся...

Орудия ухают.

Снаряды летят и рвутся... на задах, в кустах и пустырях.

Артиллерийская подготовка.

_____

А рано утром японцы двигаются приступом на Балластную сопку.

Сизые полотнища тумана только-что оторвались от земли и плывут на аршинной высоте.

По гребню сопки лежат в окопчиках партизаны и смотрят в аршинную прогалину.

Далеко внизу раздается горготанье. Вот показалась... выплывает... резче, резче... длинная цепь ног в обмотках и тяжелых ботинках. Тела скрыты молочным пологом.

Игривая мысль приходит Снегуровскому в голову. Поднявшись во весь рост, он громко командует:

— По-ногаааам... пли!

Трещат залпы.

С хриплыми криками и гомоном бросаются японцы. Настойчиво, упорно карабкаются вверх по крутому песчаному скату.

Но не за что спрятаться... Гладок и ровен скат... Метко бьют партизанские пули.

По гребню сопки густой запах порохового дыма... По скату сопки желтыми пятнами тела убитых японцев.

Сбита первая цепь... Отступают...

Но снизу с новой силой... шум, горготанье и гортанные выкрики офицеров... Лезет вторая цепь. Горячий упорный бой кипит.

К вечеру.

От дома к дому, по деревне Нахимовке бегает партизан.

— Эй, бабы! Тащи на сопку, что есть вечерять... — Партизаны проголодались.

Через полчаса тянутся вереницей бабы и ребятишки. В руках узелки с провизией и пачками патроны.

Это начальник резерва использовал новую связь для доставки патрон.

По сопке от края к краю бегают по кустам мальчуганы с патронами и записками командиров.

В глазах ребятни сверкает и страх, и удовольствие, и горделивое сознание: они тоже участвуют в бою... они тоже партизаны.

Отбитые японцы собираются с новыми силами... и лезут... лезут.

Майор Нао-Кайша — весь напряжение и воля.

— Постарайтесь об'ехать с правого фланга. Ударьте в тыл. Быстрее.

— На коней! — командует корнет Ба-Ру. — Рысью... мааарш!

На кровных красавцах летит эскадрон.

Вот справа высится Лесистая сопка.

В семи саженях от дороги, у корней гигантской сосны — Липенко с кучей партизан. Притаились. Ждут.

Пять человек в стороне... за двумя елями... налегают грудью на рычаги из толстых шестов. А от рычагов толстые веревки тянутся к стволу подпиленной сосны.

Запыхавшись, прибегает часовой...

— Едут!.. Кавалерия.

— Готовься! — командует Липенко.

Все ближе стук копыт... Ближе... Под'ехали.

— Отпускай!

Пятеро партизан отскакивают от рычагов. Слегка пошатнувшись, гигантское дерево медленно начинает крениться в сторону дороги. Потом быстрее... быстрее... С треском ломается тонкая перемычка... Шумя раскидистой короной, быстро падает могучая сосна и ложится плашмя поперек дороги.

Хрустят, ломаясь, хребты и черепа... Крики и стон прорезывают воздух.

Испуганные лошади мечутся в панике...

Девять всадников с лошадьми легли на месте под стволом и ветвями векового дерева.

Эскадрон разделен на-двое. Прошедший вперед полуэскадрон отрезан. В узком месте, сдавленном сопками, негде об'ехать сосну.

А с вершины Лесистой сопки бахают партизанские ружья, срезая всадников об'ятого паникой эскадрона.

Второй полуэскадрон мигом оборачивается и удирает.

Первый полуэскадрон сломя голову бросается вперед и попадает под огонь отряда Воскина.

Липенко, перекинувшись на левый фланг Лесистой сопки, отбивает огнем обходную роту.

Справа от Балластной сопки подошедший Здерн натыкается на фланг японских цепей. Расстроенный фланг бежит.

К ночи по всей линии смолкает трескотня ружей и пулеметов, только попрежнему ухают орудия.

Японцы отступают к Татьяновке.

5. И все-таки

На утро Снегуровский проверяет части и считает потери.

— Демирский! пиши приказ: всем отрядам отойти в сторону... расступиться... и пропустить японцев вперед. Балластную сопку покинуть.

— Почему?

— Нельзя иначе... Больше мы не в состоянии выдерживать боя. Пусть японцы идут, куда им угодно... Зато мы сохраним части. Ты отправляйся к Воскину — пусть он соберет потом все отряды и двинется к Вишневке. Я сегодня отправляюсь туда же. Мне кажется подозрительным молчание Ивана Шевченко.

— Эх, чорт! — Демирский злобно ломает карандаш.

Глава 26-ая

РАЗГРОМ

1. Первые сведения

— Хр-тьфу!..

— Дипломатия... — Таро делает остановку на слове, улыбается, — Изомэ у партизан удалась, как нельзя лучше.

— Ну?

— Удар нашей горной дивизии по всему фронту получился совершенно неожиданным для всех партизанских командиров...

— Хр-тьфу... А Штерн?..

— Неизвестно где...

— Хр-тьфу!..

— Полное отсутствие у партизанского штаба единого плана обороны сопок — наши батальоны на плечах у партизан продвигаются по Никольскому тракту на Анучино, в центр партизанского руководства, — также — на Сучан и по Спасскому тракту — на Яковлевку...

— Бои?

— Кой-где небольшие, арьергардные... Мы ждем перегруппировки их сил: наверное, Штерн предпримет большой оборонительный маневр. Но нам это на руку — мы их тогда окружим и уничтожим.

— Хр-тьфу!

— Наши батальоны, снабженные точными и самыми подробными картами, двигаются по старым хунхузским и корейским тропам и совершенно неожиданно для партизан могут появиться у них в глубоком тылу...

— Хр-тьфу!..

— Но я все-таки опасаюсь одного...

— Ну?

— Но может-быть и так, что Штерн, поняв наш маневр, даст общую директиву — разомкнуть фронт и пропустить... Тогда...

— Хр-тьфу!.. Тогда?

— Нам придется... обречь дивизию на зимовку...

— Хр-тьфу!!. С нас довольно Амурской зимовки...

— Да!..

— Надо окружить... уничтожить... заставить их драться...

Таро молчит. Ждет, когда генерал проплюется.

— ...Харр-тьфу!..

\-\-\-\-\-

«Началось»... — думает маленькая Ольга, откидывая японскую газету «Владиво Ниппо», — и опять ее маленькие, шустрые пальцы работают быстро и уверенно, отягивая спатри разными материалами. Тут, там набрасывая цветы, сборки и — шляпа роскошная, шикарная шляпа для какой-то буржуазной мотовки готова.

Она ее повертывает, делает последние штрихи и, как художник, любуется своей работой. Делает это механически, а думы далеко... там, в сопках, где теперь бьются ее многочисленные товарищи.

«Предупреждение Ильицкого, значит, сбылось... — думает дальше, — хорошо, если во-время это предупреждение успели переотправить в сопки, к Штерну. А вдруг... они пишут, что везде партизан заставали врасплох... Всюду их гонят... Полный разгром»...

И опять работают руки механически быстро...

А голова — дальше...

«Что-то от Ольги большой долго не было ничего... Как-то она теперь там со своим лазаретом; эти варвары ведь не пощадят и раненых... и лазарет...» И жутко маленькой Ольге: руки что-то делают большие перебои...

— Ай!.. — и палец в рот — уколола... Надо сосредоточиться, а то...

Все девушки в мастерской на нее...

А на парадном звонок. Хлопнула дверь: кто-то пришел...

— Наверное, заказчица. Хозяйки нет... Придется итти самой... — «Ах, как я их всех ненавижу»... — думает маленькая Ольга, прислушивается.

— Ольга Семеновна, там заказчица... — вошла продавщица из ателье в мастерскую, — просит вас...

— Кто?

— Эта... как ее... ну, жена офицера... того, у Розанова служит...

«А, шпион, контр-разведчик!.. — он теперь наверное там с японцами в сопках помогает расстреливать партизан...— быстро мелькает в голове у маленькой Ольги. Инстинктивно маленькие руки сжимаются в кулаки: — если бы она могла — она бы всех их задушила вот этими самыми ру-

ками... Ах!.. — и эту расфуфыренную куклу... — Но крепче нервы, не расходитесь... не шалите...»

И легким шагом она проходит в ателье мод.

— Что вам угодно, мадам? — голос маленькой Ольги звенит, как чересчур натянутая струна. Нижняя губа крепко прикушена. Маленькая Ольга чуть бледна.

— ...Эта шляпа... которую я вам заказывала к осеннему сезону... готова?..

— Да, мадам! — уже совсем твердо.

2. Отовсюду

— Товарищ Малевский? — Штерн наклоняется с коня в окно Анучинского лазарета. Нагайкой по раме. — Доктор!.. — «Должно-быть, еще спят»,— подумал. Соскочил с лошади, и в сени.

А ему навстречу Ольга.

— Александр, ты к нам?.. Что?..

— Олек!.. Я сейчас уезжаю. Я приехал предупредить Малевского, чтобы вы позаботились приготовлением лазарета к эвакуации...

— Что... Японцы... Близко...

— Да нет еще... пока... Но готовым быть нужно. Может быть... мы их пропустим, не давая боев... Ты передашь ему сейчас же.

— Да, конечно... разбужу. А сам куда теперь?.. Саша... — и глаза, большие, серые, овлажнены: может-быть, утренней росой, или в них солнце заглянуло — брызгами через кусты, сквозь вишню... Я то еще... может-быть и... ну, да она крепкая — только гладит нежные, мягкие ноздри лошади Александра, — прижалась лицом к ее голове, а сама глазами на него... смотрит-смотрит...

— Ну, Олек!.. — и крепко обнял Ольгу, заглянул ей в глаза — прямо, просто... поцеловал, — ну!.. — еще взял и руку — поцеловал, а потом — одним махом на коня...

— Куда? — только успела сказать Ольга.

— Сейчас — в Анучинскую долйну... а потом в Сучанскую, к Грачу. — Чуть нагнулся и каблуками в бока лошади... Быстро скрылся в вишнях и переулке, по улице за поворотом.

А внизу, в долине, по тракту уже скакали два всадника — Штерн, а с ним его ординарец.

Утро было такое пахучее, росное...

И Ольга шагнула в лазарет.

\-\-\-\-\-

Иван Грач иногда зашибает, особенно он это любит делать перед боем.

— Ничего! — говорит он, — для крепости мускулов... — и при этом его русый ус шевелится, а глаза скашиваются на эфес старой отцовской казацкой шашки.

— Добре! — и крякает смачно.

. . . .

Новиков и Ветров — старые партизаны ему свое, а он свое...

— Штерн говорил — размыкаться, пропускать...

— Э-э-э!.. хлопцы... Куды ж воно пропускать... Это ж не ханжу в горло... Воны прокляты макаки все позорят... хрестьян разгонят; дивчин осрамят...

— А их сила!.. Разведчики говорят, полк сюда брошен... — Новиков не унимается.

— А мы им перцу берданочного посыплем...

И посыпали...

. . . .

Все хорошо:

Грзч на коне, а с ним хороший эскадрон ребят. Фронт уже развернут. Глубоко, крылом по правому флангу посла-

ны отряды Санарова и Млаева, а на левом — Ветров и Новиков... Все в порядке.

Тах-тах-тах...

— Эге ж!.. — Грач чуть вперед на седле — екнуло его казацкое сердце, усы щетиной.

Должно-быть, разведка столкнулась.

Буух... — первый снаряд штурмовки.

Тат-та-та-та-та-та... — часто застучал пулемет. Ближе японские цепи.

И еще:

Бахх... — снаряд.

Жжжжжжиии... — через голову Грача.

. . . .

Уже две японских атаки отбили — крепко держатся ребята. И вдруг сзади, с сопочки:

Тах-та-та-та-та-та ... — и

— Банза-ай!..

А спереди — снова японская цепь в атаку:

— Банза-ай!!..

— О, щоб тобi!.. — проклятая макака! — Ребята, за мной!.. — бросается в атаку Грач на коне, прямо в свои передовые цепи.

Но поздно — уже все смешалось: не выдержали хлопцы — тикают...

Только одиночные выстрелы...

На взмыленной лошади всадник по тракту.

Штерн придержал коня.

— Товарищ Штерн! — Сашка-комсомолец тяжело дышит, не может говорить.

— Ну?

— Грач разбит... Партизаны бегут... Ветров послал предупредить... Отряды не слушают командиров... Паника стра-

шная... Патронов нет...

— Приняли бой?..

— Да!.. Японцы обошли...

Штерн нахмурился...

— Наши отступают... Куда?..

— На Анучино... Японцы за ними...

— Значит... в тылу уже... — молнией в голове: надо скорей предупредить Зарецкого у Ивановки...— Какой уже теперь бой — только бы вывести отряды из зоны окружения... — мелькают в голове обрывки решений, — да, так...

— За мной!.. — Штерн, свистнув нагайкой по коню, спускается карьером к Ивановке. За ним — ординарец, а за ординарцем — Сашка на измученной лошади едва поспевает...

. . . .

Но и там поздно: хотя и разомкнулись отряды Зарецкого, но японцы идут широким фронтом — трудно зацепиться даже за сопки...

Под Мещанкой было зацепились, дали бой... Ну — только патроны все повыстреляли ... а их...

— Что мошки, так и прет!.. — докладывает Зарецкий Штерну, — вот санитарные двуколки отбили... А что толку — патронов нет... Не будешь касторкой стрелять... А потом... — и Зарецкий ближе к седлу Штерна, — крестьянство гуторит — по домам... «не в силах»... — говорят...

— По домам!.. — голоса в отрядах кругом.

— Слышишь?.. митинговать скоро будут... конец... — и Зарецкий крепко, матерно ругается и бьет свою кобылу, а сам к митингующим...

Штерн вспоминает: — старая история! — и невольная улыбка на молодых, пухлых губах. — Может-быть, еще не все потеряно? Надо хотя бы ядро удержать, организованно отступить... А остальных... пусть их... — и в самую гущу отрядов в’ехал.

— Товарищи!..

Все к нему — знают его, верят ему...

Замолкли.

И вдруг опять:

Та-та-та-та-та-та ... — где-то совсем близко.

— В цепь!!. — громом Штерн.

Несколько десятков смельчаков залегли, а остальные...

...Сашка с Зарецким рядом в цепи... Метится макаке в рот, а сам думает: «пропала, кобылка...» Теперь я пеший кавалерист...

Едва вывел Штерн смельчаков.

— Большой недочет!.. — ругается, шагая тоже без лошади, Зарецкий.

–––––

Только и видно одну звезду, вон там, между ветвей... А дальше — ничего, тьма кругом. И холодно и сыро...

Не может повернуться... больно...

— А-а-а!.. — тихо стонет партизан, Левка-эмигрант.

Его берданка далеко отброшена. Сам он свалился здесь — больше не в силах брести и ее тащить...

Лежит и думает: «вот ребята бросили, а еще товарищи... Кругом тайга, ночь... Он не знает дороги — в сопках недавно... А нога ноет... — кость должно-быть перебита... Пропал», — думает.

— Вот тебе и партизан... навоевал... — и тошно Левке. — Из Америки ехал... думал... А вот тут какая-то дурацкая пулька, и... приехал... И нет даже марли перевязать рану, и некому... Бросили.

Когда отступали — он только слышал команду Ветрова: — В цепь, товарищи, в цепь!.. — но какой там... не удержишь... Он тоже... да догнала проклятая...

«Неужели так-таки и пропадать...» — мелькают жуткие мысли в тишине осенней ночи. Такой чужой, чужой, таежной ночи.

«Неужели он переехал Великий океан только за тем, чтобы где-то в кустах Приморской тайги погибнуть... А русская революция?.. Ведь он ехал в ней гореть и работать...

Ведь он еще так молод, ему так хочется жить и бороться за революцию...

...Нет!.. Он должен ползти... Он слышал, как кто-то крикнул, там, когда он падал: — в Анучино, там лазарет...

Нет!.. Он должен выбраться отсюда... Должен.

Рана заныла сильнее, но мускулы, молодые и крепкие, — хотят жить...

Безумно жить хочется... И перевернулся на живот и на локтях пополз... Винтовку не забыл — партизан...

Америка далеко... А здесь — русская революция, и он научится за нее драться...

И ползет Левка — только скрипит зубами от боли... Ползет и ползет...

А кругом ночь и тайга.

_____

Ночью к костру еще одна эстафета.

Взял. Читает...

— ...И там тоже!., разгром, полный разгром... — вслух произносит Штерн... — Бедняга Грахов: ему и пушка не помогла...

— Какая пушка?.. — Зарецкий подкидывает валежник в костер.

— Он с маяка снял... готовил нам сюда, и снаряды уже делали к ней...

Молчат.

Громко, тягуче, с присвистом храпит Сашка. Смаялся. Как пришли, разожгли костер — поел сала и ткнулся носом в хвою и...

Хррр... хоррр... хррррр...

— Ишь, кроет!.. во все носовые завертки... — Зарецкий посмотрел, а сам ближе к нему и тоже прикурнул.

А Штерн сидит у костра и думает:

«Что-то у Спасска делается... Как Снегуровский — на него обрушился центральный удар горной японской дивизии. Как-то в Имано-Вакской долине, у Гурко... у Морозо-

ва... То же, наверное, что и здесь... Конец... конец повстанчеству...»

Но в глазах — огни костра и мысли его далеко: он думает об Урале, где бьется сейчас Красная армия...

Ничего — они сделали свое дело, они помогли Красной армии...

Ничего...

И освещает костер красными отблесками молодое, обросшее бородой, исхудавшее лицо Штерна. Освещает он еще и морду лошади: большой черный глаз и жуюшие губы, раздувающиеся ноздри...

Это лошадь Штерна.

...Вчера утром, рано — эти мягкие ноздри, голову, гладила чья-то белая, нежная рука, любимая рука...

Штерн думает: «Как-то они там с лазаретом...»

...Успели ли...

3. Ольга отступает

В тряских телегах стон. А над головами...

Бу-ух... бух... жжжжии... трах... — рвется шрапнель: японцы открыли заградительный огонь и уже вступают в Анучино.

Все население бежит...

Ольга наклонилась над раненым, — крепко держит у него ногу, примотала ее к краю телеги. А раненый на нее глазами и стоном:

— А-а а-а!..

— Ну, ничего... потерпи немного... Вот... от'едем... доктор тебе перевяжет...

— Сестрица... я умру?..

— Да, нет же, нет!.. — и Ольга смотрит на молодое красивое лицо партизана — где-то она его видела... Но никак не припомнит... Должно-быть, в городе...

— А-а-а!.. — стонет другой на той же телеге.

Жжжжиии... трах... тах... сссыыыи... — рвется шрапнель.

Малевский что-то кричит, бегая вокруг подвод, карабином подгоняя лошадей и мужиков подводчиков:

— Живей, мертвые!.. — кричит он.

. . . .

А сзади обоза тянутся, отставая, легко раненые. Но они скоро отстанут совсем... заползут в кусты... и будут там умирать... Тихо. Терпеливо... по-партизански — по-мужичьи... Им не привыкать.

Кругом тайга.

4. В глубокой тайге

На постоялом — полно китайцев. Весь хунхузский отряд Куо-Шана там.

Бухта смеется:

— Так тебе, что Куо-Шан, досталось: комуниза или комунара?

— Комуниза!.. — скалит зубы китаец и рукой на пол, под нары... — места маю...[1]

— А твоя — комунара? — и тоже рукой на нары.

— Комунара!.. — Бухта хохочет.

— Комунара — хо! — Куо-Шан тычет под самый нос Бухты большой палец руки, — Комуниза — шибыко пухо!..[2] — большой палец пригибает, а мизинцем вверх. — Пи!.. вoцхо!.. — плюется Куо-Шан и топочет ногами.

Бухта не выдерживает — от хохота сваливается на нары.

— Комунара!.. — произносит спокойно Куо-Шан и забирается под нары и оттуда еще раз жалобно доносится: — Комуниза, — шибыко пухо...

---

[1] Нет.

[2] Плохо.

. . . .

— А вы, товарищ Бухта, куда?.. — Солодкий получил от него тоже пакет к Штерну.

— Отряд пойдет на китайскую сторону... к хунхузам... Ну, а я в Чернышевку пока отправлюсь... Буду держать связь с товарищем Снегуровским...

— Так я на обратном, пожалуй, к вам заверну...

— Очень хорошо... Вместе и пойдем оттуда. Я лошадей добуду... Да и отряд, наверное, к тому времени мой соберется... — Бухта встает. Они прощаются.

Солодкий выходит из зимовья — постоялого двора — и прямо в ночь, в тайгу и по тропе.

Он несет пакеты от Снегуровского к Штерну.

Солодкий, как рысь, — ловок и в тайге, как у себя за пазухой.

Знает все тропы.

. . . .

Луна и белый плат шоссе.

— Матэ!..[1] — командует японский поручик.

Рота остановилась. Быстро сняты вьючные пулеметы. Отряд рассыпается в цепь вдоль шоссе.

Офицер с несколькими солдатами вышел на канаву — сели, и тихо по тайге гудит:

Ду-у... ду-у... ду-у... — фонический телефон.

. . . .

— ... Оть! Чорт! — Солодкий чуть носом не ткнулся в гальку шоссе. Остановился, — видит ясно — провод на ноге запутался...

— Макаки!.. Ну, и хитрые: уже протянули к Яковлевке провод...

---

[1] Стой.

Взял, поднял его, приложил к уху, слушает. А у самого лицо зеленое от луны... улыбается:

— Аната? .. — губами к проводу, — чтоб ты сдох!.. — бросает провод, — я тебе поговорю...

В Спасске полковник Ари-то в штабе ночью работает: полк батальонами брошен в тайгу.

Ду-у-у... ду-у... ду-уу...

— Слушаю! Кто говорит? — полковник по-японски в трубку телефона.

— Поручик... Си-ед-зу...

— Ага!.. Вы уже вышли на тракт...

— Да...

— Теперь...

. . . .

... Поговорите у меня... — и ножом чирк по проводу.

А кругом тайга и луна.

Больше никого.

— Алло!.. — кричит в телефон поручик.

И дудит фонический телефон:

Ду-ду... ду-дуууу...

. . . .

— ... Итак, вы поняли, поручик?

Молчание.

— Ялло, поручик!

Ответа нет.

— Боршуика! — топает ногами полковник, плюется. Кричит в соседнюю комнату: — Послать телефонистов на линию...

Дрожь пробегает по жилам у телефонистов. Сейчас, ночью в тайгу... Кругом, под каждым кустом партизаны... большевики — черный ежик на голове шевелится.

Но нельзя — дисциплина.

Поручик бросает трубку и тоже:

— Боршуика!.. — скрипит зубами.

. . . .

— Макака!.. На, получи... Разговаривай теперь... — и кукишем в обрезанный провод. И Солодкий отправляется дальше, прямо целиной через тайгу на Чугуевку...

Он идет по серьезному делу — с пакетами к Штерну.

А это, с проводом — так... между прочим...

–––––

В деревне Сысоевке с одной стороны стоит японский отряд. Расположился, окопался. Поставил наблюдателя на крышу крайней большой хаты.

А с другой стороны деревни — тоже в крайней хате расположился за столом и с аппетитом «снидает» Со лодкий.

Ничего — ему привычно.

Дид рассказывает, что только что позавчера ночью через Сысоевку прошел Штерн. Он вел нескольких раненых с собой —искал Анучинский лазарет.

— Бают.... олонись, он быв у Чугуевцы... А набуть теперь... Ново-Михайловцы...

— Значит, дид, там его надо искать?..

— Эгеж... сынку...

. . . .

...И опять тихое холодное утро. Совсем осеннее. Желтые дубы глухо ворчат под шум осеннего ветра. В тайге стало светлее. — От опавших листьев шорохи, шум...

Зато иглы, хвои, точно еще больше посинели. — В синеве осеннего далекого неба, в синеве утренних туманов, в сини глухой, осенней, глубокой тайги.

. . . .

С пригорка, к ключику, в цели, в глуши тайги, без тропы раскинуты одиннадцать палаток. Это — Анучинский лазарет, загнанный сюда японцами.

Ольга и Надя-санитарка уже давно поднялись, умылись в холодном ключе. Сварили на костре чаю и теперь будят Левку.

— Вставай, американец!.. — осторожно тянет за руку Надя.

Тот сначала что-то урчит, а потом...

— ... Ну, да разве... В Метрополитене — не поеду...

— Ха-ха-ха-ха-ха!.. Ольга! Слышишь? Наш-то американец... в Америке едет...

Ольга улыбается... Она теперь спокойна и за него: Малевский сказал, — кость срастется... И за всех других раненых тоже спокойна... Теперь японцы перестали их травить... Потеряли, должно быть... Да и забрались-то они так далеко, что даже и свои-то едва находят. Александр два дня их искал, едва нашел. А вчера вот опять ушел... Никак не сидит... Неутомимый... Ну, да она знает, что он это не зря... Кругом так тяжело — разгром полный, крестьянство разорено японскими карательными отрядами... Они — тоже об'едают... — да и нечего уж есть — все поели... Кулачье норовит предать... Партизаны затравлены — попрятались по заимкам... по покосам... Боятся всех, даже своих, — предают... Вот и надо как-нибудь собрать...

— Ах!.. — тихо вздыхает Ольга, — уж лучше бы он ехал в город, — там теперь он нужней. Дядя Федоров и то говорит — надо его туда отправить...

. . . .

Лагерь уже проснулся. Все поcели кружками — пьют чай. Ольга и Надя помогают раненым, тем, что еще не могут вставать. Кроме сухарей к горячей воде с голубицей — ничего нет в запасах партизанского лазарета.

Доктор Малевский ворчит:

— Вот и выдерживай вас на диэте...

Но не унывают выздоравливающие.

Левка в одном кружке рассказывает партизанам про Америку... А они ему — про Россию... Про русскую революцию...

Какой-то шум в кустах. Все насторожились. — Но разговор — и из кустов с часовым из партизан, выздоравливающих— вынырнул весь отрепанный Солодкий.

— Я к товарищу Штерну! С пакетом… Где он?..

Ольга его отводит в сторону, расспрашивает, а потом садит пить чай. Солодкий отдыхает целый день. А под вечер опять — пошел… дальше.

Он должен найти Штерна: передать пакеты. Хотя бы для этого ему пришлось познакомиться с самим генералом Оой… Он — передаст…

Солнце уходит за сопки. И вслед Солодкому тоскующе смотрят две пары глаз:

Ольга думает: «Вот бы улететь вместе с ним к Александру… Так изболело сердце… Так тяжело без него…»

Левка: «Эх, в Москву бы!.. в сердце революции… Скорее поправиться бы, да и…»

И кровянится тоска от заходящего солнца в их глазах…

Что-то они оба отвернулись быстро так… Неужели, кроме тоски в глазах, вдруг вспыхнуло еще что-то, что-то влажное… Неужели…

Может-быть…

А кругом синяя осень тайги и быстро надвигаются сумерки.

А там — ночь…

_____

Он один.

Сейчас его никто не видит. Но если бы взглянуть — какой тоской дышит его совсем больное, усталое лицо… Ноги опухли. Нет, он не выдержит, надо скорее в город… «Да и что здесь? — Отрядов нет… Крестьянство сейчас — стихло, замерло… трепещет… Повстанчество подавлено. Надо передохнуть, набраться новых сил… А то так, пожалуй, и вправду совсем свалишься. А здесь, — хворать… Нет!..

Нет! — Ольга права… Вот только как с ней быть…

Тоже и ему тяжело — ведь тоже человек…

Но крепко в руках карабин.

Плотно накрылся шинелью и близко прижался к дуплу, согретому костром. Завтра — еще один переход... к дяде Федору и... в город.

Засыпает.

А над ним тихо, неумолчно шумит тайга. Да кто-то неслышно крадется мимо.

Может-быть, тигр...

Ночь.

5. Опять

И опять кто-то читает «Владиво-Ниппо». А там крупными буквами:

на левой колонке по-русски: а на правой — по-японски:

...Партизаны разгромлены...
. .Штерн пойман ..
. . . .
. . . .

그 전쟁에 죽은자는
신된자는 그보다 더
上海俄文

И кто-то опять улыбается.

Про себя.

Во Владивостоке.

6. Все идет нормально

Вечером на детской площадке Мальцевского оврага тьма.

Ветер развеивает черную пелерину Шамова, и он похож на огромную летучую мышь.

Скоро является Снегуровский. Потом Штерн.

Гуляя по площадке, они обсуждают текущую работу подпольников.

— Надо освободить Кушкова, — говорит Шамов, — и Сибирского.

— Хорошо, — говорит Штерн. — Организацию побегов мы поручим Ильицкому. Какие новости слышны из Сибири?

— Оттуда приехал один из товарищей, говорит, что сильно чувствуются эс-эровское и меньшевистское влияния. Просит послать кого-нибудь навстречу советским войскам для подготовки переворота.

— Вот ты и поезжай, — предлагает Штерн Шамову, — больше сейчас некому.

— А здесь?

— Здесь мы как-нибудь справимся... Наляжем на связь с предприятиями и на организацию дружин...

— Ладно!

— Значит, едешь?

— Еду!

_____

На следующий день, проводив Шамова на вокзал, Снегуровский возвращается домой.

Вдруг видит — навстречу ему идет Клодель, одетый в простой рабочий костюм.

Снегуровский, не желая встретиться с ним, сворачивает в переулок.

Но Клодель, кажется, его и не замечает.

Глава 27-ая

ИНКОГНИТО

1. Пока не поздно

— ...Колчак уже давно на колесах... и в руках чехов. Он не популярен. Дни его правительства сочтены. Императорская Япония хочет иметь в своих руках все козыри в будущей грандиозной игре за овладение Сибирью.

Пауза. Острый взгляд через очки Мацудайры. Чуть улыбка.

— Кто знает... Может-быть, мы заложим новый фундамент новой русской истории — будем их новыми «варягами». — Они же привыкли к этому...

— Монархия?.. — Маиудайра сомнительно качнул головой.

— Да. А что?.. На этот пост найдется у них много дураков...

— Дураки найдутся... но...

— Удержатся ли — думается...

Пауза. Торжественно:

— Почти решено — Генро согласно послать армию в глубь Сибири, если понадобится... до Москвы!..

— Тогда?..

— Может-быть... да!

— Да? Если еще не поздно...

— Да!

. . . .

Другой разговор там же:

— Вы будете в Иркутске подчинены полковнику Мацудайро.

— Слушаюсь, господин полковник! — и семь бритых затылков кивком головы и приседанием выражают свою пол-

ную готовность.

— Сегодня в ночь с экспрессом вы выедете в Иркутск. Там — вот адреса. Деньги — по этому чеку. Все. Можете итти.

Семь приседаний, улыбок и вышли.

Таро садится и углубляется в изучение стратегической карты Западной Сибири.

2. Камера № 113

Волчок. В из коридора в него посмотреть, видно стол у стены, кровать, скамейка. Еще видно — широкая спина и склоненная над столом кудрявая черная голова. Больше ничего.

Хлопнула створка волчка — закрылась.

Опять шаги по длинному каменному коридору тюрьмы и звон ключей.

Смена. Разговор.

А потом вечер и поверка.

Звон замков и грохот открываемых железных засовов дверей...

— Встать, смирна-а!

Арестант обернулся, встал — крупные черты черного лица, заросшего волосами, большие круглые очки в роговой оправе.

Захлопнулась дверь, засов, звон замка — и шаги по коридору к следующей камере.

— Откуда этот еврей? — на ходу новый начальник тюрьмы.

— Лейер?.. — говорит — из Западной Сибири... Коммерсант... Арестован по подозрению в большевизме. Ждут — кто-то должен приехать из Омска, опознать его... Есть подозрения — большой комиссар, большевик. Я у волчка ухо...

Все слышал обитатель камеры № 113 Иркутского Централа.

_____

Ночь. Тихо в тюрьме.

В камере № 113 щелкнул волчок и белый пакетик на пол.

Опять тихо.

Ярестант обернулся — увидел. Неслышно подошел.

> ...будь настороже. Но офицер, опознавший тебя, устранен: он не приедет в Иркутск. Берегись провокации. Жди — скоро Иркутск будет наш. 5-я Советская армия уже за Красноярском. Колчак под охраной чехов, читай — под арестом, — удирает в Иркутск.
>
> Шамов.

— Он знает. Откуда... Но все равно — хорошо...— и сейчас же спичку и, горит, тихо, медленно закручиваясь, записка. Сгорела. Только серой паутиной на пол. Никаких следов.

— Значит, — он здесь...

3. Эс-эр и революционер

— Ну, господин губернатор, — и Шамов в упор на Яковлева.

— Ну-те... — волосатой длинной рукою по рыжей бороде, а глаза через золотую оправу очков: — ну-те...

— Ваша карта бита...

Тонкой Иисусовой улыбкой Яковлев смотрит через очки, ждет.

— ...и нам нужно от вас только одного — вы должны немедленно сменить банду Красильникова от тюрьмы надежной охраной, которая могла бы гарантировать неприкосновенность политических заключенных Иркутского Централа в момент переворота... — Шамов остановился.

— И... — Яковлев вопросом.

— И... мы вам гарантируем свободный выезд из Иркутска...
— А сдача дел губернии...
— Э... какая там сдача... Теперь революция... Да и что вам сдавать? Грехи ваши... Для этого существует Ревтрибунал...
Яковлев ухмыльнулся... — зрачки глаз чуть-чуть сузились — насторожился.
— Ну, зачем же... так страшно... Ведь пока — я еще губернатор...
— Бросьте шутить... — мы не дипломаты... Вы могли Колчаку строить глазки... но мы люди простые... Я вижу — вы затягиваете время... Говорите прямо: да или нет.
— А гарантия моей неприкосновенности.
— Сразу бы и говорили, а то... — махнул рукою, подумал: «неисправимый эс-сэр»... Вслух: — Гарантия... В революционное время трудно давать гарантии... но все-таки... пока я здесь — вы можете спокойно выехать... Но предупреждаю — поторопитесь...
— Это — вся гарантия!
— Да — все...
— Хорошо, будет сделано... — Яковлев — встал. Сухой, длинный, сутулый.
Шамов — также.
Они смотрели друг на друга.
Враги, заключившие перемирие...
Яковлев это отлично понимал, недаром же он славился по всей Сибири своей тонкой любезностью и иезуитством. Всем богам служил — даже Колчака облапошил.
Шамов смотрел прямо и просто.

4. Опоздали

Тук... тук-тук-тук... тук-тук... — в стену утром чуть свет кто-то выстукивает.
В камере 113 прислушивается... Начинает разбирать: то-ва-рищ Кра-сно-ло-бов...
«Провокация, — думает. — Надо молчать».

Не отзывается.

Опять стучат: — ...в г-о р-о-д-е п-е-р-е-в-о-р-о-т...

Не верит.

— ...У н-а с с-ме-н-и-л-и о-х ра-н-у... С-к-о-р-о б-у-д-у-т в-ы-п-у-с-к-а-т-ь...

Слушает — молчит. А в голове молнией: «неужели воля»... И хочется обеими руками стучать по стенам.

— Так... Скорее...

Но тверд арестант камеры 113.

Молчит.

\-----

И вдруг в коридоре шум: одна за другою хлопают двери, гремят засовы и доходят до камеры 113.

С шумом открывается...

— Товарищ Краснолобов!?. — и Чудновский, маленький, юркий, схватил его за руку и тащит к дверям... — На волю... Меня за вами послал Шамов...

А в тюремной конторе, в графе, где стояло:

Камера № 113
Арестант Лейер

он, уходя, четко расписался:

«Краснолобов».

Новый начальник тюрьмы с любопытством во все глаза на него.

Проводил взглядом до самых дверей...

— И никто не знал!!. — только и вырвалось у него: — замечательно?..

\-----

К Иркутскому вокзалу подлетел со стороны Маньчжурии экспресс.

Волны пассажиров на перрон.

Кучка японцев с саквояжами из спального вагона. Вышли — и прямо уперлись в огромное об'явление:

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ
. . . .
и подпись: . . . Политический Центр.

Один из японцев ткнул тростью в об'явление:

— Опять у них революция...

Все переглянулись.

И тот же добавил по-японски:

— Опоздали...

— Боршуика !.. — другой скрипнул золотыми зубами.

Все присели.

Глава 28-ая

ВЕЛИКОЕ ИСПЫТАНИЕ

> «... Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе».
>
> Л е н и н.

1. Едет...

На столе список:

В поезде Гайды:
Гайда,
его штаб: Солодовников,
Буцков,
Мерецкий,
Балашев.
И чешские офицеры.
Эс-эры: Якушев,
Колосов...
Меньшевики:
Ахматов,
Бинасик,
Колко.

и телеграмма:

Ген. Розанову:

По прибытии Гайды во Владивосток — разоружить его штаб и охрану. Его самого выслать за границу. Генеральского чина и орденов, полученных им в русской армии, лишаю.

Адмирал Колчак.

Заспанное и с похмелья — в мешках и багровых пятнах лицо генерала Розанова. Тычется сизым носом, едва разбирает...

— Ага!.. Наконец-то я до тебя доберусь.

А потом еще раз просмотрел список, кто едет с Гайдой, и у фамилии Солодовникова ставит собственноручно пометку:

«Наш. Вызвать тайно немедленно по прибытии — ко мне на свидание. Р.»

———

Сначала рука, а потом голова просунулась в дверь и топотом:

— Товарищ Медведев!.. А, товарищ Медведев...

Черный, с проседью, в очках, старый земец повернул к дверям голову.

— Гайда едет!.. С ним — Якушев... Мерецкий и другие... Будем переворот делать?..

Очки на лоб:

— Какой переворот?.. Что едет...

Но голова уже скрылась.

А через минуту по всей земской управе, цитадели эс-эров во Владивостоке, катышком катится маленький, толстенький эс-эр Мансветов и за собою тянет вереницу слухов:

— ... Едет.. едет... переворот...

. . . .

За окном туман и слякоть. Три часа дня, а уже фонари по Алеутской горят желтыми пятнами в тумане...

У окна толстый усатый хохол — фельетонист «Дальне-восточного Обозрения» — «Вездесущий», — в восемнадцатом году заядлый меньшевик, а теперь... ему доктора посоветовали поменьше сидеть, и злобный, с разлитой желчью, он ходит по редакции.

В углу над едва тлеющим камином сидит волосатая фигура. Бормочет.

— ...Он... замечательный стратег...

— О, щоб тобі... Стратиг... — уж это не вы ли Богданов?

Фигура подняла патлы и, мигая глазами, залепетала:

— Да, нет... нет... Мерецкий...

«Вот тоже нашелся спец по стратегии — старая калоша...» — думает фельетонист и барабанит пальцами по подоконнику. Неожиданно к фигуре:

— Неудачный он переворотчик, вот кто...

— Мерецкий?..

— Да...

— И Гайда?..

— Авантюрист...

Ночь этого дня.

Туман еще гуще. Небольшую хибарку, возле мельницы, под сопкой совсем не видать.

Далеко по всем направлениям Первой Речки стоят невидимые часовые. В хибарке заседает Ревком.

— ...Ну, ты не кипятись, самовар... — и Баев останавливает Кушкова на полуслове. А тот маленький, крепкий, курносый, острыми глазками на него.

— Что, не кипятись?.. — Едет!.. Надо всемерно его использовать... Не упустить... Ведь, Гайда...

— Что, Гайда? Интервенская продажная собака. Авантюрист... Выбросил его Колчак, ну и будет мстить теперь... А вы пользуйтесь... Велика радость... — Баев злобно отвернулся.— Не так, Кушков...

— Вот... как раз так и надо им воспользоваться, а потом...

Штерн слушает — он не хочет пока говорить.

А в два часа ночи из тумана вынырнул поезд, весь освещенный электричеством, и застопорился под виадуком Владивостокского вокзала.

На всех площадках вагонов стояли вооруженные офицеры — русские и чешские.

Это был поезд Гайды.

2. Поезд Гайды

Серое бритое лицо, грубо очерченный нос, губы, подбородок; английский пробор, чуть прищуренные глаза смотрят на собеседника, говорят — да, и не верят ему, и думают — нет...

Это — Гайда.

— Да! Консульский корпус согласен?

— Мы ведем переговоры... — Якушев начинает доказывать необходимость ускорить выступление. Все эс-эры его поддерживают.

Им уже мнится, как они будут делить портфели в будущем эс-эровском «народном» правительстве. Некоторые из

них заранее облизываются.

— ...Ну, а с чехами я сам договорюсь... — Пауза. — Что думают меньшевики... — поворот головы в сторону Бинасика.

— Мы... — Бинасик выпрямляется. Гордо: — мы находим преждевременным выступление... против Розанова. Союзническая политика еще неизвестна. Японцы... еще более... загадочны... — Пауза. Торжественно: — Но... мы не протестуем... Мы только предупреждаем здесь... В остальном — в случае победы, мы согласны резделить и власть и ее бремя... и ответственность...— Пауза. — Но сейчас мы не берем ответственности...

Гайда ехидно закусывает нижнюю губу: «Сволочи, — думает, — чужими руками жар загребать».

Вторым от Гайды, в оперативной части штаба, сидит и Буцков. Он очень похудел, снял погоны, и белая прядь волос ложится у него на левый висок. Грустная улыбка на его тонких губах: он думает...

«Если Гайда авантюрист, то вы-то, господа меньшевики, — просто трусы...»

Балашев, русский, тоже офицер гайдовского штаба, народник, бросивший Колчака и карьеру, — морщится: ему, как военному, вся эта канитель «ряды» и неприятна, и глупа. Он отвернулся к широкому окну салон-вагона, смотрит и думает: «Как только будем здесь драться, неудобно уж очень... А потом... — какова позиция большевиков?.. Ведь от них, собственно, все будет зависеть — реальная сила...»

Солодовников в это время — первый справа от Гайды, он же и начальник гайдовского штаба, — наклонился к уху Гайды, что-то говорит.

Тот кивает головой.

— Вы!.. товарищ Кушков?

— ... Перевороту не мешаем... — Кушков остро смотрит на Гайду, чуть улыбается. — Даже больше... — средствами связи и передвижения через рабочие организации Розанову ответим всеобщей забастовкой, вам — даем право ими пользоваться... — Остановился.

Гайда насторожился.

— За это мы требуем вооружения рабочих на случай провала восстания... и для защиты рабочих районов... В правительство не входим. Рабочие организуются в дружины охраны — активного участия в восстании не принимают...

— И глупо... — Балашев буркнул про себя. Встает и уходит в соседний вагон в свое купэ. Он знает: большевики высказались — остальные, сколько бы они ни говорили, ничего не значат...

— Это все? — Гайда к Кушкову.

— Все!..

И все чувствуют, что один только Кушков, высказавшийся от Ревкома большевиков, имеет за своими плечами организованную силу пролетарских масс и авторитет...

Буцков, грустный, встает также из-за стола.

Солодовников опять что-то на ухо Гайде.

— Хорошо!.. Мы принимаем ваше предложение... — Гайда встает.

Политическое совещание о перевороте кончено.

Кончено — на глазах у целого города.

3. В мешке

Тук-тук... А потом голос:

— Разрешите?

— Пожалуйста.

Входит в купэ Буцков. Он еще мрачней, чем был вчера, когда они под'езжали к Владивостоку. Садится. Закуривает.

— Как вам это нравится?

Балашев трясет головой...

— Совсем не нравится!.. — он вскидывает фуражку на затылок, — корявое, широкое лицо, простые добрые глаза. — Это чорт знает... что... Этот Солодовников меня сбил с толку... Я отказался и передал ему всю разработку операций... Солдатом пойду...

— Да, трудно здесь развернуться...

— Мешок!.. Настоящий мешок!.. А Гайда не видит или не хочет видеть...

Папиросу за папиросой курит Буцков и молчит, углубившись в свои думы.

Он вспоминает, как он уехал на фронт. Думал там развеять свои сомнения и снова поверить... И как все вышло наоборот. Он там увидел подлинную, неприкрашенную правду всего того, во что верил и за что боролся... и... вспомнилась баронесса... И показалась она ему тогда такой ничтожной и жалкой интриганкой... Но вспомнил он и другую женщину — Ольгу... И тогда захотелось ему умереть... Он бросался впереди полка в атаку... И долго его щадила пуля, а вот на Тоболе наконец дождался... Тяжело раненым его увезли в тыл. Долго лежал в лазарете в Омске и там окончательно выздоровел и от ран и от Колчака. Вышел — все равно, куда было итти... Думал уехать за границу, да вот Гайда подвернулся: поехал с ним... Приехал. И снова захотелось настоящей новой работы... за народ... Не с этими, с Гайдой... а вот с тем, кряжистым рабочим — от большевиков... с большевиками... А как подойти — еще не знал... И думал, думал...

Думал и Балашев тоже и о том же...

— Да, вот... — Балашев заговорил, — этот большевик, тоже... — разве они правильно решили...

Тук-тук-тук...

— Войдите! — Балашев на дверь.

Черный, в мохнатой шапке, надвинутой на самые глаза, и в шинели с поднятым воротником, входит человек.

Балашев и Буцков вопросительно смотрят, ждут.

— Я — Штерн!

— А-а, товарищ Штерн! — Балашов вскочил, — вот хорошо... Только что говорили: разве вы правильно решили оказывать пассивную поддержку?.. Ну, скажите, вот вы военный, вы лучше понимаете... Рабочие получат оружие... ввяжутся неорганизованно в бой без директив, без вашего непосредственного и решительного руководства... Что получится?..

— Вот за этим я и пришел сюда: мне Революционный Комитет поручил договориться о военной стороне восстания на случай развертывания операций и втягивания рабочих масс в борьбу.

— Что — сговориться!.. Я рассорился из-за диспозиции с Солодовниковым: Гайда ему больше верит... Вот он, — Буцков, тоже не хочет вмешиваться, — не любит эс-эров... Ну, а вы?.. Не берете восстания в свои руки... — вот мы теперь сидим и думаем, как будем выбираться из этой ловушки...

Штерн задумался. Теперь он ясно понимал, как был он глубоко прав, думая о том же. Тут что-то было в корне и с самого начала неправильно. Ревкому надо было перерешить...

— Знаете... — вдруг Штерн к ним, — знаете... я согласен с вами... Завтра у нас при Ревкоме будет заседание военного отдела. Хотите принять в нем участие?.. Может-быть, еще не поздно... Поправим дело...

Глаза Буцкова блеснули радостью, он подался всем корпусом.

— Я согласен! — быстро ответил он.

— Я вы? — Штерн к Балашову.

— Придем вместе...

— Хорошо! Я за вами пошлю.

—————

— ... И Александр прав... Разве утерпят грузчики, когда у них будут винтовки в руках... Да и какой дурак утерпит!.. — Баев возмущенно машет руками. — А потом — эта дыра, этот проклятый вокзал... Я не военный и то вижу, что не выбраться оттуда... Разве это война?..

Кушков улыбнулся — толстый Баев, действительно, никак не походил на военного.

— Ну, что ты хочешь? Ведь не можем же мы брать на себя ответственность этой явной эс-эровской авантюры...

— Да, авантюра!.. И нужно или совсем не вмешиваться... а уж если вмешаться, так брать инициативу в свои руки, а не

так: «вооружаемся... пассивно поддерживаем...» — по-меньшевистски...

— Да как же ее брать в свои руки, если это авантюра? ..

— Эх!.. — Баев злобно махнул рукою, — да рабочие-то... рабочие ее сами возьмут... ведь не удержать... злоба накопилась... Грузчики — так те прямо кипят...

— Ну, и что тогда?—Кушков с ехидством Баеву.

— А то, что... разгромят всех нас и больше всего грузчиков...

. . . .

... — Правильно!.. Гениально придумано, господин полковник... Они там, как в мешке... Хорошо, да и рабочих расщелкаем...

— Да, ваше превосходительство.

Розанов подумал.

— Вы только особенно-то много рабочим не выдавайте оружия...

— Будьте покойны, генерал! У меня там есть надежный человек — еще из Омска со мной, — он будет следить за выдачей.

— Прекрасно!.. Значит, нужно сговориться с консульским корпусом сегодня же ночью?

— Да... генерал... сейчас же... От них требуется только внешняя «локализация» восстания.

— Да!.. Итак — начнем миноносцем в три, господин полковник?

— В три! — И Солодовников, чуть наклонив голову, повернулся на каблуках и вышел из кабинета.

. . . .

— Уже час!.. — американский консул взглянул на часы.

— Да. Закончим заседание... Итак — я резюмирую, — начал Таро, — по докладу генерала Розанова — мы не вмешиваемся активно в подавление восстания, а только «локализуем район» двумя внешними цепями — японской и аме-

риканской.

— Это все, что я прошу от вас! — генерал Розанов встал и поклонился.

Таро улыбнулся.

— Союзное командование согласно...

. . . .

Черные, огромные, стальные змеи — с обеих сторон гайдовского поезда проползли, охватили, лежат настороженные.

Это два броневика — калмыковский и семеновский — в погоне за Гайдой пришли сюда.

Ждут.

Ночь. А ветер хлещет с дождем. Начинается тайфун.

Гайдовский поезд освещен — там идет лихорадочная работа: раздают оружие рабочим. Грузчики первые с Эгершельда вооружились. Прибывают также и воинские части, перешедшие от Розанова к Гайде.

Гайдовские часовые перекликаются:

— Женька!.. Товарищ Цевелев...

— Я! — сзади из-под вагона голос.

— Ты что там?.. — и Горченко, тоже часовой партизан, пришел из сопок, и тоже не выдержало партизанское сердце — уже здесь, — ты что там?..

— Да, вот к Калмыку добираюсь...

— Погоди, не торопись. Сказано — под утро мы их окружим.

и...

у-у-у-у-х... ух... ух... жжжжжшш.

Разворачивается тайфун.

. . . .

Уже три часа ночи.

В Ревком, весь залитый дождем, быстро входит Штерн.

— Кушков... придется наше решение пересмотреть: там, в самом штабе Гайды, раскол. Балашов и Буцков выска-

зывают ту же мысль, что и я говорил по поводу нашей резолюции о восстании, а также и на...

Бууммм...

Все вскакивают.

— Поздно!.. — Баев надевает шапку и выходит в ночь, в тайфун.

4. Тайфун

— Товарищ Снегуровский. К вам товарищ... с поручением...

В свете фонаря белое крупное лицо, щетинистые хохлацкие усы из-под капюшона. С усов льет вода...

— Фу ты, бисова погода!.. — и Филипп Тимофеевич, хозяин нелегального «особняка», стал отирать усы.

— А, товарищ Дубровский...

— Вот от Штерна из штаба... — и Дубровский, токарь из военного порта, подал ему записку:

> *«...Организацию рабочих дружин и командование. По получении оружия — стягивай полукольцом от Гнилого Угла, Рабочей и Первой Речки к центру. Организуй непрерывную связь с Ревкомом и штабом, а также — поставь разведку. Свяжись с Баевым, который сейчас находится у грузчиков на Эгершельде.*
>
> *Штерн».*

. . . .

В Мальцевском овраге тоже не дремлют.

В квартире толстого, добродушного, хорошего конспиратора и прекрасного товарища Бухтиярова идет усиленная подготовка и вооружение дружин. Весь стол завален испанскими браунингами.

Здесь работают максы[1].

Архипов, весь потный, с желтыми кудрями волос, в английском солдатском обмундировании — высокий, стройный — засучив рукава, отирает жирно смазанные револьверы... Сам раздает их, организует команды разведчиков.

Там же у них для связи со штабом Штерна — маленькая Ольга и Шаров дежурят.

Это внизу, в самом овраге. А немного повыше, в другом доме — работает Штерн со своим полевым штабом.

. . . .

Буумм.

Вот еще... Редкие мерные выстрелы — и все в одну точку, в вокзал, туда, где стоит поезд Гайды. Это стреляет миноносец с рейда Золотого Рога.

Уже четыре часа утра.

Тайфун все усиливается и усиливается.

Ууууу... жжжжжжиии... ууииии... — воет и стонет, гремит камнями и ворочает хибарки на сопках.

Ужжжжжжжиии...

. . . .

Утро. Серая муть ноябрьского утра с тайфунным дождем и снегом.

Слизкой мутью сдавила горбатые улицы морского города. А на улицах ветер полощет, как белые тряпки, воззвание «народного» правительства с ультиматумом Розанову о сдаче власти им — действительным представителям народа...

Но даже и ветер точно издевается над эс-эровской литературой — рвет и смывает летучки и гонит их по грязным, залитым тайфунными потоками, улицам.

А в туман и в свист ветра и сирен равномерно...

[1] Максималисты.

Буумм... — выстрелы пушки с миноносца. И все по вокзалу.

А там, — стягиваются все отряды, делаются последние приготовления.

Семеновский и калмыковский броневики, почуяв опасность близкого соседства вооруженных грузчиков, под утро ушли со станции. Гайдовцы их не успели захватить и обезоружить.

Но Розанов не дремлет. Он тоже стягивает свои силы, группируя их по Алеутской и Светланской.

. . . .

Всю ночь с американского крейсера «Бруклин» производили высадку десанта. К утру она была закончена. А потом, когда две цепи — японцев и американцев,— полукольцом охватили район восстания, оставив свободный выход в ноябрьскую полуобледенелую бухту — начальник штаба Гайды, Солодовников, отдал приказ выступать.

Только гайдовцы развернулись внизу по вокзальным путям, а Балашев вверху стал выводить батальоны с вокзала, торопясь ликвидировать пробку, образовавшуюся по лестницам и коридорам...

Вдруг, — совсем близко, вот тут, со всех сторон зачакало:

Та-та-та-та-та-та-та... Тарррр... — и залились многочисленные пулеметы.

Снизу, — по путям двигалась навстречу гайдовцам унтер-офицерская школа с Русского Острова, — прекрасно обученная и хорошо вооруженная американскими автоматами.

Сверху — на вокзал был брошен егерский полк...

И началось...

В гайдовском поезде переполох... — Куда-то скрылись эс-эры... Неизвестно где Солодовников...

Уже стемнело...

В поезд вбегает Балашев.

— Бой проигран!.. Кольцо розановцев уже совсем сомкнулось... Мы окружены... За розановцами — японские и

американские цепи... — Его шинель изорвана, фуражка в нескольких местах прострелена.

—Ну? — Гайда надевает шинель.

— Есть только один путь — сделать попытку прорваться внизу у порта через добровольный флот, через сад, на Светланскую, а там — через горы... в тайгу...

Гайда поморщился.

— А на Эгершельд?..

— Поздно — мешок: там уже грузчики пытались — американские пулеметы...

. . . .

И Гайда ушел в цепь...

— Урраа!.. — кинулись в атаку гайдовцы через колючую проволоку заборов, через портовый дренаж.

— Урраа!..

Ночью, — прямо на трескотню пулеметов. И вот, когда уже начали отступать унтера и гардемарины — белыми метлами шаркнули прожектора «Микасо» и «Бруклина» и белым пологом накрыли цепи гайдовцев...

Та-та-та-та-та... таррр... — застрочили в упор пулеметы розановцев.

Урррaa!.. — прямо на пули...

. . . .

А грузчики в это время дерутся на Эгершельде, прорываясь к бухте.

Но кольцо и там замкнулось у моря. Оставлен свободный путь только в бухту...

Попробовали:

— Урраа!.. — с криками ворвались на пароход. Завладели.

— Выбирай якорь!.. — кто-то кричит, — уйдем в море... Но и туда снопами полос прожектора и — буумммм...

Жжжжжии — жжах... бахх... зззии... — прямо по рубке: смело несколько человек.

Перебежками по одному с трапа к бухте на лед. А в белом тумане:

Та-та-та... так-так... — немногим удается перебежать живыми.

Многие скошены пулеметами, падают вниз на лед и тонут...

. . . .

А навстречу...

Урраа!.. — уже несется оттуда все ближе и ближе: смыкается кольцо...

. . . .

— ... Эх!.. дьяволы... провокаторы... стратеги... — кряхтя лезет под вагон Баев. За ним несколько грузчиков тоже. Отстреливаются. Последний:

— Надо тикать, пока не поздно...

Дзанн! — по рельсе и рикошетом ему в живот.

Поздно — свалился, смолк...

Чок-чок...

— А а!.. Сволочи!.. — Баев нагнулся, рвет рукав и начинает обматывать руку: пониже локтя — кровь... Ну-ка, ребята, подержи винтовку...

Несколько грузчиков помогают ему, а потом все ползком, ползком под вагонами во тьму, наугад... что будет...

. . . .

В вокзале шел бой в рукопашную гранатами и в штыковую...

Теперь — кончен.

Гирляндами висят по лестницам, балюстрадам, нишам готических окон — гайдовцы. Как дичь, набитая розановцами.

Задохлись — не вышли...

. . . .

Кучами трупы навалены на вокзале и по путям...

Трупы...

— Разрешите вас поздравить, господин генерал, с победой!.. — Таро чокается бокалом с Розановым.

— И с легкой победой... — добавляет майор Джонсон, начальник американской контр-разведки.

— Да-а!.. — Розанов уже пьян. Он сплевывает и мычит что-то себе под нос.

Тайфун стихает.

Хлопьями ложится на трупы снег.

Ночь.

Кой-где — выстрелы: это гардемарины дострeливают раненых пленных.

Совсем ночь. И караульные костры по улицам: американские и японские патрули возле них.

Консульский корпус ложится спать спокойно: локализация восстания вполне удалась.

Как по нотам.

-----

5. Белый флаг

«...Иногда настроение отчаяния овладевает массами или группами после крупного поражения в классовой борьбе».

Н. Бухарин.

И над городом навис ужас.

По ночам с окраин — рабочих слободок, Гнилого Угла, с Эгершельда — прокрадывались к вокзалу тени, раскапывали из-под снега трупы и растаскивали к себе, а потом хоронили...

Шопотом разговаривали женшины по слободкам рабочих.

Не дымились фабрики и заводы — рабочие не работали.

По городу ползли страшные зловещие слухи.

Трупы, покрытые снегом, не убирались...

Кой-где из кучи торчала рука и засыпанная снегом точно махала белым флагом — флагом мира ...

И трепетал ужас в сердцах...

А с Нагорной у «Бастилии» раздавались залпы — это расстреливали восставших ...

В тюрьме — тоже ждали очереди ...

А потом вдруг настала тишина...

...Бледное лицо.
Застывшие глаза

— Не спавшие — не спавшие — не спавшие...
Ах! все ждавшие — ждавшие...

Глазаньки печальные,
Детка моя милая, на ресницах слезинки,
Как камушки беленькие,
Что вчера на убитых застыли...
Ах-ах! почему их убили...

Перестаньте плакать —
Стройными рядами хороните ваших мертвецов...

— Не умели биться...
— Так зачем молиться...
— Перестаньте — стыдно.
— Вы устали
— Отдохните
Спите — спите...

. . . .

— Тише! сомнений не надо...
Тише! не надо тоски...
Смолкла борьбы канонада, —
Отзвуки гроз далеки...

. . . .

...Вот и — «кончен их траур,
Отряхнулись и встали...»
— А на белых пальчиках-то кровушка...
...И все — все — все —
— Видят... —

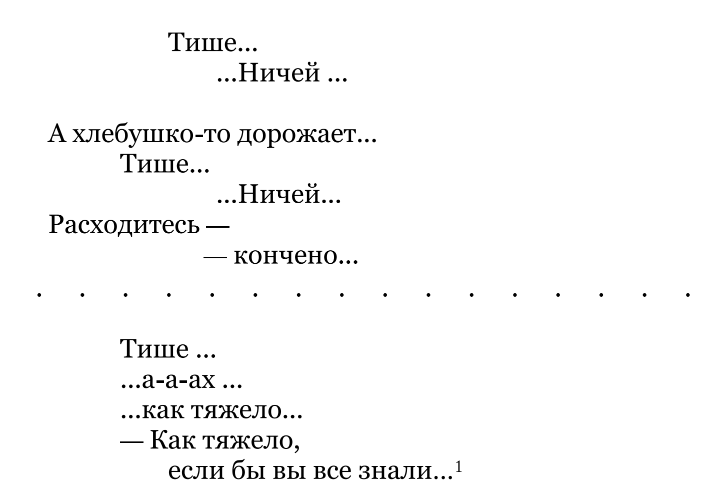
. . . .

— ... Ух, как страшно...
— Ух, какая темная ночь за окном ...
...А слышите, как ветер воет.
— Нет
— Хорошо —
— Спите ...

. . . .

А вон ... убитого несут,
— А чей это он...
... — миленький ...
Тише...
...Ничей ...

— Говорят, что там сегодня ночью расстреливали людей.

Тише...
...Ничей ...

А хлебушко-то дорожает...
Тише...
...Ничей...
Расходитесь —
— кончено...

. . . .

Тише ...
...а-а-ах ...
...как тяжело...
— Как тяжело,
если бы вы все знали...[1]

Глава 29-ая

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

1. Розановская бастилия

Поодаль от центра города темно-зеленый фасад какого-то массивного здания. Еще недавно в стенах его бегали и резвились коммерсанты. Не те, кто товарами промышляет (те не резвятся), но попросту ученики коммерческого училища. Здание было училищем и стены его внушали страх только первоклассникам.

...Нынче и старые, и молодые, и давно позабывшие свои ученические годы с опаской поглядывают в сторону мрачного здания...

[1] Из поэмы «Белый флаг» Н. Костарева.

Иногда среди ночи, а то больше рано утром, оттуда доносятся отрывистые залпы. Старушки прислушиваются и крестятся. Рабочие сжимают кулаки.

... В здании розановская контр-разведка.

Ночью, когда город окутан тьмой и только отсвет огней на синем небе розовым маревом, — здание это кажется каким-то монументом огромного кладбища еще не похороненных, но могущих быть похороненными людей.

Любой из жителей города знает:

— Возврата оттуда нет.

Над зданиями черным пятном довлеет коммерческое училище. Над умами — страх.

И массивный монумент, нависший над городом, кажется вот-вот рухнет и придавит город тяжелой каменной лапой.

А в ней — смерть.

Так кажется.

А вот в одном из флигелей три ярко освещенных окна. Четыре часа утра.

Под столами валяются груды бутылок. Содержимое их давно прошло через желудки присутствующих. Только в мозгах остался тяжелый дурман, безграничная жажда разгула и дикого каприза.

— Господа! Может-быть, мы устроим охоту?

— Идет! Охоту!

— Принесите ружья, — распоряжается офицер. — Господа, кто участвует?

Из стоящих на ногах присоединяются еще несколько офицеров.

— Господин поручик! А дичь?

— Сейчас я это устрою.

Он, пошатываясь, подходит к телефону.

— Начальника караульной команды! Кто у вас там на очереди? Не надо фамилий, все равно. Человек пять. — Обра-

щаясь в сторону: — Господа, хватит? Ну, шесть. Что? Какого приказа? Я вам приказываю. Молчать! Я отвечаю!

— Господа, прошу вас во двор. Все готово.

...И вот в предрассветном тумане утра во дворе училища жуткая картина...

Команда: бежать! И несколько бегающих по двору людей.

...Пах... пах... пах... — выстрел за выстрелом.

— Эге, что я вам сказал! На расстоянии двухсот шагов я бью без промаха.

— Позвольте, позвольте! Это мой выстрел!

— Ну, это еще посмотрим. Мне наплевать! Смотрите, вот третий сбоку ...

...Пахxx — дззз... — чорт, промах!

Человек, послуживший мишенью, подскакивает и бежит дальше. Офицер, озлобленный, быстро заряжает ружье и прицеливается.

...Пах — дззз...

Человек останавливается на миг и падает.

— Ну, что, — торжествует офицер. —Я вам сказал!

2. Масса проснулась

Егерский полк, являющийся действующей силой Розановской бастилии, все же — полк солдат.

Большинство из них крестьяне — народ неграмотный, несознательный, реагирующий на происходящее вяло:

— Что ж поделаешь! Начальство. Раз приказывает ...

Но есть среди солдат и кое-кто из бывших рабочих. И вот начинается в полку какое-то брожение. Причина: расстрел участников гайдовского восстания, многих лично знакомых солдат Егерского полка.

— Не хорошо, братцы, поступаем. Своих же братьев убиваем.

Морщатся, молчат. Всяк сам сознает, но что поделаешь?

— Нельзя, братцы, так дальше жить, — говорит один из молодых, Сидоренко. — Мы не палачи, не убийцы.

— Правильно! — Но что-ж ты предложишь?

— Нужно протестовать! Отказаться!

— Посмей только. Самого расстреляют.

— Всех не расстреляют! Если мы будем солидарны, с нами ничего не сделают.

...И ползет агитация. Охватывает пламенем загрубелые сердца. Под столетним рабским повиновением начальству вспыхивают огоньки злости, протеста...

И через несколько дней, когда очередной обычный приказ:

«Нарядить роту на утреннюю работу»

все знают: теперь надо действовать.

Солдаты совещаются. Устанавливают свои караулы. Проверяют обоймы зарядов, пулеметы.

И когда на утро, не дождавшись своей роты, в помещение, размахивая кулаками, влетает, вне себя от злости, офицер, ему ответ:

— Мы не пойдем!

— Бунт среди солдат? Бунт в Егерском полку? Я не потерплю этого! Немедленно принять самые репрессивные меры!

— Ваше превосходительство!..

— Молчать! Немедленно! Возьмите всю унтер-офицерскую школу. В вашем распоряжении пулеметы, броневые автомобили.

— Ваше превосходительство!..

— Молчать! К вечеру мятеж должен быть ликвидирован. Слышите? Вы отвечаете!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

-----

3. В 24 часа

И к вечеру мятеж действительно подавлен. Несколько десятков раненых и убитых. Полк разоружен. Везде охрана из унтер-офицерской школы.

Поздно вечером полковник Морисон получает приказ самого Розанова:

> В 24 часа вывезти Егерский полк на русский остров и ликвидировать.
>
> Генерал Розанов.

Трубка телефона. Приказ поручику Вашинцеву:

— Приготовить пулеметы к утру. Посадку производить небольшими группами. Усилить караул.

На утро, проснувшись, полковник находит на столе записку:

> Вы погибнете в те же 24 часа, которые вам даны на ликвидацию Егерского полка. Будьте благоразумны.

Как здесь появилась эта записка? Кто ее принес? Полковник знает из газет про загадочные убийства. Вчера он был спокоен, когда читал про других. Но сегодня...

— А, чорт! — стискивает зубы. Угроза! Аноним! Выдумка солдат! Он им покажет.

Браунинг полковника в порядке. Он никогда не был трусом.

Трубка телефона:

— Поручик Вашиниев?
— Ваше высокоблагородие, все готово!
— Хорошо! Мы отправляемся!

4. Дама со шляпой

300 человек легло трупами. Лишь волны унесли в океан весть о погибших...

И чайки кружатся у острова и не видал еще остров на своем лице столько крови...

Полковник Морисон сидит в каюте парохода, возвращающегося во Владивосток.

Перед ним лист бумаги. Он пишет рапорт генералу Розанову.

Полковник знает: генерал любит аккуратность и учет достигнутых результатов. И еще полковник знает: он у генерала на особом счету.

Почему он себя плохо чувствует? Гм... он просто устал. Немного нездоровится.

Утренняя записка? Смешно! Он уже предупредил сыщиков. Он может быть спокоен. Да притом это просто аноним. Выдумка! Угроза.

Хе-хе! Он не испугался. Дело сделано.

Но рука, двигающаяся по бумаге, дрожит. Повыше локтя она немного вспухла. Больно. Странно.

Полковник нажимает кнопку звонка.

— Позовите ко мне врача.

К явившемуся врачу:

— Посмотрите, что тут с рукой?

— Гм... маленькое заражение крови. Тут царапина. Вы где-нибудь ее поранили?

— Не помню. Хотя... постойте... Я утром перед посадкой столкнулся с какой-то дамой, держащей шляпу. Вероятно, в шляпе была булавка, и я поцарапал руку.

— Как вы себя чувствуете?

— Немного лихорадит. Нездоровится. Я просто устал...

— Да, да, — соглашается врач, — это пройдет. — Он наклеивает пластырь на вспухшее место и удаляется.

Но полковнику становится все хуже и хуже. Час спустя его схватывают сильные судороги...

–––––

В очередном номере газеты:

„... Вчера ночью скоропостижно скончался полковник Морисон. Причина смерти еще не установлена, но подозревают отравление каким-то мало известным ядом ...“

Глава 30-ая

ПОВСТАНЧЕСТВО ЖИВО

1. Американские галеты

Белые струи пара на белом фоне снежной равнины. А броневик, как черный дьявол.

Кононов и Баранов стоят спокойно у полотна и ждут.

Подойдя к ним, броневик останавливается.

Кононов и Баранов поднимаются в служебный вагон, прицепленный сзади.

— Фррршшшш, фррршшш — пыхтит паровоз. Броневик трогается и идет в обратном направлении.

А на передней площадке его вьется звездный полосатый флаг.

–––––

— Сигары?

И майор Ходжерс протягивает коробку.

Кононов и Баранов берут сигары с самым невозмутимым видом и, развалившись на кожаном диване, важно покуривают.

Гмм... чорт возьми! Их не удивишь. Они, кроме сигар, ничего в жизни не курили.

— Я должен сказать вам, господа — говорит по-русски Ходжерс, — что вы нарушаете наши условия: вы продолжаете портить путь. Зачем же вы рвете мосты?

— Нельзя. Борьба — отвечает солидно Ефим.

— Ну, поймите, что я охраняю этот участок... Ответственность на мне. На мостах я должен держать караулы. Если вы будете так действовать дальше, я принужден буду сопротивляться. Поймите, что меня могут отсюда убрать и поставить здесь японцев. Вам же будет хуже.

— М-да!.. Ну, а что ж нам делать?

Ходжерс нетерпеливо пожимает плечами.

— Не могу же я поставить к каждой шпале часового — бросает он дипломатично.

Партизаны улыбаются... Поняли.

— Представьте себе, господа, — продолжает Ходжерс, — что, предположим, завтра, предположим в четыре часа дня, проедет в своем поезде генерал О-ой под охраной броневика...

— Что вы говорите? — О-ой поедет? Неужели правда?

Майор досадливо морщится.

— Я говорю предположительно... Ну-с... А у меня на участке неспокойно. Мне же будет неприятно.

Кононов и Баранчик переглядываются.

— Хорошо, господин майор: мы мосты рвать не будем.

— Вот и отлично. Не хотите ли кофе?

— Можно.

Долговязый солдат ставит на стол поднос. На нем три стакана кофе и банка американского печения.

Быстро проглотив свой стакан, Баранов заявляет:

— Еще.

— Пожалуйста.

Напились. Долговязый солдат уносит поднос и пустую банку.

— Так вот — продолжает Ходжерс — относительно галет и обмундирования, которые я обещал вам прошлый раз, могу сообщить, что они придут послезавтра. Предупредите, где вам их удобнее выгрузить.

— Отлично. У нас к вам, майор, еще есть просьба — заявляет Ефим.

— А именно?

— Не можете ли вы нам уступить хотя бы один пулемет.

— У меня в распоряжении нет свободных. Я запрошу Владивосток... Может-быть, впоследствии... — уклончиво отвечает Ходжерс.

— Гммм... досадно. Ну, что ж, подождем.

2. Кононов охотится за кольтом

Ефим смотрит из окна купе на станцию.

Ему весело. Здесь, в Евгеньевке, где столько белых и японцев, они, два партизана, сидят спокойно в американском броневике й беседуют с американским майором... Кофе пьют, сигары курят... Вот, дьявол!

— Ну, что ж... пошли? — говорит Баранов.

— Да!

— Не попадитесь — говорит майор — может-быть, вас отвести?

— Не беспокойтесь. В этих костюмах нас никто не узнает.

Они одеты в штатском.

Прощаются с майором. Выходят.

— Надо скорей лететь в отряд — говорит Баранов. — Здорово это с О-ойем-то выходит.

— Да, иди... предупреди, — отвечает Ефим. — Пусть заготовят динамит.

— А ты?

— Мне нужно забежать... тут... в поселке... к знакомым.

— К знакомой, может-быть? — смеется лукаво Баранов. — У меня, брат, такая тут тоже есть. Сам забежать думаю.

— Ты наверно раньше уйдешь... Уж ты поторопись, Баранов.

— Ладно, чорт с тобой.

Поздно вечером Ефим возвращается из поселка по тропке в стороне от американских казарм.

Вдали мелькают фонари вокзала. Кругом ни души.

Вдруг Ефим слышит впереди чей-то голос и ругань.

Подойдя ближе, Ефим видит унтер-офицера американской военной полиции. Перед унтером — рядовой. Рядовой пьян... Он еле стоит на ногах.

Дюжий полисмен старательно ворует лавры своего покойного русского коллеги — зажав волосатый кулак, он тузит рядового по чем попало и осыпает его поднебесной бранью.

В этой брани целый ассортимент божественных и родительских слов. Русский и английский языки нашли точку соприкосновения.

Рядовой мотается под ударами из стороны в сторону и робко скулит.

— Стой! — подбегает Ефим — ты зачем бьешь солдата? Какое имеешь право?

Унтер оглядывается. Перед ним стоит тот самый большевик, которого принимал майор Ходжерс.

— Не мешайте — говорит унтер, довольно хорошо произнося русские слова — не ваше дело.

— Как это не мое? — кипятится Ефим — да он человек, или нет?

Взгляд Ефима падает на кольт унтера. Увесистый револьвер висит на поясе в кобуре, плотно притороченном ремешком к бедру.

Обрадованный солдат, почуя помощь, моментально набирается храбрости.

— Большевик!.. Корошо... Помогить! — кричит он и бросается с кулаками на унтера.

Оторопевший было унтер приходит в себя и, схватив солдата за воротник, метко лепит ему кулаком под глаз.

— А-а-а-а! — орет солдат от боли.

Ефим хватает унтера левой рукой за рукав, а правой быстрым движением рвет из кобура револьвер.

Через секунду дуло кольта перед носом унтера.

Испуганный полисмен не знает, что делать.

Пьяный солдат мигом трезвеет. Чувствуя, что дело может кончиться плохо, он вырывается и улепетывает во все лопатки.

Ефим повертывается и спокойно идет дальше.

Несчастный обезоруженный унтер плетется за ним, чуть не плача.

— Пожалуйста... Отдайте мне револьвер... У нас очень строгий правила... Мне будет очень плох.

— Не дам.

— Пожалуйста...

— Отвяжись!

— Прошу вас... Отдайте...

— Убирайся к чорту! Слышишь? Застрелю, как собаку. Ну!

Полисмен поворачивается и бегом пускается к казармам.

Ефим быстро продолжает свой путь.

— Ладно, черти, — говорит он, — не хотели пулемета дать... Не надо. Зато теперь у меня кольт... То-то.

3. Чудеса партизанской техники

Здесь между Евгеньевкой и раз'ездом Дроздовым — большая выемка. Место самое удобное.

У северного конца выемки на полотне железной дороги чернеет кучка партизан.

— Ну, поздравим мы их с днем ангела — говорит Баранов.

— Израила! — добавляет Сашка.

Кононов возится около немудреного аппарата.

Это собственное изобретение Кононова. Сегодня оно получает первое боевое крещение.

— Все гениальное просто, как и сами гении — скромно заявляет Ефим и победно трясет винтовкой.

Собственно это не винтовка, а культяпка. Ствол у нее отпилен. Оставлен только патронник.

В патронник закладывается патрон, без пули, но весь забитый порохом. От пороха коротенький Бикфордов шнур ведет к фугасу.

Курок взведен.

В кустах на верху выемки, подальше от полотна, один человек держит конец мотауса. Крепкий мотаус, засыпанный для маскировки снегом, тянется по земле к спусковому крючку затвора.

Стоит потянуть веревку и...

Спустится курок... Патрон выстрелит... Воспламенится Бикфордов шнур... Огонь по шнуру к динамиту и ...

— Ба-бах! Полетит наш О-ой верх тормашками, аж пятки замелькают — кричит Ефим.

— Эх! И комплотик же будет — сияет Сашка.

Полный восторга Ефим гоголем ходит по полотну и собирается послать Эдиссону телеграмму: Ну, как, мол, дела, братишка?

— Э-гей, ребята! Тащи динамит! — кричит Ефим.

Партизаны бросаются в кусты.

В это время на верху выемки показывается часовой. Он прибежал с южного конца... машет в возбуждении руками и что-то кричит.

— В чем дело? — спрашивает Ефим.

4. От страха не уйдешь

Во Владивостоке перед вокзалом стоит служебный поезд. Четыре вагона международного общества, из них один са-

лон, блестят и сверкают заркальными стеклами.

На перроне группами расхаживают офицеры японского штаба. Между ними несколько русских.

Вот открывается дверь вокзала.

Весь перрон вытягивается и берет под козырек.

Генерал О-ой, генерал Розанов и полковник Таро быстро проходят и садятся в поезд. За ними штаб.

Поезд трогается.

Впереди броневик и сзади тоже.

О-ой, плотно пообедав, изволит почивать.

В одежде и желтых сапогах лежит он на простыне, покрывающей кожу дивана. Только мундир расстегнут и видна под рубашкой желтая грудь дубленой кожи.

Голова генерала покоится на подушке. Обтянулись скулы. Сквозь открытые сухие губы светится белый хищный ряд.

Таро на цыпочках выходит из купе О-ойя и направляется к Розанову.

Розанов, мрачный, ходит по купе, заложив руки за спину.

На столе толстая бутылка Монополь-Сека.

— Помилуйте, господин Таро... они бьют из-за угла. Я, разумеется, не боюсь, но... гм... гм...

— Я понимаю, ваше превосходительство, — говорит Таро, наливая себе бокал — я тоже получил записку. Вся наша разведка поставлена на ноги, но результатов никаких.

— Гм... Два дня тому назад погиб мой личный ад'ютант Палевский. Мне тоже грозят. Чорт знает, что такое. Главное — не знаешь, откуда ожидать удара. У них и яд, и кинжал, и револьвер... и... и...

— Да, да, ваше превосходительство! Главному кассиру Чосен-банка, прежде чем его ограбить, подсыпали яд в шампанское. Он очень любил шампанское.

При этом воспоминании Таро подозрительно оглядывает свой бокал.

— Гм... гм... Не беспокойтесь... Это у меня давно закуплено.

Таро нерешительно подносит бокал к губам.

— И кто они такие — продолжает Розанов — понять не могу. Тут, собственно, одно из двух: или это политические под маской уголовных, или это уголовные под маской политических.

— Ч... хам... хам... ам...

Таро смотрит изумленно. Он хотел спросить: «что такое», но во время поперхнулся шампанским.

— Да! — бубнит генерал, не замечая удивленной физиономии Таро. — Тут еще опять партизаны зашевелились. Не знаю, насколько это серьезно.

— Что ж... убедимся. Наша поездка к чему-нибудь да должна привести. Не для одной прогулки едем.

Замолкают.

Генерал Розанов, насупившись, подходит к окну. Таро тоже.

Смотрят.

Вот поезд в'езжает на кривую, и впереди открывается глубокая выемка. Она приближается... приближается.

5. Взрыв

— Поезд идет — кричит часовой — броневик.

— Что такое? — спрашивает Сашка.

— Не может быть — волнуется Кононов — еще рано. О-ой должен проехать позднее. Во всяком случае, если даже это и он, то все равно теперь не успеем. Яму зарыть! В кусты! Прячься!

Партизаны — лопаты в руки и — раз, раз! — быстро забрасывают снегом, приготовленные для динамита, углубления. Торопятся. Подравнивают. Кончено.

Через минуту на полотне ни одного человека.

\-\-\-\-\-

С шумом проносится через выемку броневик. Вьется и плещет японский флаг. У бойниц и пулеметов торчат черноглазые и желтые рожицы.

А вслед за броневиком через несколько минут мелькает служебный поезд. Пять вагонов насмешливо мигают зеркальными стеклами. Сзади прицеплена бронированная платформа. Жерла пулеметов и ружей готовы каждую секунду открыть зев.

За поездом саженях в двухстах катит второй броневик. На броневике трехцветный флаг.

\-\-\-\-\-

Проехали.

— Эх, дьявол! Не успели. Проскочил О-ойка. Ну, ладно... Подожди, сволочь!.. Мы тебе покажем, — беснуется Ефим, тряся кулаком.

— Мерзавец! Обманывать, надувать честную публику?.. Тебе когда ехать полагалось?.. А? — орет в исступлении Сашка.

— Ну, ладно... Прозевали, так прозевали, а дело закончить надо. За работу! — командует Ефим.

\-\-\-\-\-

— Едет!.. едет!

Попрятались.

Дрожащая рука Баранова нервно сжимает конец веревки.

Вдали клубится столб черного дыма.

Это, проводив до Спасска поезд О-ойя, возвращается обратно белогвардейский броневик.

К броневику сзади прицеплено шесть теплушек. В теплушках японская полурота.

Растет... приближается... ширится белая пасть выемки. Машинист дает свисток. Взбудоражив эхо, броневик подлетает к выемке.

Потянул.

Отделилась от земли крепкая бечевка. Натягивается... И — рраз! — дернул.

Тысячи допотопных чудовищ взвыли смертельным ревом.

Высоко к небу рванулся столб черного дыма, храня огневое сердце, и распластался гигантским грибом.

Во все стороны градом... щепья, буфера, смятые, закрученные стальные полосы вагонных рам.

Руки, ноги, головы, куски человечьего мяса — алым дымящимся дождем.

Рельсы, как гигантские змеи, изогнулись в спирали, протыкая бока уцелевшим вагонам... впиваясь, как жало (из полуроты японских солдат — давленая каша). Вот поднялась на дыбы одна змея и качается из стороны в сторону... Вот-вот свалится и придавит тех, кто цепочкой лежит в кустах впереди, наверху...

Уффff! Свалилась спираль на другую сторону.

На сердце отлегло. Цепочка бросается в выемку.

Паровоз и бронированный вагон силою взрыва далеко отброшены вперед, сорваны с рельс... и носом — в откос выемки.

Полузадавленные, полуоглушенные лежат белогвардейцы. Несколько человек подняли руки и плачут.

_____

Через час по дороге шагает горделиво партизанский отряд.

В середине идут пленные, белые солдаты. На них нагружена вся добыча.

Партизаны несут двух товарищей, раненых осколками.

Да редко у кого остались неоцарапанными лица или тела.

С торжеством вступают партизаны в Кронштадтку.

— Ну, вы!.. белые... раздевайтесь.

Напуганные солдаты, свалив груз, торопливо хватаются за пуговицы гимнастерок и галифе.

Через полчаса, одетая в старое партизанское дранье, кучка пленных стоит в ожидании.

Сосредоточенный и важный смотрит на них Кононов.

— Что ж мне с вами делать? —говорит он. — Ну, ладно... хватит с вас и этого урока. Валите-ка во все четыре стороны.

Колчаковцы немеют от радости. Все это городские добровольцы: на пощаду не надеялись.

— Эй вы! Воины! — кричит Сашка-комсомолец. — Передайте от меня привет О-ойю и Розанову... Скажите: Сашка, мол, кланяется.

6. Ходжерс досадует

— Скажите... Вы знали, что поедет О-ой, или нет? — спрашивает майор Ходжерс.

На лице майора довольно отчетливо выступает досада и разочарование.

— Как вам сказать?.. И знали, и не знали — отвечает дипломатично Здерн — у нас, знаете, разведка плохая... Не точно время определила.

— Хем!.. хем!.. — давится отчего-то Ходжерс, словно стараясь проглотить пилюлю — так. Галеты и обмундирование сейчас подвезут. Да!.. чуть было не забыл... Вот что, госпо-

да... Я очень прошу вас вернуть моему унтер-офииеру кольт. По нашим законам за пропажу револьвера ему придется получить три года тюрьмы. Я вас очень прошу: верните.

— Ну, чорт с ним! — говорит Ефим — верну.

Размякло у Ефима сердце.

— Только... — добавляет он. — Если этот крючок вздумает в другой раз бить солдат, то пусть не говорит мне, что это не мое дело. То-то.

Глава 31-ая

ЦАРИЦА ЗАБАЙКАЛЬЯ

1. И тут и там

. . . .

— Почему вы так думаете, — спрашивает Мацудайро. Разве большевики уж ослабли?

— В Сибири безусловно, — отвечает Таро.

— Ваши планы? Планы генерала О-ой?

— ...Монархия под протекторатом Японии. Монархия до Урала.

— Но Иркутск... Иркутск все-таки кулак. Угроза... Что вы думаете предпринять?

— ...Двинуть туда дивизию в помощь генералу Семенову. Разбить кулак...

— Вы надеетесь?

— О, да! Там монархисты будут держаться сильно. Баронесса Глинская сейчас в Чите. Она сумеет...

—————

У двери нерешительно переминается с ноги на ногу гор-

ничная.

Наконец стучит.

— Войдите!

Горничная входит. Мнет край передника. Наконец:

— Барыня...

— Меня спрашивал кто-нибудь? — немного нервно перебивает ее баронесса.

Она уже две недели в Чите, но страх перед загадочной запиской не покидает ее. В гостинице она записана, как жена инженера Зацепина.

Горничная мнется

— Может-быть, к тебе приставали с расспросами. Ну, говори. Пристают?

— Пристают...

Баронесса в страхе закрывает глаза. Значит, напали на след. Нашли уже! Что им нужно?

— А не сказали, что им нужно.

— Сказали. Вот за этим я и...

— Что, что? Деньги, да?

— Да, деньги...

Так она и знала! Откуда она их возьмет?.. Драгоценности она уже продала.

Страшно. Страшно! Но все-таки страх баронессы имеет любопытство:

— Сколько?

Горничная подает счет гостиницы.

— Это что?

— Вот это и просили... чтоб немедленно! Уже неделю пристают. Управляющий...

— Болван он! Скажи ему.

Горничная поворачивается.

— Подожди! На тебе... Я сама поговорю с управляющим. Ступай!

— Боже мой, что это за жизнь!

К телефону:

— Атаман, пришлите за мною автомобиль.

2. Ва-банк

В уютном кабинете Семенова баронесса приходит в себя.

Атаман с ней изысканно вежлив. Рассказывает об очередных новостях.

— Только что у меня был Мацудайра. Японцы довольно конкретно намекают на свои планы.

— А именно?

— Монархия...

— Кто же будет ее возглавлять?

— По их мнению (не без удовольствия произносит генерал) наиболее подходящей кандидатурой является моя.

— А силы?

— Они посылают дивизию.

— О!

Баронесса чувствует, что ее сердце полнится чем-то необычайно приятным, разливается по всему телу. Она на миг закрывает глаза и...

> ...Двор его императорского величества... Кругом сгибающиеся спины... Золотом вышитые мундиры... На троне Семенов... А рядом, рядом... она... чуть-чуть улыбается всем... снисходительно, любезно...

— Вы что-то вспомнили, баронесса? — спрашивает Семенов, видя блаженное выражение ее лица. Он придвигается к ней ближе.

— Да, вспомнила... — Она с чувством пожимает руку Семенова и как-то бережно держит ее.

Семенов не решается спросить подробности. Увидев влажный блеск глаз баронессы, наклоняется к ее руке, целует...

Он чувствует, как другая рука баронессы обнимает его голову и как сильно бьется сердце баронессы.

— Значит, это скоро?.. — спрашивает она.

— Что?

— Ваше царство и...

Семенов опускает глаза.

— Видите ли… реальный учет сил… общее положение сейчас… Моя армия…

Баронесса чувствует, как что-то гонит из сердца пьянящую влагу, как она где-то исчезает. Надо удержать. Теперь или никогда!

— Какой же ответ вы дали Мацудайро?

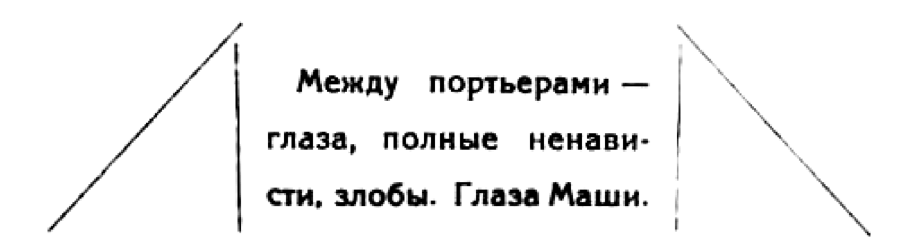
— Я… решил… обдумать… обсудить… Сегодня на оперативном совещании…

— Я надеюсь, генерал, что вы решите вопрос в положительном смысле. На российском троне должен сидеть достойнейший из русских…

— О, баронесса! — Похвала баронессы действует на него, как бич погонщика.

— Вы правы! — уже решительно заявляет он. — Я вероятно… даже могу уверенно сказать, что приму это предложение. Интересы России…

— Я никогда в вас не сомневалась — теплой негой льются слова баронессы.

Семенов счастлив. Но еще не совсем.

— Я был бы рад видеть вас вечером в ресторане Додо. Я пришлю за вами свой автомобиль.

— С удовольствием, генерал.

Она подает ему на прощание руку.

— Досвида… Ах, да. У меня к вам маленькая просьба.

— Ваш слуга, баронесса!

Баронесса подает ему сложенный вчетверо лист.

— Это для гостиницы… У меня на почте… Банк…

— Понимаю. Не извольте беспокоиться!

3. Под страхом смерти

Убирайтесь немедленно отсюда, иначе я вас убью.

— О, господи! Опять!

Баронесса со страхом смотрит на записку, приколотую к ее дверям. Что этим людям нужно?

Нет, она больше тут не может оставаться. Сегодня же нужно переехать к Семенову.

—————

...Десять часов вечера. Автомобиль подкатывает к ресторану Додо. Закутанная в меха, из автомобиля, выходит баронесса.

Невольно взгляд баронессы останавливается на женщине около двери. Лицо ее под вуалью, но при виде баронессы она резко поворачивается и быстро уходит.

—————

— Я получила опять от них записку — жалуется баронесса генералу. — Неужели нельзя избавиться от этих бандитов?

— Покажите записку.

— Вот она.

Семенов смотрит. Потом, широко осклабившись, хохочет:

— Ха-ха-ха! Вот так бандиты. Это Маша шалит.

— Как? Она тут? Вряд ли это шалости.

— Ерунда! Я ее отправлю куда-нибудь.

Но баронесса не может успокоиться. Флирт с Семеновым весьма сдержан. Генерал угрюмо морщится.

— Что с вами, баронесса?

— Не здоровится...

— Выпейте немного вина.

— Нет, нет! — с испугом баронесса. — Я ничего не буду здесь пить.

— Прикажете вас отвезти домой? Я скажу шоферу.

— Нет, нет, я к себе не поеду. Я не могу... Генерал, защитите меня!

Она беспомощно прижалась к генералу. Генерал растроган.

— Если это вас устраивает, я буду счастлив проводить вас к себе.

— Пожалуйста, я буду рада. Потом внезапно:

— Но ведь там...

— Что там?

— Маша... Вы ее...

— Если хотите, я арестую ее.

— Хорошо!

— Едем!

Ее разыскать не удалось...

— О! Атаман! Я не могу быть спокойна, пока эта женщина здесь.

— Я поставлю у ваших дверей караул. Там кнопка — звонок в мою комнату. Спокойной ночи, баронесса!

— Спокойной ночи! — дрожащими губами произносит баронесса.

4. Карта бита

Генерал Скипетров разбит красногвардейцами и отступает. Большевики завладели Иркутском.

— О, это ужасно, ужасно!

— Это еще не все, баронесса. Вот читайте:

Чехи разоружили армию Скипетрова. Солдаты разбрелись.

— Генерал, что ж теперь делать?

— Придется отступать! Этого требуют стратегические соображения. Я думал об этом с самого начала. Реальные силы... общее положение... Но еще не все потеряно.

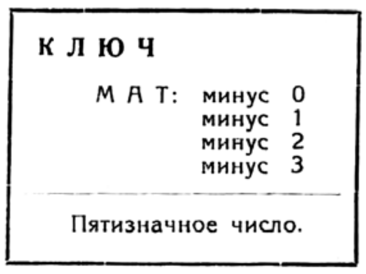
— У вас есть еще надежды, генерал? Ради бога скажите.

— Нашим шпионам в Иркутске удалось перехватить радио какого-то зашифрованного послания к партизанам. При шифровке приложен ключ. Документ повидимому, был послан отсюда в Москву для расшифровки...

— Какой документ? Он у вас?

— Да, вот...

И генерал подает баронессе:

КЛЮЧ

МАТ: минус 0
минус 1
минус 2
минус 3

Пятизначное число.

Шифровка.

10592, 68000, 12533, 10005, 60203, 25800, 76010, 12375, 22359,
16000, 24433, 18021, 36933, 33338, 32169, 10760, 44000, 16203,
58321, 38021, 15800, 10572, 37201, 14430, 48002, 12573, 30065,
10683, 38210, 53102, 60000, 12583, 10760, 37500, 70000, 22440,
68000, 37001, 26210, 10158, 30540, 10583, 57320, 70120, 31144,
33660, 35321, 14922, 24533, 25001, 62000, 69000, 30452, 11511,
10772, 67000, 58000, 15903, 68000, 26221, 25122, 16303, 75031,
70000, 10005, 10550, 17432, 10440, 76000, 11763, 58100, 32174,
33261, 10068, 45000, 11711, 11691, 68222, 54010, 14411, 14311,
15211, 17102, 64000, 10583, 76120, 16101, 16901, 16855, 55333,
75320, 17801, 34521, 44000, 37622, 40000, 11169, 10068, 12472,
15403, 36830, 35533, 39000, 40000, 11169, 10068, 12472, 15403,
36830, 35533, 39000, 40000, 30005, 76301, 10068, 58300, 36310,
10442, 60310, 71032, 58332, 50732, 19023, 36722, 52833, 51107,
60012, 43501, 19201, 73071, 12637, 60127, 67003, 12355, 12434,
70040, 29301, 12340, 50008, 73001, 63210, 12305, 12345, 62031,
42430, 54321, 60293.

7, 68, 74, 58, 55. — 456.

— Да, уже. Должно-быть, что-нибудь важное. Я сейчас отдам его расшифровать. Возможно, что мы узнаем полезные для наших операций сведения.

— Генерал, вы это не сделаете!

— Почему?

— Я вас прошу об этом, умоляю! Отдайте мне этот документ...

— Баронесса! Я вас не понимаю. Что все это значит?

— О, господи, все погибло! Все погибло!

Семенов недоумевает.

— Баронесса! Ради бога, объясните...

Баронесса бьется в истерике. Потом, очнувшись:

— Генерал! Отдайте мне этот документ, или я... Мы расстанемся навсегда!

— Мне очень жаль, баронесса, но в данном случае я вашу просьбу не исполню — произносит генерал, крайне заинтересованный поведением баронессы.

— Тогда прощайте! — внезапно баронесса, вскочив с места.

— Прощайте! Надеюсь, не надолго — улыбается Семенов. Повернувшись к вошедшему ад'ютанту:

— Срочно расшифровать эту бумагу.

―――――

. . . .

...Грохочет поезд. Длинной лентой красные и зеленые вагоны. Санитарный состав № 8.

На диване вагона второго класса баронесса.

Куда?

Без маршрута... без цели...

Спастись, пока не поздно! Но куда!

...Тело дрябло припало к грязному чехлу дивана. Конвульсивно вздрагивают от сдерживаемых рыданий плечи. По щекам извилины пудры, смытой слезами...

Грохочут колеса... Монотонно перескакивают концы рельс...

...Какие-то соки подбираются к корням роскошных золотистых волос баронессы. Вероятно, она поседеет в эту кошмарную ночь...

Может-быть, это ее последняя ночь...

Грохочут колеса... Куда?

Ночь...

Тьма...

Sic transit gloria mundi!

Глава 32-ая

С ПАПИРОСОЙ В ЗУБАХ

1. Свет в окне

Январь на исходе.

Над Иркутском холодной колючей мглой движется ночь.

Пальцы страха сжимают городу горло.

Черные провалины окон застыли в немом ожидании.

Над белой, шершавой, бугристой Ангарой черным силуэтом — понтонный мост.

За ним... там, где под горой предместье Глазкова, жмется вокзал... слышны гудки паровозов.

Один за другим приходят с запада чешские эшелоны и уходят на восток.

А на улицах города мертвая тишь. Только время от времени покажется и скроется чешский патруль или промчатся на конях партизаны из отряда Карандашвили.

_____

Мерзлый льдистый снег звонко скрипит под ногами.

Купол собора уставился и глядит через всю Тихвинскую

площадь в стену высокого белого здания. Там на втором этаже из маленькой комнаты дерзко льется через окно свет.

В комнате двое: граф Клодель и Карандашвили.

Клодель только что пробился в Иркутск с востока.

— Когда было восстание? — спрашивает он у Карандашвили.

— В последних числах октября. Оно охватило быстро весь район Иркутск — Красноярск. Все тыловые части Колчака присоединились к восставшим. Только здесь, в Иркутске, был бой. Защищались юнкера да часть егерей.

— Долго?

— Нет! Начальник гарнизона генерал Сычов сам предал свои части, удрав со штабом на автомобилях.

— Куда?

— К Семенову. Он увез с собой 26 человек пленных революционеров. Потом их всех утопил в Байкале.

— А-а-а!.. Возьмем на заметку.

— После переворота организовалась власть — так называемый политический центр... Эс-эры и меньшевики.

— Долго они проскрипели?

— Не очень. В январе передали власть Ревкому.

— Угу! Такой у них обычай: мавр сделал свое дело, мавр... А, да!.. Колчак-то где был?

— Он ехал с фронта в Иркутск и застрял со своим поездом в Нижне-Удинске. Там его взял под охрану чешский ударный батальон.

— Ну!

— Потом железнодорожные рабочие об'явили забастовку, требуя от чехов выдачи Колчака и русского золота.

— Так. Дальше.

— А чехи сейчас только и думают, как бы скорей унести ноги. Они ведь у всех поездов, даже санитарных, отцепляют паровозы для своих эшелонов. Когда им рабочие пред'явили свое требование, они моментально согласились (только, мол, движение не останавливайте). Жанен отдал приказ... Ударный батальон привез Колчака сюда и выдал его политическому центру. Золото тоже передали. Колчак сидит

теперь в тюрьме. Большевики следствие ведут... канителятся.

— Гммм... На это надо обратить внимание. Нужно настаивать перед Ревкомом на расстреле... Немедля.

— Я того же мнения. Большевики говорят, что его надо сохранить и отправить в Москву. Суд будет там.

— Дудки! Его надо прикончить немедля.

— Едва ли удастся уломать Ревком. Они ведь упрямые.

— Тогда вот что... Если Ревком не согласится, нужно сделать нападение на тюрьму, отбить Колчака и ликвидировать его.

— Дело! Над этим надо подумать.

— Вот, вот... План разработаем... А ты поговори с Ревкомом еще раз. Только осторожно... Не проговорись. Ты ведь горячка.

— Сделаем!

Замолчали.

Карандашвили задумался, опершись на свою кривую шашку, поглаживая седые усы.

2. Навстречу бегущим

Вокзал.

Длинный эшелон. Все теплушки... теплушки...

На перроне полно солдат. Большинство из них в английском обмундировании... Только погоны сорваны. Это бывшие кадровые части Колчака.

А вон и партизанский отряд. Партизаны одеты в полушубки, тужурки, дошки... На головах у них папахи и сибирские ушанки. Почти у каждого через плечо красная лента или бант.

Вот в стороне кучка командиров.

Разговаривают...

— Кто ими сейчас командует?

— Каппель. Их поэтому и каппелевцами зовут. Хотя это остатки всей колчаковской армии.

— Да что вы, не слышали, что ли? Каппель ведь умер под Тулуном.

— А-а-а!.. Тогда, наверно, Пепеляев.

— Нет! Было сведение, что Пепеляев болен тифом и лежит где-то в чешском санитарном поезде.

— Так кто же ими командует?

— Я знаю.

— Кто?

— Войцеховский.

— А-а-а-а!.. слышал.

— Как вы думаете, справимся мы с ними?

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Наши части немногочисленны. Это, во-первых. Во-вторых, неиспытанные... по крайней мере, кадровики... А, в-третьих, каппелевцы спасают свою шкуру: сдаться в плен они боятся... Сунуться им некуда... Приходится пробиваться... Поэтому они будут драться отчаянно.

— Ну, увидим.

— По ва-а-аго-о-онам! — несется крик, — сади-и-йсь!

Солдаты, спеша и толкаясь, лезут в теплушки.

Поезд трогается... на запад.

Это из Иркутска отправляются революционные части навстречу остаткам армии Колчака, бегущим с фронта.

3. В котле

Голова, словно ртутью налитая. Виски гудят. Что-то тяжелое давит сверху на глазное яблоко.

Два дня не спал.

Работы уйма. Момент тяжелый, опасный, ответственный.

Целый день мечется между креслом своего кабинета и прямым проводом телеграфа.

Со всех сторон тянут, отовсюду требуют...

С фронта идут невеселые вести. Фронт требует поддержки. Чехи что-то опять начинают вести себя двусмысленно.

А тут в Иркутске, в городе, забитом попрятавшейся колчаковщиной, целая кипень с организацией тыла, с налаживанием продовольствия и прочее.

А времени мало: только 24 часа в сутки... Ээх.

— Товарищ Шамов! — говорит секретарь, — вы бы отдохнули немного. На вас лица нет.

— Некогда, товарищ, некогда... Мне нужно к прямому проводу. Возвращусь через полчаса.

Спешно сунув в портфель какие-то бумаги, Шамов стрелой летит из кабинета.

Словно угадал: навстречу по лестнице... курьер.

— Товарищ Шамов!.. К прямому проводу.

— Иду, иду...

— Иркутск точка Говорит Шамов

— Зима точка Говорит Калашников

— В чем дело

— Фронт прорван точка Белым помогли чехи открыв у нас в тылу огонь точка Части отступают точка Отхожу к Иркутску точка Организуйте оборону

Так. Началось.

В кабинете:

— Дррррр — телефон.

Трубку к уху... В рупор:

— Алло!

— Кто говорит?

— Шамов!

— Товарищ Шамов! Говорит Чудновский. Сегодня утром около тюрьмы был устроен пожар. Очевидно, дело белогвардейцев. Полагаю, хотели в сумятице освободить Колчака. Организаций много. Одна уже нами раскрыта.

— Так. Товарищ Чудновский! К шести часам вечера будьте в Ревкоме ... Заседание.

— Хорошо.

Дзинь.

Да. Несомненно. Узнали о поражении. Теперь закопошатся в городе. Будут пытаться освободить Колчака или даже устроить выступление. Армия отступает. Каппелевцы близко. Иркутск может пасть. Придется уйти в тайгу. Тогда...

Надо действовать.

— Товарищ секретарь! Известите товарищей... Сегодня в шесть чрезвычайное заседание... Быть всем непременно. Дайте карту...

— Товарищ Шамов! К вам Карандашвили.

— Ага!.. Зови.

Сначала кривая кавказская шашка... затем черная бурка и над ней седая голова.

— Пришел к тебе. Важный вопрос у меня.

— Говори.

— Долго вы будете возиться с Колчаком?

— Ну!

— Его нужно уничтожить... Партизаны волнуются.

— Было бы лучше отправить его в Москву на революционный суд, но...

— Я так и знал. С вами не сговоришься. Слушай, товарищ... Я, право слово, не стерплю... Дождетесь, что мы сами начнем действовать.

— Успокойся. Дурака не валяй. Теперь все равно делать нечего... Придется его судить здесь. Обстоятельства складываются так. Сегодня в шесть заседание ... Будь.

4. Шопот тюремных стен

Там... за Ушаковкой... около Рабочей Слободки... огромное кирпичное здание. Толстые высокие стены ограды... решетки квадратных окон...

Тюрьма.

Наверху в одиночной камере стоит у окна развенчанный верховный правитель адмирал Колчак.

Руку — за борт сюртука...

Смотрит.

А по тюрьме сверху вниз и снизу вверх из камеры в камеру арестантским радио несется дробный прерывчатый стук.

Каменные уши кирпичом барабанных перепонок чутко слушают, как шепчут сенсационную новость беленой глиной каменные уста.

Тюрьма — чудовищный организм, где за толстыми оболочками клеток живут в протоплазме спертого воздуха бледно-синие волосатые ядра.

Мечутся ядра от стены к стене, от окна к глазку... бьют суставами костлявых пальцев по штукатурке стен.

Ноют стены шопотливым гудливым стуком...

Передают:	Слушают:
— Приговорены смерти	— Приговорены смерти
. . . .	. . . .
— Колчак	— Колчак
. . . .	. . . .
— И Пепеляев	— И Пепеляев
. . . .	. . . .
— Расстрел завтра	— Расстрел завтра
. . . .	. . . .
— Утром	— Утром
. . . .	. . . .

5. Палач

Холодные липкие руки скребут воздух крючковатыми пальцами. Судорогой дрожь пробегает по телу. В горле клубок. Мутные глаза лезут из орбит и с ужасом смотрят на белую гладь стены. Слух напряжен... Ловит:

— Приговорены к смерти Колчак и Пепеляев. Расстрел завтра утром.

— Уфффф!..

Тело слабеет и покрывается потом.

Слава богу: не он... не его приговорили... нет.

Но все равно... Не спастись.

Чувствует:

Рано или поздно выступит стена его имя. Холодный камень скажет слово... И это слово: смерть.

Что делать? Господи! Что делать?

В узком сдавленном черепе палача торопливые скачут мысли...

Широко шагая кривыми ногами, мечется из угла в угол. В черной щетине волос посиневшие пальцы.

В этой же тюрьме он служил при Колчаке палачом...

А теперь... арестант.

Палача не помилуют... Знает.

Сегодня Колчак... Завтра он...

Колчак?

Ба! Идея! Неужели?.. Авось... Быть-может... Господи!

Узловатое тело палача — камнем к столу.

Крючковатые пальцы дрожа вынимают из-за пазухи огрызок карандаша и лист курительной бумаги.

Пишет...

Еще ниже свисает и без того отвисшая, непомерно большая зубастая челюсть. С толстой посиневшей губы стекает слюна.

Пишет...

-----

6. Резолюция

— Товарищ Шамов! Из тюрьмы от колчаковского палача пришло прошение.

— Ну!

— Вот!

Читает:

«...как я человек семейный и с детьми, а службы не было...»

Мимо!

«... я завсегда за совецкую власть...»

Мимо!

«...и сохранить для моей семьи мою жизнь, так я предлагаю свою работу на придмет повесить Колчака... в чистом виде..»

— А-а-а!.. Вот что?

И крупно химическим карандашом через все прошение, из угла в угол:

«Расстрелять с Колчаком вместе».

7. Трое

Подслеповатое утро. Бледным туманом морозная льдистая мгла.

Белым налетом кристаллов покрылись ограда и стены тюрьмы.

Стынет тюрьма в бесстрастном молчании... Бельма на окнах.

В коробке второго двора, вблизи от стены стоит молчаливо группа администрации и взвод Красной армии.

Ждут.

Холодно.

Машут руками... переступают с ноги на ногу.

Скоро ли?

Ага! Ведут.

Закопошились. Суетливо выстраиваются.
Окруженные конвоем идут трое осужденных.
Снег хрустит под ногами.
Приближаются...
По середине Колчак. Он знает свою вину... Он знает, за что его казнят...
Рука — за борт сюртука. Спокоен.
Справа премьер-министр Пепеляев.
Слева — палач.
Трое: правитель, премьер и палач.
Пепеляев... полнолицый, полнотелый... сжался... посинел. Шатается. Ноги тяжелые, тяжелые. Скользит недоуменным, невидящим взглядом.
По лицу палача судороги. Огромная нижняя челюсть пляшет. Руки трясутся. Жадные глаза бегают от неба к земле, от побелевших кирпичных стен к лицам конвоя...
Холодно.
Встали.
Читается приговор:
«Именем революционного народа, руководясь революционной совестью»...
Слушают... Я вдруг не то?.. Я вдруг...
«...к высшей мере наказания...»
Нет!.. нет!.. нет!..
— Последняя воля?
— О-о-о-о! бьются на снегу в рыданиях два тела: Пепеляева и палача. Ползают... Хватают за ноги...
Палач:
— Не хочу! — не хочу!.. не надо!.. Смилуйтесь!.. Дети, дети у меня... Товарищи дорогие!..
Премьер:
— Помилуйте!.. виноват я... виноват... искуплю... Служить... служить буду честно... советской власти... помилуйте...
Правитель:
— Разрешите выкурить папиросу!
— Курите!
Закурил. Взглянул на красноармейца... и крайнему с фланга... серебряный портсигар:

— Возьми!
А палач и премьер рыдают.
— Поднять! Живее!
Подняли.
— Смирно!
Вот... птица летит. Не успеет она залететь...
— Взвооод!..
— ... за крышу, как...

Глава 33-я

КУРОК ВЗВЕДЕН

1. Тайник под кладбищем

. . . .

— Сюда! Тише!
— Я ничего не вижу.
— Держитесь за меня. Осторожней. Здесь поворот. Теперь пять ступенек вверх.
Совершенная тьма.
...Тплаххх... зажигается спичка. Держит ее большой и указательный палец с хорошо обрезанными ногтями. В свете спички две фигуры стоят, прижавшись к стене.
— Ну, чорт возьми! Хорошо же вы тут упрятались.
— А ты знаешь, где мы теперь находимся?
— Любопытно.
— Двенадцать футов под землей. Над нами городское кладбище.
— Ого! Хорошенькое местечко. Что ты тут возишься?
— Здесь механизм потайной двери... Есть. Ну, держись за меня.

Они пролезают в какую-то открывшуюся в стене дыру и по ступенькам поднимаются вверх. Навстречу специфический запах трупов.

— Скоро ли, — не терпится одному.

— Сейчас.

Еще дверь. Поворот. Свет:

продолговатое низкое помещение со сводами.

За столом Клодель. Трое неизвестных, интеллигентного вида людей.

— Василий! Здорово! Что, не ожидал?

— Мне уж сообщили о твоем приезде утром. Привез?

— Все в целости и сохранности. В тюках мануфактуры для японских фирм.

— Превосходно! — Клодель от удовольствия потирает руки.

Вошедший с любопытством озирается. По стенам все провода какие-то, проволоки. На столах различные аппараты, инструменты, приспособления...

— Однако, здорово вы тут устроились, — вырывается у него возглас восхищения.

— Да, брат, здесь не Москва, поработаем!

— А как же вы тут? Ведь Ревком скоро...

— А что, Ревком! Им пока все это на руку.

— А дальше?

— Дальше! — Клодель улыбается. — У нас имеется коечто про запас. Гляди сюда.

Он вытаскивает из ящика стола сложенный вчетверо большой лист — карту Дальнего Востока и Японии и водит пальцем по ней. Между шопотом произнесенных фраз слышны слова:

....точные исследования

профессора Н...не дольше двух месяцев..все это уже подготовлено ....я нарочно ждал твоего приезда, чтобы совместно проверить свои предположения. Этой же ночью...

— Михаил! — обращается он к одному из сидящих, — спроси, готова ли лодка.

Названный Михаилом берет трубку телефона:

— Мэри, скажите, как там, ужин готов? Ага! Мы сейчас приедем.

— Готово!

—————

Далеко на том берегу залива в темноте ночи из воды торчит лишь круглый кончик перископа. Затем скрывается и он.

— Поехали! — зорко озираясь по сторонам, говорит человек, сидящий на берегу. Он садится в лодку и едет обратно в город.

А на глубине двадцати футов бесшумно скользит подводная лодка. В узенькой, но уютной каюте, Клодель с вновь прибывшим товарищем.

В другом отделении, выше, механик и его два помощника. Механик просовывает вниз голову:

— Вы звали?

— Прибавьте ходу.

— Иес! Курс?

— Держитесь правого берега.

Голова механика исчезает.

— Говори, чорт возьми, куда мы едем? — не терпится вновь прибывшему.

— В гости к Желтому, — отвечает Клодель. — Ха- ха! — смеется он. — Только вряд ли он обрадуется нашим гостинцам.

2. Тайга в городе

Конспиративная квартира — узкая, длинная, низкая комната (гроб, а не комната) утопает в табачном дыму.

Окно завешено одеялом и старой юбкой.

Подпольники громоздятся целыми пачками на стульях, на скамье, на столе, на кровати... Один паренек даже на комоде примостился. Для этой цели ему пришлось сдвинуть к одному концу весь немногочисленный ассортимент туалетных принадлежностей товарища Нади: зеркало, две пустых баночки, два пустых флакончика и коробку пудры «рис» с ваткой вместо пуховки.

Тесно в комнате и душно. Подпольники потеют и слушают...

Штерн кончает доклад:

— Итак, товарищи... Мы все сходимся на том положении, что главные силы нужно направить не для реорганизации партизанчества, а на работу среди колчаковских частей. За дело, товарищи. Момент для переворота назреет скоро. Относительно группы террористов, ведущих работу сепаратно, для нас возможно только одно решение: пока мы можем использовать их деятельность и даже частично способствовать им... Но мы должны быть настороже. Вернее всего, что наши пути разойдутся.

Штерн окончил.

Подпольники по одному начинают покидать квартиру.

Некоторые уходят парочками... и на улице начинается (конспирация) громкий разговор.

— Ах, неправда! Что вы говорите Серж? Катишь в него вовсе не влюблена. Она просто любит танцовать Уан-степ.

— Я вас уверяю.

— Ах, что вы?

. . . .

— Любите ли вы кинематограф?

— Еще бы, я ни одной фильмы не пропускаю. Это моя страсть.

. . . .

Комната пустеет.

Ефим подходит к Штерну. На его лице пуд таинственности и не менее важности.

— Александр!

— Что?

— Орлов из Москвы приехал.

— Какой?

— Ну, тот, которого Дроздов с документом послал. Дроздов, ведь, не застав Орлова здесь, пустился за ним в Москву.

— Ну, ну.

— И ты знаешь... Они расшифровали документ.

— А?

— Эге. Чрезвычайно интересная вещь, как говорит Орлов. Он приехал сюда со специальными заданиями.

— В чем дело?

— Да я не знаю. Но Орлов говорит, что очень интересно. Завтра он будет у меня и принесет документ Приходи.

— Ладно. Итак... до завтра.

— До завтра.

Выйдя на улицу, Ефим начинает пошатываться и напевать сипловатым голоском:

«Люблю мужчин я рыжих!..»

3. Кобра

Таро робко смотрит на руку О-ойя.

Рука свирепо сжимает пресс-папье.

Генерал сидит в кресле, хмуря брови и сверкая черными ямками глаз.

— Ну!.. дальше.

— Мацудайра доносит, что наступление на Иркутск отбито. Части Семенова распадаются. Целые полки восстают против него или разбегаются по домам, захватив оружие.

— Хрррр-тьфу! Ну!

— Мацудайра доносит, что оставаться в Забайкалье опасно.

— Глупости. Дальше.

— Сородзу сообщает из Благовещенска, что население городов и станций открыто сочувствует партизанам.

— Х-э-э-э! — ну!

— Охранять Амурскую дорогу не хватает сил.

— Идиот! Дальше.

— Здесь, во Владивостоке, среди интеллигенции и даже буржуазии начинает расти недовольство интервенцией.

— И что ж?

— И... Только этим недовольством можно об'яснить успех неуловимых террористов. Белогвардейские организации в панике. Даже баронесса Глинская испугалась и скрылась неизвестно куда.

— И что ж?.. Харр-тьфу!

— Нам грозят... Я получил записку... А вам...

— Ну!

— Извольте прочитать это письмо. Я получил в таком же конверте.

Таро протягивает конверт с синей каймой.

О-ой сердито рвет края конверта.

Белый лист с такой же каймой.

Читает:

— ... Мы можем в любую минуту отправить вас на тот свет. Если не желаете смерти, эвакуируйте Забайкалье и Амур.

— О-о-о!

О-ой задумывается.

_____

Огромный червяк...

Шея и голова плотно сжатыми кольцами зацепились за что-то.

Медленно подтягивается хвост.

Рраз! — хвост упирается... голова и шея вперед почти толчком.

Тихо... бесшумно.

В полутьме горят зеленые глазки...

Змея.

Медленно надувается шея. На шее очки...

Кобра.

Вот переваливается через решетку камина и беззвучно скользит по полу.

Холодная чешуя облизала последнюю плитку холодного паркета. Теперь что-то мягкое, пушистое... Ковер.

По сторонам в толще полумрака прячется обстановка спальни.

Впереди тумбой ночной столик. На нем, под густым темно-зеленым абажуром, горит маленькая штепсельная лампочка.

Тихий свет вытягивает из мрака белый угол пододеяльника и два бугорка белой подушки. Середина подушки вдавлена. На ней темным пятном голова.

Зеленый луч задевает краешком маленькие, реденькие усы щетинкой и кончик носа. Больше ничего.

А из-под самых усов ползет наружу прерывное придушенное:

Ухxррррууууу!.. уххрррууу!..

Храп.

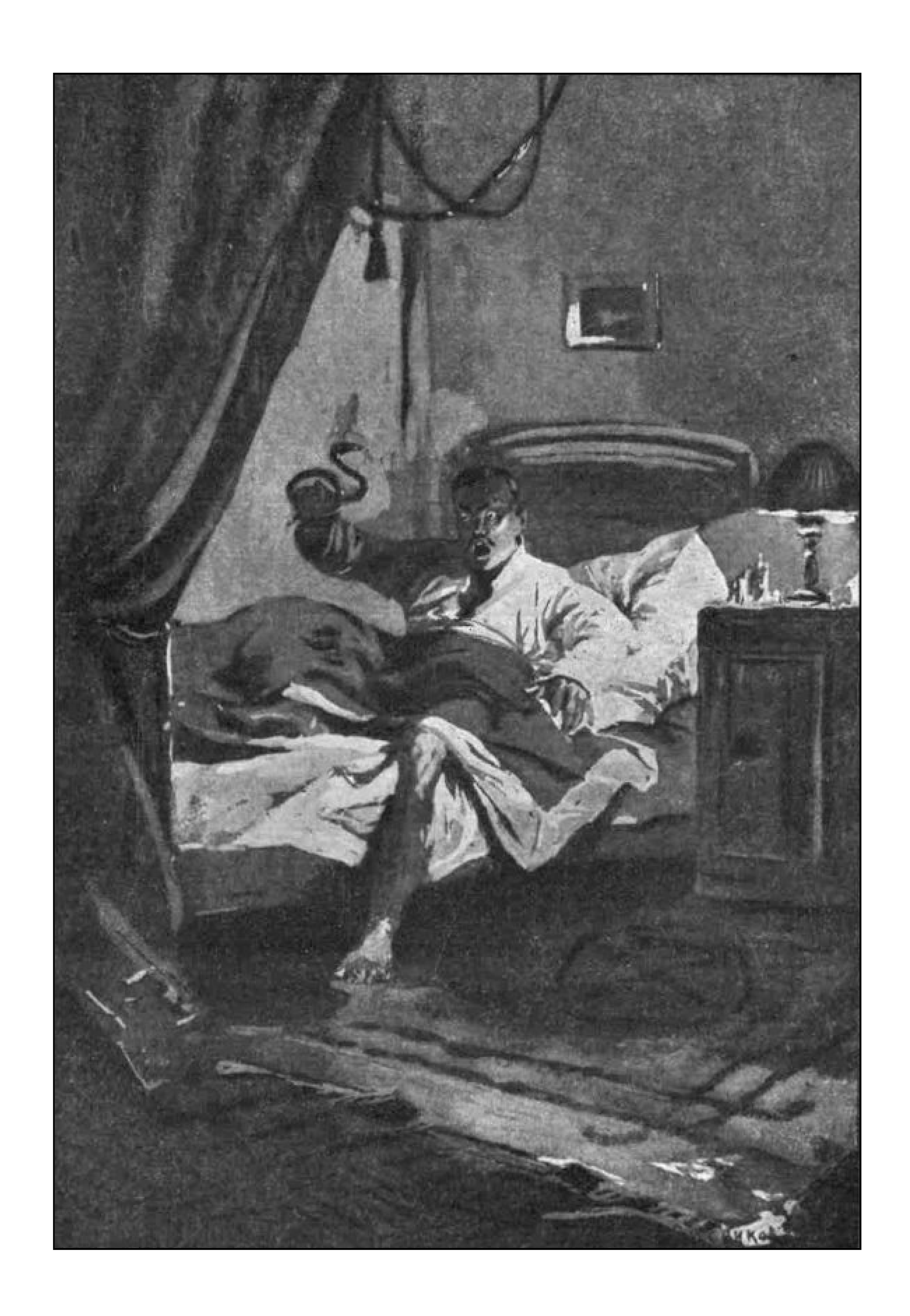
Хвост кольцом на ковре. Туловище поднимается вверх, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Шея все толще... толще.

Из открытой пасти раздвоенный язык и тихий шипящий свист.

Не двигайся, лежащий на кровати. Тихо, тихо лежи... Ой! Не двигайся.

Не знает. Во сне медленно поворачивает туловище на бок. Из-под одеяла выскальзывает рука... свисает.

Кобра мигом — в спираль. Нажим мускулов и...

Как стальная пружина развернулась спираль. Зеленый луч лампы блеснул тонкой ниткой по хребту чешуйчатой ленты.

Раскрытая пасть прямо в грудь лежащему.

— О-о-ой оооо!

Ноги толчком срывают одеяло. Руки на взмахе... и сразу... в кисть, что-то холодное, скользкое...

Змея!..

Дикий крик острием несется из горла...

Генерал О-ой прыжком бросается с кровати.

4. Взгляд... и нечто

...К берегу Тихого океана подходит корова. Наклоняется. Пробует соленую воду. Невкусно. Отходит. Ложится в песок, жмурится от солнца и машет хвостом, отгоняя мух...

... С Эйфелевой башни только что отправили очередное радио о перевороте в Москве и о большевистских зверствах...

...В Токио девять часов утра. Никаких политических новостей. День начинается.

...Тысячи торговцев, в национальных и европейских костюмах, открывают свои игрушечные бомбоньерки. По тротуарам торопливо снуют раскосые чиновники, клерки. Шлепают деревяжками черноволосые японки. По мостовым узких улиц легкой рысью бегут полунагие потные рикши. Повсюду яркими пятнами колышутся бумажные шелковые зонтики.

Миллионный город Великого Ниппона, Страны Восходящего Солнца живет обыденной жизнью, и никакие предчувствия не морщинят его желтое лоснящееся лицо...

И не чует Страна Восходящего Солнца, как огненные черви ползут к ее корневищу, как подтачивают ее сердце...

Спокойно, величаво дремлет Тихий океан. Голубые волны целуются с солнцем экватора, поют колыбельную песню в полуночный час лениво разлегшемуся у его ног материку.

Сиротливо столпились в кучку горсть островов, точно выброшенных материком — Япония.

...Спокойно, величаво дремлет океан. Только он один знает тайну грядущих судеб Японии...

5. Конструктор

Конструктор прочел последнюю главу второго тома романа. Подумал. А потом вслух:

— Фу, чорт! Настоящая бульварная пинкертоновщина...

Взялся за рычаг.

— Выключить экран! — скомандовал.

Полное затемнение.

А потом надпись:

Второй том романа «Желтый дьявол» был впервые издан в Ленинграде издательством «Прибой» в 1926 году.

В тексте, за исключением исправления наиболее очевидных опечаток, сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Иллюстрации взяты из оригинального издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.